Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

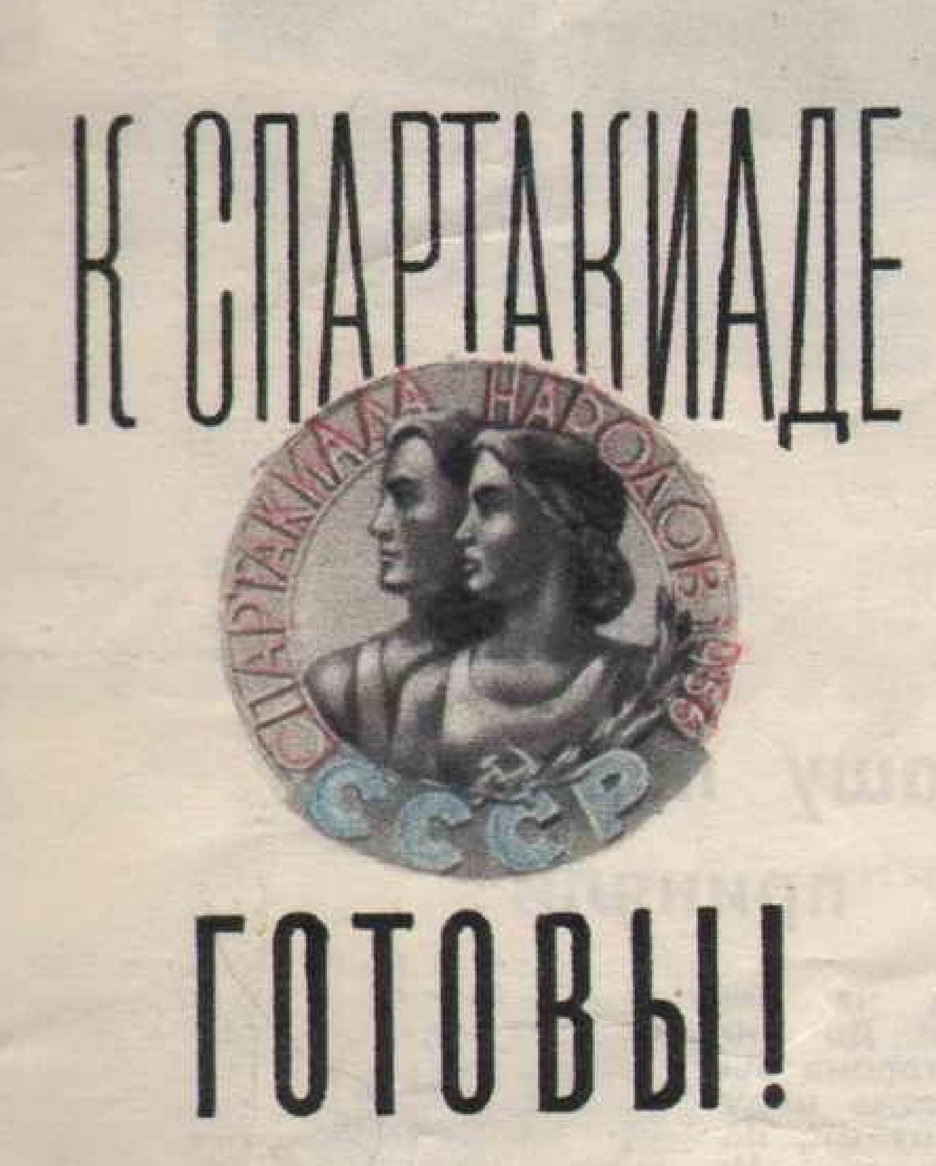
ОГОНЁК № 30 (1519)

34-й год издания

22 ИЮЛЯ 1956

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

К СПАРТАКИАДЕ

ГОТОВЫ!

Спартакиаде Российской Федерации предшествовали соревнования в шестидесяти двух тысячах низовых физкультурных коллективах, в двух тысячах районах. На заводских, колхозных, студенческих стадионах делались первые заявки на победы, а затем сто тысяч лучших спортсменов республики приняли участие в спартакиадах областей, краев и автономных республик РСФСР.

Такой путь прошли восемь тысяч сильнейших спортсменов — участников Спартакиады народов РСФСР. В программу этой спартакиады были включены соревнования по двадцати двум видам спорта. Целую неделю шла борьба на земле и на воде. Зрители на трибунах рукоплескали легкоатлетам и пловцам, боксерам и гимнастам, гребцам и штангистам, велогонщикам и футболистам. Много способной, подающей большие надежды спортивной молодежи выдвинулось за эти дни. Первенство завоевала команда Московской области, второе место заняли спортсмены Ростова-на-Дону, третье — города Горького, четвертое — команда Свердловска, а пятое — спортсмены Воронежской области.

Теперь флаг Спартакиады народов РСФСР спущен, подведены итоги, розданы призы, но главная борьба еще впереди. 5 августа в Москве, на Центральном стадионе в Лужниках, встретятся сборные команды всех союзных республик, сильные спортивные коллективы Москвы и Ленинграда.

Еще в мае провели свою спартакиаду спортсмены Туркмении, вслед за ними вступили в борьбу спортсмены Грузии, Казахстана, Узбекистана, Азербайджана, Армении, Украины, Белоруссии, Эстонии...

Спортсмены страны к Спартакиаде народов СССР готовы!

Москва. 14 июля. Торжественное закрытие Спартакиады РСФСР. Марш-парад победителей. (Фоторепортаж о спартакиадах союзных республик см. на стр. 26—27).

Фото А. Бочинина.

Полная общность взглядов

С 16 по 18 июля в Москве находилась прибывшая по приглашению Правительства СССР Правительственная делегация Германской Демократической Республики во главе с Премьер-Министром ГДР Отто Гротеволем.

В Заявлении о результатах переговоров Правительственных делегаций Советского Союза и Германской Демократической Республики отмечается, что между обеими странами успешно развиваются всесторонние дружественные связи в полном соответствии с принципами равноправия, взаимного уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Во время переговоров были рассмотрены вопросы дальнейшего развития экономического сотрудничества между обеими странами на взаимно выгодных условиях. При обмене мнениями была установлена полная общность взглядов обоих правительств по важнейшим международным вопросам. Стороны выразили единодушие в том, что в нынешних условиях нет другого пути к объединению Германии, кроме пути прямых переговоров и соглашения между Правительствами Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германии.

На приеме у Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина, состоявшемся после подписания Заявления о результатах переговоров Правительственных делегаций Советского Союза и Германской Демократической Республики, Премьер-Министр ГДР товарищ Отто Гротеволь, заканчивая свою речь, провозгласил: «За наше совместное дело — за победу социализма!» В своей речи товарищ Н. С. Хрущев провозгласил здравицу за успешное строительство социализма в ГДР, за дружбу социалистических стран. «Наши переговоры,— сказал товарищ Хрущев,— успешно протекали и завершились благодаря тому, что мы и наши немецкие друзья имеем единую точку зрения».

На снимке: после подписания Заявления о результатах переговоров между Правительственными делегациями Советского Союза и Германской Демократической Республики.

Фото Дм. Бальтерманца.

Нерушимая дружба

В обстановке сердечности и полного взаимопонимания происходили переговоры между Правительственными делегациями Советского Союза и Корейской Народно-Демократической Республики. Эти переговоры укрепили братские отношения между нашими странами.

Во время пребывания в Москве члены Правительственной делегации КНДР, возглавляемой Председателем Кабинета Министров КНДР Маршалом Ким Ир Сеном, познакомились с жизнью столицы, побывали в Доме-музее В. И. Ленина в Горках, посетили ВСХВ и Всесоюзную промышленную выставку, были на одном из московских авиационных заводов.

На снимке: товарищи Ким Ир Сен, Пак Ден Ай и другие члены делегации в павильоне «Машиностроение» Всесоюзной промышленной выставки. Здесь корейские гости обратили особое внимание на образцы советских тракторов, которые могут быть использованы в сельском хозяйстве КНДР.

Фото О. Кнорринга.

Нашу поправку приняли!

Фруктовый сад на Выборгской стороне! До сих пор Выборгская сторона была всемирно известна индустриальными гигантами, новаторскими починами. Но сады...

Трамвай мчится по Лесному проспекту вдоль живой зеленой изгороди. Вот она, густая поросль коллективного сада на Полюстровском проспекте, посаженного и выращенного заводскими ветеранами.

Среди деревьев и кустарников мелькают майки, соломенные шляпы. В саду горячая пора: собирают ягоды, огурцы, опрыскивают деревья. День воскресный, и все приехали сюда, как обычно, с женами, детьми, внучатами. Вот только разговоры в это воскресенье не совсем обычные.

В гости к газосварщику Алексею Никитичу Никитину зашел приятель, печник Илья Антонович Герасимов.

— Поздравляю с пенсией, порядком будем получать деньжат. Ведь теперь еще и за стаж прибавляют.

— Спасибо,— ответил хозяин.— Я вижу, и тебя не обошли.

Развернули газету, вытащили карандаши, стали считать.

Никитина знает весь завод. Пять пятилеток он был передовиком-новатором. Через его руки прошли многие тысячи деталей текстильных машин, которыми оборудованы советские текстильные фабрики и комбинаты.

Алексею Никитичу 66 лет, но выглядит он моложе. Производства не покинул. И не только потому, что привык к цеху, а, по правде сказать, трудновато было прожить без заработка, на одну пенсию — на 165 рублей. А сейчас? По новому закону ему положено, как подсчитал сам Никитин, с надбавками за общий стаж работы и льготами по вредности производства не менее 950 рублей.

— Тут вот что хорошо,— заметил Герасимов.— Поправки наши учли в Москве. Кто 35 лет проработал, тому надбавка полагается. Мудрый закон!

Иосиф Иванович Шабаловский поступил на завод в 1914 году чернорабочим, но потом пошел по административной линии, сейчас руководит отделом. После принятия поправки — установить надбавку за стаж — его пенсия достигнет почти 700 рублей вместо прежних 165.

— И у сына моего Владимира, инвалида войны, тоже увеличится пенсия,— говорит он.— Можно неплохо жить!

И. И. Шабаловский в своем саду с сыном Владимиром.

Затем беседа касается других вопросов, которые подняты на сессии Верховного Совета и волнуют каждого советского человека. Хорошо, что сессия приняла обращение к парламентам всех стран мира о разоружении, что сказала еще одно веское слово о запрещении ядерного оружия и прекращении его испытаний.

— Чем спокойнее будет на земле, тем лучше будут жить все люди,— заявляет Шабаловский.

Хозяйка, Анастасия Федоровна, накрыла стол в беседке, пригласила гостей.

— Ну, отметим, что ли? — говорит Иосиф Иванович.— Годок-то вышел урожайный. Считай: пенсию прибавили, женщинам отпуска по беременности увеличили, подросткам рабочий день сократили, и мы по субботам раньше кончаем — можно садовничать!

К. ЧЕРЕВКОВ

Джордж Морган-

Орденская книжка Джорджа Моргана.

метростроевец

А. СЕРБИН

От времени бумага слегка пожелтела и истрепалась на сгибах. Аккуратные руки заботливо подклеили ее с обратной стороны. На бумаге напечатано:

«Слушали: о составе Научно-технического совета при Президиуме Моссовета...»

Это выписка из протокола заседания Президиума Московского Совета, датированная 26 декабря 1935 года. Среди перечисленных фамилий членов Научно-технического совета — «тов. Морган — инженер, главный консультант Метростроя».

И еще выписка из протокола другого заседания Президиума Московского Совета. В ней говорится, что за выдающиеся заслуги в деле строительства Московского метрополитена инженер Джордж Морган, подданный США, награждается почетным знаком Московского Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов. Под выпиской напечатано: «Председатель Московского Совета — Н. А. Булганин».

Оба эти документа привез с собой в Москву американский турист, инженер Джордж Морган. Он привез и орден Трудового Красного Знамени, которым он был награжден в 1936 году за участие в строительстве первой очереди московского метро.

— Посмотрите на мою фотографию того времени. Вот что могут сделать с человеком двадцать лет. Ведь теперь мне уже шестьдесят...

Годы действительно немного ссутулили высокую фигуру американского инженера. Но шестьдесят ему все-таки дать трудно, и мы говорим ему это.

Он довольно кивает головой:

— Вот, вот! Когда я был на приеме во французском посольстве в честь французского национального праздника, мистер Булганин мне сказал: «А вы становитесь все моложе».

Наш разговор начинается с того далекого времени, когда Джордж Морган приехал в нашу страну впервые. Он работал инженером американской фирмы «Артур Дж. Макки энд К°». По договору между фирмой и советскими организациями Морган приехал в 1931 году в СССР на строительство Магнитогорского металлургического комбината. Работал Морган в Магнитогорске около двух лет. Потом отправился на родину.

Для Соединенных Штатов это было время, когда страну охватили жестокий кризис, безработица. Тогда Джордж Морган отправился в Москву туристом и предложил свои услуги Метрострою.

— Я сказал так: давайте я поработаю у вас три месяца. Если мы подойдем друг другу,— заключим настоящий трудовой договор. И мы прекрасно подошли друг другу. Мы успешно проработали пять лет: с 1933 по 1935 я был консультантом в Метрострое, потом стал сотрудником НКПС. Уехал я в 1937 году, когда уже была закончена первая очередь метрополитена и шли работы по созданию второй очереди.

Дж. Морган считает, что строительство первой очереди метрополитена было «университетом» для инженеров. Пришлось обратиться к английскому, американскому, немецкому, французскому опыту. Но в Москве очень большое разнообразие почв. Многое надо было изобретать заново.

— Вы были автором этих изобретений?

— Нет,— энергично мотнув головой, отвечает американский инженер.— Нет, не я, а мы. Я имею в виду — московские инженеры. В создании метрополитена принимали участие тысячи людей. Мы работали коллективно.

Господин Морган вспоминает прошлое. Трудно пришлось при строительстве станции «Красные ворота». Здесь часто встречались, «как вы называете это по-русски, плывуны». Пришлось поломать голову и при строительстве станции «Библиотека имени Ленина». Но больше всего забот доставила «Дзержинская». После завершения первой очереди метро Дж. Морган написал книжку «Московский метрополитен — лучший в мире».

— Я всегда с удовольствием вспоминаю годы, проведенные в Москве. Жизненные удобства у меня были, была интересная работа, хорошее, дружеское окружение. Чего же еще надо желать? — говорит Дж. Морган. И, улыбаясь, добавляет: — Я, между прочим, жил на Земляном валу в одном доме с вашим знаменитым летчиком Чкаловым. Выше его на один этаж. Понимаете, выше такого летчика! Неплохо, да?..

Разговор переходит к новым впечатлениям американского гостя. Какие перемены заметил он в Москве с тех пор, как видел ее в последний раз?

— Чтобы увидеть перемены, не надо далеко ходить: стоит посмотреть из окна отеля. Раньше тут была неширокая уличка с невысокими домами, которая называлась «Тверская». А теперь — прекрасный проспект с солидными зданиями — улица Горького. Первое, что я сделал,— это объехал Москву на машине. Да, совершен большой шаг вперед! Новые дома, новые районы. Когда я жил здесь, в Москве не было такого здания, как университет, а оно говорит о многом. А уличное движение! Тогда лошади были, пожалуй, главным видом транспорта. А теперь, чтобы увидеть в Москве лошадей, наверное, надо отправиться на ипподром, да? Изменился и внешний облик людей. Они одеты гораздо лучше. Это результат индустриализации, результат того, что ручной труд людей заменен широким использованием машин. Я был на вашей выставке и познакомился с советским машиностроением. Я видел очень хорошие образцы различного оборудования. Тракторы, например, краны, экскаваторы. Конечно, кое-что можно покритиковать, но вы стоите на правильном пути. Было время, когда ради промышленного развития вам надо было приносить жертвы. Теперь вы начинаете получать плоды того, во имя чего эти жертвы были сделаны.

— Вы один из строителей московского метрополитена. Что вы можете сказать о новых станциях метро?

Дж. Морган сразу же отвечает одним словом:

— Экселлент! (Отлично!)

Потом он говорит:

— Я видел новые станции и разговаривал с инженерами, которые их строили. Среди них я встретил своих старых коллег. У вас хорошая техника для строительства. И мне думается, что вы поступаете правильно, прокладывая новые линии метрополитена глубже. Вы не нарушаете все подземные коммуникации, которые лежат на небольшой глубине, да и почва для прокладки туннеля там лучше. Говоря о вашем метро, надо отметить важные вещи: чистоту и очень хорошую вентиляцию по сравнению с подземными дорогами в других странах.

Раздается телефонный звонок. Кого-то из западных корреспондентов, очевидно, интересуют подробности пребывания господина Моргана в Москве. Положив трубку телефона, Морган говорит:

— Этот человек все пытался выяснить, не обсуждал ли я с Никитой Сергеевичем, который принял, политические вопрос[ы], ведь я не политик, а инженер.

Джордж Морган напоминает, [что] с Н. С. Хрущевым он часто встречался во время своего пребывания в Москве в 30-х годах.

— Я всегда считал его симпатичным.— Последнее слово Морган произносит по-русски.— Вот и сейчас Никита Сергеевич Хрущев принял меня... Мы беседовали больше часа. Раньше, когда я работал в Москве, у нас были очень хорошие деловые отношения. И наша встреча была похожа на встречу двух старых друзей. Конечно, мы вспоминали об общих знакомых, о проблемах, которые нас волновали тогда. Никита Сергеевич спрашивал меня о моих впечатлениях о Москве. Потом он рассказал мне, что делается в вашей стране для улучшения жизни народа. А я ответил, что увидел это улучшение собственными глазами. Это была очень приятная беседа.

Джордж Морган беседует с машинистом поезда Александром Николаевичем Сажиным на станции метро «Дзержинская».
— Мы с вами коллеги,— говорит Сажин.— Я строил три очереди метро.
Фото Г. Боровика.

Мы просим Джорджа Моргана высказать свое мнение об обмене визитами между американцами и советскими людьми.

— Прежде всего я хочу сказать, что надеюсь посетить Москву еще раз. Я всегда был сторонником улучшения отношений между нашими двумя народами. Я считаю, что американцы и русские должны узнать друг друга как можно лучше.

Сборные дома для новоселов

На платформу бережно укладываются щиты полов, потолков, стен с готовыми окнами и дверьми, детали крыш. Домостроительный цех Тюменского деревообделочного комбината «Красный Октябрь» отправляет очередную партию сборных домов. Они предназначены для новоселов Сибири и Севера.

В нынешнем году тюменские домостроители послали для Братской ГЭС 73 сборных типовых дома. Каждый имеет 4 отдельные двухкомнатные квартиры. Дом отличается простотой сборки и высокой прочностью. Десять человек могут собрать его за 4 дня. Между обшивками наружных и внутренних стен укладываются изоляционные пакеты. В таком доме будет тепло даже при сорокаградусных морозах.

Домостроительный цех каждые пять с половиной часов выпускает четырехквартирный жилой дом. За полгода отправлено более 350 домов.

К уборочной кампании домостроительный цех готовит также разборные полевые домики для тракторных бригад. Каждый из них имеет 10 спальных мест, 3 стола, ящики для личных вещей. В совхозы на целину отправлено более 1 400 таких домиков.

Погрузка сборных домов.
Фото И. Тюфякова.

А. ГРИГОРЬЕВ

НА МОРСКИХ БЕРЕГАХ

22 июля — День возрождения Польши

Л. КУДРЕВАТЫХ, фото И. ТУНКЕЛЯ.
Специальные корреспонденты «Огонька»

В порту Гдыни.

Китайские моряки-практиканты на борту польского корабля «Пуласки».

В Польше свято хранят традиции. В дальние века уходит история Праздника моря. В этот день польские девушки и парни, дети и старики идут к берегу Балтийского моря, поют ему песни, кружатся в хороводе, бросают в пенистые воды венки из полевых цветов.

В Празднике моря выражена извечная мечта польского народа быть ближе к морю, пользоваться его благами.

Мечты польского народа сбылись в 1945 году. Освободившись из-под гитлеровского ига, польский народ вернул свои исконные земли. Тогда впервые по всему польскому берегу Балтийского моря на просторах в сотни километров состоялся подлинно народный Праздник моря. На берегах звучали широкие и привольные старинные польские песни и новые песни, песни свободной Польши, в которых народ клялся возродить из пепла разрушенные порты, построить новые судостроительные заводы, превратить свою родину в большую морскую державу.

Я видел приморские Гданьск и Гдыню в дни первого послевоенного Праздника моря. Тяжелое зрелище открылось моему взору: руины взорванных и сожженных домов, изуродованные причалы, беспомощно повисшие хоботы кранов. Над водой Гданьской гавани угрюмо торчали мрачные башни взорванного и затопленного немцами линкора «Гнейзенау». Но уже везде: на улицах Гданьска и Гдыни, в гавани и на причалах — кипела жизнь. Расчища-

лись развалины, ремонтировались краны, вылавливались мины. Первый поднятый со дна Гданьского залива морской корабль «Африка» плавно покачивался на волнах. В Гданьск и Гдыню прибывали рабочие-строители из Варшавы, Лодзи, Познани, Кракова. Они пришли, чтобы восстановить два приморских города и превратить их в один сплошной индустриальный центр.

Руководитель восстановления Гданьского порта инженер Шедрович, водивший нас тогда по причалам, показывал, как начинает биться жизнь в порту. В веселом взгляде голубых глаз было столько внутренней радости, какой-то неповторимой силы, что мы невольно залюбовались нашим спутником. А он, как бы вторя своим мыслям, сказал:

— Хорошо на море! Свежий ветер дует отсюда на всю новую Польшу. И ветер этот несет запах первого пароходного дымка. Знаете, сегодня у нас счастливый день! Сегодня в наш порт жалует первый корабль.

Через час в гавань плавно входил долгожданный гость. Все работники порта высыпали на причалы встречать первое судно в возрождающемся Гданьске. Вскоре на широком борту судна отчетливо обозначилось название: «Вишера». С мостика советского корабля раздался мощный голос рупора:

— Привет, дорогие друзья! Следом за нами идут корабли из Швеции, Финляндии...

Через одиннадцать лет я снова в Гданьске и Гдыне. Ну, конечно, этих городов не узнать. Они возродились, помолодели и вместе с тем возмужали. Как и в Варшаве, в Гданьске в первозданном виде восстановлено Старе Място с изумительной росписью на стенах. На башне ратуши укреплен герб Гданьска. Величественно возвышается костел. А с капитанской вышки порта открывается вид на море, на разрастающийся город, где с новыми кварталами пока еще соседствуют руины, хотя и редкие. Отсюда видно, как в каналах судостроительного завода плавно покачиваются готовые поднять пары построенные здесь могучие корабли.

Гдыня тоже помолодела, разрослась. Все причалы работают с полной нагрузкой. Без суеты, по-деловому порт ежедневно принимает к причалам и отправляет десятки кораблей.

— К нам теперь жалуют флаги почти всех стран мира,— рассказывал заместитель капитана порта товарищ Яцынич.

С палубы катера он показывает нам корабли с названиями на польском, английском, французском, русском, голландском, шведском и многих других языках.

— Наш порт располагает сейчас совершенным оборудованием, способным перегружать более крупный тоннаж, чем до войны. Грузооборот растет с каждым годом. В прошлом году мы приняли более двух с половиной тысяч судов. В нынешнем примем, конечно, значительно больше: наши торговые связи расширяются...

Катер причаливает к польскому кораблю «Пуласки». Капитан Ян Годецкий знакомит нас со своими помощниками и матросами. Экипаж почти наполовину состоит из китайских моряков-практикантов.

— Это уже не первая группа,— объясняет капитан.— Дружный народ, трудолюбивый, вдумчивый, настойчивый, с ними приятно работать. Мы быстро привыкаем друг к другу. В палубной команде соревнуются китайские товарищи и польские, победителями выходят то те, то другие. Вечера самодеятельности, собрания проводим на китайском и польском языках. Словом, живем как одна семья!

Нас окружают китайские моряки. Они обнимают и польских моряков и нас и говорят:

— Друзья... Братья... Хорошо...

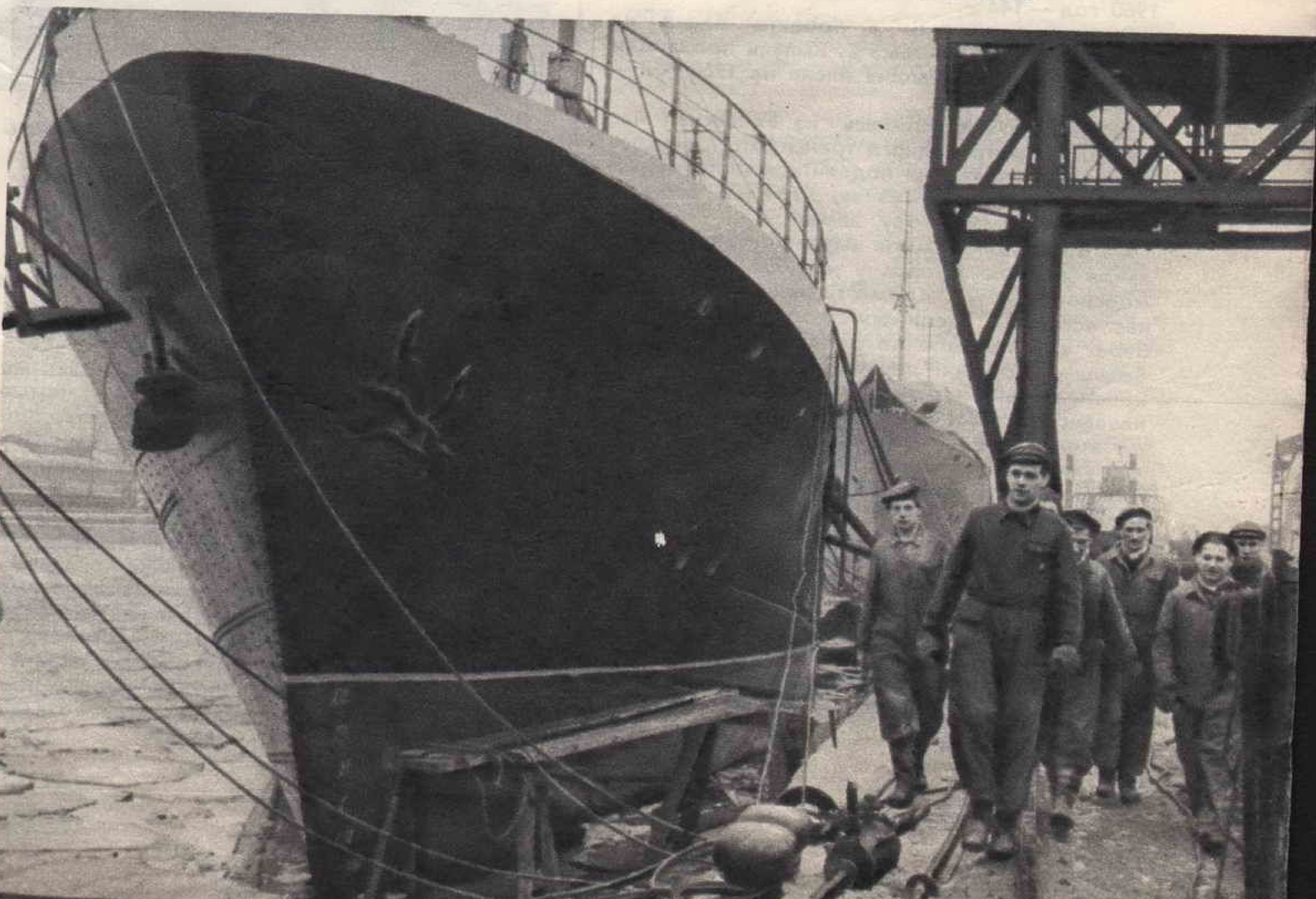
Вечер мы провели в гданьском интернациональном клубе моряков. В этом прекрасно оборудованном клубе часы отдыха проводят торговые моряки многих стран.

Сегодня здесь пакистанцы и французы, норвежцы и египтяне, китайцы и поляки. Во всем: в беседе в читальном зале, в игре на бильярде, в танцах, песнях у микрофона — чувствуется, что все эти люди, разговаривающие на разных языках,— члены дружной семьи бесстрашных тружеников моря. Вот подходят к микрофону пакистанцы и поют свои национальные песни. Им аплодируют норвежцы, французы, египтяне. У микрофона моряки из Китайской Народной Республики и из Гонконга.

Польша наших дней не только морская держава, но и крупнейший строитель морских

Улица в Гданьске.

Они строят суда...

кораблей. Центр судостроения — Гданьск. Чтобы только бегло осмотреть судостроительный завод, нам пришлось затратить целый день. А одиннадцать лет назад здесь были развалины. В первые послевоенные годы в Гданьске лишь ремонтировали мелкие буксиры, латали паровозы и тракторы, делали трамвайные вагоны. Собственно, судостроение началось только в 1949 году. Но как оно разрослось, как изменилась вся технология производства! Начали с маленьких углевозов и рыболовных траулеров. А теперь сериями на воду сходят крупные корабли грузоподъемностью в пять и десять тысяч тонн. Вначале корпуса кораблей сшивались заклепкой, сейчас на воду идут цельносварные гиганты. Срок изготовления кораблей по отдельным сериям сокращен в два, три, четыре раза.

Инженер Вацлав Галиц показывает нам один из достраивающихся кораблей в десять тысяч тонн.

— Длина этой махины — 154 метра, ширина — 19,4 метра,— говорит он.— Скорость — 16 узлов. Такие суда теперь — наша основа. А в перспективе — грузовые корабли в 18 тысяч тонн и пассажирские в 25 тысяч тонн.

Многие из нынешних строителей первоклассных кораблей пришли сюда из деревни. Здесь они получили профессию. На кафедре судостроения Гданьского политехнического института учатся сотни рабочих. Некоторые из них уже стали инженерами. В своей судьбе, в судьбе завода они видят будущее страны, ее все развивающуюся мощь.

— Судостроение породило бурное развитие и других отраслей промышленности нашей страны,— рассказывает директор завода товарищ Знаевский.— Если несколько лет назад большое количество судового оборудования мы импортировали, то теперь оборудование, как правило, поставляет отечественная промышленность. Сейчас мы строим суда не только для своего все расширяющегося отечественного флота и для флота стран народной демократии, но и для других государств, например, Индонезии, Бирмы, Цейлона.

Нам довелось присутствовать в заводском клубе судостроительного завода на собрании, утверждавшем окончательный вариант пятилетнего плана предприятия. Собрание как бы подытоживало коллективную творческую мысль. Первый вариант плана обсуждался в бригадах и цехах. В него вносились значительные изменения, основанные на предложениях рабочих и резервах производства. Все замечания были учтены и согласованы с главком министерства. И вот родился новый, окончательный план, который на этом собрании торжественно утверждался и подписывался руководителями завода и общественных организаций как руководство к действию. Итоги поправок, внесенных рабочим коллективом, выражены графически на плакате, висящем на сцене:

Производительность труда в проекте плана на 1960 год (к 1955) — 136,9%. Производительность труда подписываемого сегодня плана на 1960 год — 144%.

Выпуск продукции в проекте плана на 1960 год (к 1955) — 166,5%. Выпуск продукции подписываемого сегодня плана на 1960 год — 172,4%.

Когда мы возвратились из Гданьска, нас принял министр водного транспорта Мечислав Попель. Он попросил поделиться впечатлениями о виденном и, узнав, что мы были в Гданьске и в 1945 году, заметил:

— В Празднике моря выражена любовь поляков к морю. Теперь у нас 500 километров морского берега. Кроме Гданьска и Гдыни, у нас есть еще Щецинский порт. Но морской берег сам по себе не делает любую страну большой морской державой. Порты имеют и колониальные страны. Флот есть у любого независимого государства. А вот когда ко всему этому есть и верфи, выпускающие суда,— это уже морская держава. Старая Польша не имела судостроительной промышленности. За годы между первой и второй мировыми войнами в Польше было построено всего тринадцать небольших катеров и спортивных яхт. А теперь мы, как вы видели, строим большие корабли, бороздящие под нашим флагом все моря и океаны. Теперь мы продаем любому государству, если оно захочет купить, суда, построенные на наших верфях. Теперь мы с гордостью и по праву говорим: новая Польша — большая морская держава!

22 июля — Всесоюзный день железнодорожника.

Василий ТИТОВ

Фото А. Гостева.

На восток бежит тепловоз, уже четвертые сутки все на восток. Собственно, «четвертые сутки» — это относится только к составу, тепловозы меняются. Сел я на первый из них в Уральске, а сейчас вот уже десятый сменился и бежит и влечет состав без устали на восток.

За стеклом необъятная казахская степь. Когда отодвинешь раму, издалека со степи слышно, как по ней, перестукивая колесами, бежит наш поезд. И удивляешься сам себе: вот сколько езжено разными дорогами — большими и малыми,— а никогда из окна вагона не приходилось видеть так широко землю, как видно ее из кабинки тепловоза. То расстелет степь перед взором волны сухих серебристых ковылей, то рыжими, сухими подпалинами выгоревших на солнце трав опалит глаза, то поднимет на крыло журавлей у синих да голубых, словно одинокое степное око, брошенных в травы озер.

А то пройдем с ходу, не останавливаясь, станцию, полную составов, людей у пакгаузов, где грузят лес, ящики со стеклом, мешки с зерном в автомобили, что гуськом вытянулись у навесов и так ждут своей очереди. И вновь степь.

Ну что сказать о машине? Клад! Бежит час за часом ходко вперед, несет за собою по рельсам, словно и не чует его, две тысячи

двести тонн груза, и кажется, не нужно ей ни остановок, ни набора воды, а мчаться бы ей только вперед, все вперед.

Еще в поезде, покуда не слез на станции Уральск, пассажиры много говорили мне о тепловозе, и мы много толковали об исчезающих звуках. Мне сказали, что почти вся оренбургско-ташкентская железнодорожная магистраль переведена уже на тепловозную тягу и что голоса паровоза там уже не услышишь.

На станции Уральск, едва очутился на перроне, едва вышел из вагона поезда,— тишина. Ни шипения пара, ни горластого гудка, ни звука льющейся в тендер ледяной воды из водоразборной колонки, ни самого паровоза на линии нет. Даже станция та и не та! Депо похоже на аккуратный, чистенький новый заводской цех, а сам тепловоз вышел из него, напоминая огромный спаренный, только без «удочек», троллейбус. И над железнодорожными путями уже звучал не голос паровоза, а мелодичный, дрожащий, молодой и будто еще не устоявшийся, новый звук тепловозного гудка — тефона.

Машинист проверил «документы» — разрешение двигаться на тепловозах на восток — и сказал: «Что же, пойдемте садиться». Я взбирался в кабину тепловоза с таким чувством, с каким, видимо, взбирались по подножке в вагон или по трапу на палубу первые пассажиры, менявшие почтовую тройку или пассажирский парусник на первый вагон «чугунки» или каюту первого «пироскафа». Что ни говорите, а новая машина всегда возбуждает какую-то настороженность и пытливое любопытство. Что же такое изобрели, что паровоз — уже прошлое? Убедить — не удивить. Тут нужны выкладки, доказательства!

...Кабинка машиниста очень просторная, широкая, светлая. Справа и слева у боковых окон — по мягкому креслу. У правого кресла светящийся щиток с циферблатами, кнопками да несколько каких-то ручек. В полу возле кресла нечто похожее на две педали, позади же массивная перегородка и две двери к машинам. И все. А впереди за светлыми стеклами, по которым машут метелками «дворники», прямо под носом путь.

Как это не похоже на кабину паровоза! Вот вошел машинист Айтакли Усманов, указал мне место на железном рундучке с инструментом возле переборки, подле самого смотрового стекла, сказал: «Садитесь»,— сел сам на кресло у правого стекла, перевел маленькую ручку на деление «вперед». Эта реверсивная рукоятка — реверс, устройство, что дает направление ходу поезда, вперед или назад. А в следующую минуту он нажал какую-то кнопку на щитке с циферблатами, и вдруг за перегородкой дрогнули и заработали дизели. Усманов положил руку на регулятор скорости, дал сигнал, несколько повел рукоятку на себя, и вот медленно, но энергично, без рывка, словно одним движением могучего плеча, тепловоз стронул с места состав в две тысячи двести тонн, как малую поклажу, и влег в работу.

Это было убедительно: без буксовки на месте, без шуровки котла, без суеты, сразу могуче взяла эта машина состав и понесла его в просторы.

Что ж, хорошо. Значит, прежде всего труд на ней — это труд без большого напряжения, удобный, не выматывающий силы. Но только ли это? Только ли поэтому не паровоз, а тепловоз? Нет, должно быть, не только это. Что-то еще кроется за тем, что на дорогу пришел тепловоз.

Открываю боковую дверь в переборке, что отделяет кабину от машинного отделения, и сразу меня охватывает грохот дизеля. Он проделывает титаническую работу. В цилиндры, где движутся поршни, ежесекундно впрыскивается горючее, которое мгновенно воспламеняется, сгорает, и оттого бешено движутся поршни двигателя, вращая коленчатый вал. А к коленчатому валу присоединен электрогенератор. Дизель крутит его, а он бесшумно вырабатывает электроток и передает его на моторы колесных пар. Моторы вращают колеса, и наш тепловоз мчится по рельсам. За стеною в переборке действует невидимкой «главная рука» — высоковольтная камера, в которой стоят все приборы, что по воле машиниста управляют и дизелем, и моторами, и всеми малейшими движениями механизмов.

За короткой переходной площадкой в сторону состава движение в движение, такт в такт работает управляемая той же «главной рукой» вторая секция. Ее можно отцепить, и тогда она будет отдельным тепловозом на тысячу лошадиных сил. Сейчас состав тянут две секции с силою двух тысяч лошадиных сил.

Но у старика-паровоза лошадиных-то сил тоже не меньше, и ходят на наших далеких стальных магистралях машины, что не слабее тепловоза. Тогда к чему же тепловоз, почему пришло время забывать и сдавать в архив могучую и дешевую силу пара? Обо всем этом я спросил помощника машиниста Григоревского, что ходил у дизеля и свежими «концами» вытирал руки.

— А вы слыхали что-нибудь о коэффициенте полезного действия локомотива? — ответил вопросом на вопрос Григоревский.— Ведь коэффициент полезного действия даже у самого современного, даже самого совершенного магистрального паровоза редко превышает семь процентов использования топлива. А это значит, что из каждой тонны сожженного угля на передвижение поезда расходуется только семьдесят килограммов. Остальные девятьсот тридцать килограммов буквально «вылетают в трубу» в виде различных «отходов» и не могут быть использованы. Если знать, что в паровозных топках сжигается одна четверть добываемого в наших шахтах и карьерах угля, то станет ясно, какое огромное количество его пропадает даром.

Итак, главное—коэффициент полезного действия! Слушая Григоревского, я вспомнил то, что прочитал перед поездкой в одном учебнике паровозного дела. Там говорилось, что со времени первого паровоза в России братьев Черепановых и английского паровоза Стефенсона мощность локомотива возросла много больше, чем в сто раз, скорость увеличилась раз в пятнадцать, а коэффициент полезного действия — только в два раза. Паровоз Черепановых или мощнейший паровоз серии «Серго Орджоникидзе»! Времени между ними много больше, чем сто лет. И вот только вдвое!

— А коэффициент полезного действия у тепловоза? — спросил я.

— Двадцать пять! — отвечал Григоревский.— И причем, учтите, топливо — солярка, соляровое масло, что остается от перегонки нефти на бензин.

Я больше ни о чем не спрашивал помощника машиниста.

Мы за несколько часов домчались до станции Казахстан. Здесь кончалось «плечо» работы машиниста Усманова. Локомотив «ТЭ2 № 231» отсюда возвращался с новым составом, что пришел с востока, в свое депо — на станцию Уральск. А я пересаживался на новые машины, что шли на восток.

На одном из перегонов машинист тепловоза Кондрат Васильевич Сметанин, что лет двадцать пять на своем веку водил паровозы, не отрываясь от управления, так говорил мне о новой машине и о «старике»:

— Какое же может быть между ними сравнение? Ну, вот, например, паровоз на промывочный ремонт ставим мы через пять тысяч километров пути, тепловоз на малый периодический ремонт — через восемнадцать тысяч километров. Паровоз на подъемный ремонт — через сорок — пятьдесят тысяч километров, тепловоз — через сто шестьдесят — сто восемьдесят тысяч километров. Что же тут сравнивать?!

На другом «плече» молодой помощник машиниста Демьян Вихорев говорил:

— Эта машина без заправки может идти и пятьсот и восемьсот километров, а вот работаем мы еще на коротких «плечах».

— Как это на коротких «плечах»?

— А так. Вот вы выехали, говорите, из Уральска, а в депо на станции Казахстан сели в другую машину, а та пошла обратно. Это и есть короткое «плечо», всего сто семнадцать километров. А потом от депо Казахстан до депо Илецк вас везла новая машина сто сорок километров, а с Илецка она обратно ушла в депо Казахстан. Это — второе «плечо». А что, если депо Казахстан совсем упразднить, раз локомотив может идти и двести, и триста, и пятьсот километров без заправки? Ведь ему в пути не нужно брать ни воды, ни угля, ни масла: все с собою взято на сотни верст вперед.

Так до самых Мугоджарских гор убеждал тепловоз, что это не просто «модная техника», что все на его стороне. Убедить — покорить. И он покорял.

А как без особой натуги, просто, свободно брал он подъемы!

...Но вот уже и Мугоджары далеко позади.

На земле Чкаловской в Соль-Илецке я спускался в соляные шахты. В Актюбинске останавливался надолго и ходил на завод ферросплавов. А потом, когда подошла станция Кандагач, дорога, как у витязей в сказке, уперлась в растань: направо пойдешь — на Гурьев дорога, а там нефть; прямо пойдешь — на Ташкент поведут тебя рельсы; налево — к Орску путь, а там Никель-тау в предгорьях и хром в горах лежит.

За Мугоджарами, как эпиграф к пустыне Кзыл-Кумы, лежали пески Большие Барсуки. Они горбились километр за километром холмистыми барханами, все в цветах эремуруса и сухой путанице саксауловых изломанных ветвей.

Потом в глаза заливами плескало долго синее Аральское море.

А теперь все уже позади, а впереди бескрайняя синяя казахская степь. И мне вспомнилось то время, когда, почти тридцать лет назад, я шел пикетажистом с изыскательской партией от Семипалатинска на Алма-Ату по восточному краю этой большой земли: мы прокладывали будущую трассу Турксиба.

Тогда только две дороги — Транссибирская магистраль да эта вот, что от Оренбурга на Ташкент бежала,— опоясывали синий степной Казахстан. Бывало, посмотришь на карту — «тау», «тюбе», кочевья, караванные «ёлы» на ней да почтовые тракты бегут к Атбасару, Акмолинску, к Зайсану. А мы все на юг, все на юг — под жарою, по ковыльному ворсу степи, через холмы. И, бывало, вечером, когда с далеких «кудуков» придут с водою верблюды и на биваке варится уже чай, молодой помощник топографа Павел Красильев уже стоит у костра, качает золотой головою своею, на которой кудри рассыпаются над высоким лбом, и читает стихи, что сложил за день:

Пустыня, мы встретились! Сетуй!
Мы вторглись в просторы, встречай!
Лучами суши от рассвета,
До ночи ветрами качай.
Стели нам из терний постели
И в бурю заставь нас ничком,
Секомых песчаной метелью,
Склоняться над жарким песком,—
Упрека не будет, а горе
Пройдет, как верблюд за грядой,—
Мы вышли в ковыльное море
За новой, живою водой!

Стихи и молодость неразлучны. А тогда трассу Турксиба мы называли трассой культуры.

За нами, на Иртыше, уже гремели сибирские грабари, отсыпали первую насыпь, и уже на ней кричал «И-иду-у!» первый «сормович». Зимою его перетащили по льду реки на больших деревянных санях, и он, веселый и энергичный, возил шпалы и рельсы и бушевал вовсю парами на левом берегу Иртыша. А в мае 1930 года сибирский путь вышел на Туркестанскую магистраль. Между станцией Арысь и Луговой пути соединились.

А теперь я опять еду на восток, гляжу на маленькую карту, что лежит у меня на коленях, и вижу эту землю изрезанной новыми стальными путями. Они бегут и к Атбасару, и к Акмолинску, и на Павлодар, и далеко махнули туда, где звенят теперь рудами и металлом и Караганда, и Джезказган, и Балхаш, и много иных других городов и мест.

А паровоз, что же, придет время, и он совсем уйдет с магистралей нашей страны. Он еще трудится, бушует и на Иртыше и в Сибири, он еще мчится в ночь и в день по просторам юга и севера. Но молодой голос тепловоза уже заглушает его. Уже где-то в проектных бюро под руками инженеров творятся новые машины. Скоро, может быть, газотурбовоз, а за ним и атомные локомотивы выйдут на магистрали страны.

Новое время — новые думы, новые заботы.

...И бежит тепловоз на восток!

Станция Арысь.

ПОДВИГ ХУДОЖНИКА

В Третьяковской галерее есть картина, обращающая на себя всеобщее внимание, хотя она расположена вблизи изумительных шедевров русской живописи. Гигантское полотно занимает всю стену зала.

...Синее южное небо льет свет на группу людей, купающихся у источника. В центре этой группы человек с лицом страстным и проникновенным, рука призывно брошена вперед. Вся его поза как бы говорит: смотрите, люди! И люди всматриваются туда, куда указывает рука пророка, человека, видимо, простого: овечья шкура вокруг его бедер, грубая хламида наброшена на плечи, лицо худое, изможденное, но полное необыкновенной силы. Он пришел откуда-то издалека о чем-то поведать людям, что-то рассказать, призвать, посеять в души семена истины, которой они не знают, но о которой должны узнать, ибо в ней, этой истине, их спасение. А вдалеке идет человек, ничем внешне не примечательный, идет походкой легкой, как будто несомый ветром. И пророк указывает на него: вот он, смотрите, радуйтесь, удивляйтесь, он несет вам избавление, этот человек, знающий то, чего не знаете вы, он Мессия!

Картина написана на известный евангельский сюжет и называется «Явление Христа народу». Задуманная как живописное произведение религиозного содержания, она под кистью художника, теснимого жизнью, испытавшего всякие превратности судьбы, много мыслившего, долго и напряженно искавшего, превратилась в полотно социальное — в ней возник с необычайной яркостью и страстью сложный мир человеческих чувств и отношений. Не религиозный сюжет, ограниченный рамками евангельской легенды,— главное в этом произведении, нет, менее всего это! Окинуть взглядом эту картину и уйти — значит не увидеть ничего. Надо внимательно всмотреться, и не только всмотреться, вдуматься во все происходящее на полотне, и тогда только перед нами возникнет во весь рост мудрое содержание этого произведения, раскроется замысел художника и станет понятным его творческий подвиг. Двадцать лет, половину всей своей сознательной жизни, отдал художник этой картине, десятки раз он ее переделывал, уходил от нее и возвращался к ней, пока наконец, уже почти стариком, положив на холст последний мазок, не дал себе праза сказать: я сделал все, что мог! Я свершил!

Равнодушие богатых, ханжество и притворство «призванных» лжемудрецов, стремительность честной и смелой юности, лукавство подлости, приниженность раба, обесчеловеченного рабством, гнев страстного обличения — все есть в этой толпе людей, из которой каждый по-своему относится к Правде, Справедливости, Избавлению: одни радуются, другие негодуют, третьи выжидают. И у каждого свой характер, своя, неповторимая индивидуальность, выражающаяся и в чертах лица, и в движении, и в композиционном расположении. Какая, скажем, к примеру, равнодушная спина у этого богатого старика, которому раб помогает одеваться! Раб что-то говорит, улыбаясь приниженно и подобострастно, готовый немедленно согласиться с мнением господина, старик же неподвижен, людское возбуждение не интересует его: ему все равно, он занимает твердое место в жизни, мир не должен меняться, он должен оставаться таким, как есть...

А. А. ИВАНОВ.
Портрет работы С. П. Постникова.

Автор этой картины, одного из крупнейших художественных произведений мирового значения,— русский художник Александр Андреевич Иванов. Родился он в 1806 году в семье профессора Российской академии художеств Андрея Ивановича Иванова, выходца из народных низов, «сына безвестных родителей», питомца воспитательного дома. Отец был учителем, воспитателем и наставником своего сына, талант которого был обнаружен рано и вовремя поставлен на правильный путь. Близость семьи Ивановых к тем кругам русского общества, которые выдвинули из своей среды декабристов, породила в душе молодого художника любовь к Родине и презрение к деспотии, искреннюю веру в народ, в его силу. Разгром декабристского движения, воцарение Николая I, утверждение духа мертвящей реакции во всех областях жизни тогдашней России крайне тяготили молодого художника. В одной из своих записок начала 30-х годов Александр Иванов писал: «Рожден в стеснении монархии, не раз видел терзаемых своих собратий, видел надутость бар и вертопрашество людей, занимающих важные места. Всегда слышал жалобы домашние на несправедливость начальства, коего сила приводила в страх и рабство...»

Хотя вокруг семьи Ивановых создалась обстановка подозрительности, тем не менее талант Александра Иванова был настолько ярким и сильным, что после долгих колебаний его все же отправили учиться в Италию, в Рим, тогдашний центр творческой мысли живописцев, куда стремились попасть все, кто хотел совершенствовать свою кисть.

В Риме Александр Иванов и прожил почти всю жизнь. Вначале он получал стипендию от Российского Общества поощрения художников, имел успех, а за картину «Явление Христа Марии Магдалине...» был избран академиком. Но постепенно Общество охладело к нему, забыло его и бросило на произвол судьбы: искусство Александра Иванова казалось казенным покровителям слишком тревожным, загадочным, возбуждающим умы. Так пребывание Иванова в Риме превратилось в изгнание. Суровая нужда не раз стучалась в двери мастерской художника, но он не бросал свою кисть, а продолжал работать со всей страстью и упорством истинного подвижника. «Явление Христа народу» — это творческий итог всей жизни художника, вершина его труда. Но и другие картины, написанные во время пребывания в Италии, являются великолепным свидетельством громадного таланта русского мастера. «Аполлон, Гиацинт и Кипарис», «Явление Христа Марии Магдалине после воскресения», портрет Гоголя, чудесные жанровые картины — «Октябрьский праздник в Риме», «Жених, выбирающий серьги для своей невесты»,— множество пейзажей, в которых художник с изумительным изяществом постиг гармонию природы, сотни этюдов, выписанных в своеобразной, ивановской манере, столь приближенной к жизни, столь остронаблюдательной,— они и без «Явления Христа народу» должны были принести художнику славу...

Живя в Риме, Александр Иванов радостно и душевно встречал всех русских, приезжавших туда. С Гоголем они стали истинными друзьями. С Герценом и Огаревым Иванов был очень близок. В римской колонии русских художников он был общепризнанным главой. Мысли о Родине и родном народе никогда не покидали его. В одной из своих записок, относящихся примерно к 1850 году, видимо, под влиянием бурных событий 1848 года, потрясших Европу, Иванов писал: «Какая же нация должна принять итог вековых трудов держав павших! — Святая, восстающая, колосс-Россия».

На родину Александр Иванов вернулся только в 1858 году. 27 лет он прожил в чужой, хоть и прекрасной стране. Политическая обстановка в России несколько разрядилась: отгремела Севастопольская оборона, Николай I умер, ожидались реформы...

Картина «Явление Христа народу» была официальными академическими кругами принята сдержанно, если не сказать холодно. «Неудачник» — словцо это, посланное в свет завистниками или профанами, преследовало художника. Шесть недель он прожил в России и внезапно умер.

Молодая демократическая, разночинная Россия поняла и оценила художника, его изумительное мастерство, его творческий подвиг. Чернышевский писал: «...об Иванове мы достоверно знаем, что он приехал в Петербург человеком, заслуживающим не только славы по своим талантам, но и уважения и сочувствия всех благородных людей образом мыслей, истинно достойным нашего времени». В «Колоколе» Герцен поместил некролог об умершем художнике, в котором говорилось: «Еще раз коса смерти прошлась по нашему бедному полю, и еще один из наших лучших деятелей пал странно и безвременно. Дворцовые косари помогли его подкосить... Жизнь Иванова была анахронизмом, такое благочестие к искусству, религиозное служение ему, с недоверием к себе, со страхом и верою, мы встречаем только в рассказах о средневековых отшельниках, молившихся кистью, для которых искусство было нравственным подвигом жизни...»

За гробом Александра Иванова шел весь мыслящий, передовой Петербург: Чернышевский, Некрасов, учащаяся молодежь, литераторы, художники. И среди художников был молодой Крамской — будущий организатор передвижников,— и это как бы означало преемственность благородных традиций и высокого мастерства. Творчество Александра Иванова, 150-летие со дня рождения которого ныне отмечает наш народ, составляет гордость и славу нашего отечества.

Ник. КРУЖКОВ

БАЦИЛЛА

Стефан ГЕЙМ

Рассказ

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

Когда дверцы вагона автоматически захлопнулись и поезд плавно отошел от станции, доктор Геппнер облегченно вздохнул, впрочем, не очень громко, чтобы не услышал дремавший напротив пассажир. Последней станцией городской железной дороги в Восточном Берлине будет Фридрихштрассе. А там Западный Берлин и — свобода!

Он посмотрел на Анжелу. Она нервно теребила воротник своего пальто. Она была бледна и выглядела больной. Бедная, как сказались на ней эти годы! «У меня была хоть работа,— подумал он,— а на ее плечах лежал дом и все эти мелкие заботы: об обеде, белье, о Гейнце; мальчик рос в мире, который никак нельзя было считать нашим...»

Он до сих пор любил жену ровной, ненавязчивой любовью и так и не научился разбираться в ее чувствах.

— Теперь все будет хорошо,— сказал он.— Даже очень хорошо!..

Она пристально посмотрела на него красными от бессонной ночи глазами.

Ей пришлось почти все сделать самой: отобрать немногие ценности, которые можно было взять с собой, сложить и упаковать самые необходимые вещи. Он настойчиво внушал ей: «Многого не увезешь, да это, в конце концов, и неважно; там нам дадут дом, мебель, постельное белье, столовое серебро...» Но женщина остается женщиной. Она привязывается к вещам — картинам, книгам, к какому-нибудь подсвечнику, вышитой скатерти, ко всяким безделушкам... Жизни свойственно пускать корни...

Нет, в эти дни он не мог ничем помочь ей! Собрания, совещания у директора завода, напряженная работа — и так до самого конца, до этого последнего вечера. Все время приходилось подавлять в себе желание оставить им какие-то наставления, растолковать, как налаживать в цехе тот или другой процесс. Особенно с этим новым видом искусственного волокна, которое он сумел добыть из продуктов бурого угля... Сделай он хоть малейший, самый туманный намек, у них сразу родилось бы подозрение, они наладили бы за ним слежку. А ведь успешное бегство зависело как раз от слепого доверия к нему... Да, это доверие он зарабатывал у них годами — начиная с сорок пятого, когда он первым вернулся на завод. На прямой вопрос русского полковника он сказал тогда: «Да, я буду работать. Конечно, буду работать».

— Послушай, мы уже?..— услышал он вопрос Анжелы.

Доктор Геппнер с усилием вернулся к действительности.

— Да, уже,— успокоил он жену,— все кончено, все позади. Скоро мы уедем с тобой отдыхать... В Италию. На озеро Комо...

Он остановился: дремавший напротив пассажир громко зевнул.

— А сколько нам остается еще ехать сейчас? — допытывалась Анжела.

— До станции Цоо. Там нас будут ждать.

Все шло до смешного легко, настолько легко, что до сих пор еще где-то шевелилась мысль о погоне... Хотя какая же погоня теперь, после станции Фридрихштрассе?

Домой, на виллу, когда-то принадлежавшую одному из директоров старой Компании, за ним прислали машину с завода. Усадив его, Анжелу и Гейнца, шофер три с половиной часа вез их по шоссе. Они сделали остановку у придорожного ресторана; он угостил шофера сосисками с картофельным салатом, чашкой кофе; потом шофер доставил их в гостиницу в Восточном секторе Берлина. О номерах для них заранее позаботился директор завода Бахман — он рад был помочь доктору Геппнеру отдохнуть и поразвлечься с семьей в столице.

Самой опасной была минута, когда шофер хотел было взять чемоданы и снести их в гостиницу. Пришлось разыграть целую сцену. Он отвел руку шофера и сказал с непринужденным смехом:

— Я еще не так стар, мой друг, а чемоданы легкие, внести их в подъезд — чистый пустяк.

— Директор Бахман приказал мне быть в вашем распоряжении весь день,— заметил шофер.

— Нет, нет! — Это было сказано с той же веселой улыбкой.— Вы больше не нужны... Впрочем, вот что...— И он протянул шоферу тщательно запечатанный сургучом пакет. В пакете лежали заводское удостоверение доктора Геппнера, пропуск на право входа на завод в любое время, паспорта — его, Анжелы и Гейнца — и, наконец, письмо.— Я собирался сам отдать утром этот пакет господину Бахману, да захлопотался. Вручите ему, когда вернетесь на завод, ладно?

Шофер взял толстый пакет и, не взглянув на него, сунул в боковой карман. Потом он приложил два пальца к козырьку фуражки, сел за руль и дал газ...

После этого они с Гейнцем отнесли чемоданы не в гостиницу, а на станцию городской железной дороги. Теперь на станции Цоо, в Западном секторе, их ждет другая машина. Вот и все. Что может быть проще?..

— Скажете вы мне наконец, что все это значит?

Спрашивал Гейнц. Его ясный мальчишеский лоб был нахмурен, углы рта искривились в сердитую гримасу.

Доктор Геппнер, не отвечая, постукивал ногтями по оконному стеклу.

— Отец,— повторил мальчик громче, стараясь перекричать стук колес,— почему я должен был отдать тебе свой паспорт и почему ты взял меня с собой в Берлин? И почему мы не остановились в гостинице? Ведь не задумали же вы...

В голосе его звучал не то страх, не то вызов. Пассажир напротив удивленно выпучил глаза.

— Да, да, сынок, мы так и задумали! — твердо сказал доктор Геппнер.— Я объясню тебе все позднее.

Поезд вполз на станцию Цоо.

— Пошли! — скомандовал отец, берясь за ручку чемодана и указывая Гейнцу на второй.

Когда уже миновали контролера и стали спускаться по серым, грязным ступенькам вокзала Цоо, у доктора Геппнера вдруг промелькнуло в голове: что, собственно, заставило его отдать шоферу пакет с документами? А вдруг документы понадобятся тем людям — там, куда он едет? И зачем он написал это письмо Бахману? Правда, в письме было только сухое изложение сути дела: он, доктор Геппнер, покидает свой пост на заводе — и дальше следовала подпись. Он предпочел открытый разрыв, выраженный в корректной форме, без грубых слов, но и без сентиментальных излияний.

Правда, Бахман — проницательный малый. Он, пожалуй, увидит в этом кусочке бумаги нечто вроде извинения, нечто вроде мостика, который выдающийся химик, доктор Геппнер, оставляет позади себя,— нет, даже не мостик, а тоненькую ниточку, чтобы когда-нибудь снова переползти по ней назад через пропасть, им же самим нечаянно вырытую.

Нет, когда он писал письмо, он не думал ни о чем подобном. Право же, не думал...

* * *

О, какой уют, какие удобства, какой комфорт вокруг!

Вы можете выспаться утром вволю, поздно позавтракать, отдыхать, сколько душе угодно, после долгих лет, когда все вас торопили и сами вы непрерывно подхлестывали себя... Вы можете ходить в кино, сидеть хоть до рассвета в кафе,— здесь ведь есть то, что называется ночной жизнью! Здесь все не так, как там в городке, на востоке, где после восьми часов вечера все замирает, если только вы не засидитесь допоздна в лаборатории, либо Бахман не вызовет вас на ночь глядя обсуждать дела, которые громоздятся одно на другое до бесконечности.

Теперь никто не приходит к нему, никто не беспокоит... На заводе его дергали ежеминутно. То и дело приставали эти мальчишки-ассистенты, почти дети, с их нелепой жадностью: они хотят впитать за какие-нибудь месяцы то, что могут дать только годы и годы медленной исследовательской работы... Верно, он не отказывал им в помощи. Он давал им руководящую нить то в том, то в другом вопросе, исправлял ошибки, наставлял. Нет, они все с ума посходили там, на востоке! Подавай им все вдвое скорее, чем это в человеческих силах... И, конечно, они немало набили себе шишек... Но не отступали — надо отдать им должное,— а переделывали все по нескольку раз. А ведь надо было только потерпеть, подождать!..

Хуже всего было то, что этими выматывающими нервы темпами они подгоняли и его, доктора Геппнера. Там, где он раньше обучал одного — двух человек, теперь на него взваливали десяток,— и все это сверх основной работы. Да что там говорить! Рабочие, обыкновенные, безграмотные рабочие, лезли к нему в кабинет, нетерпеливо переминались с ноги на ногу и говорили: «Господин профессор Геппнер, поглядите-ка, нельзя ли вот это сделать по-иному, сэкономить вот эту операцию,— ведь так будет лучше, да и обойдется дешевле?»

Верно, таких было не очень много, и затеи их часто бывали построены на песке; но в двух или трех случаях он нащупал ценное зерно и даже помог провести их идею в жизнь. А почему бы и нет? Он любил завод. Он работал на нем еще зеленым юнцом, молодым химиком, только что с университетской скамьи. Ему довелось видеть, как несколько цехов разнесло вдребезги во время воздушной бомбежки. При нем завод отстраивали заново. И какая-то частица его самого, да, его самого, заложена в новых цехах, оснащенных по последнему слову техники. Их кончили строить в прошлом году, они высятся до самого неба, их видать издалека, пожалуй что с самого шоссе. Когда он видел их в последний раз?.. Да, когда бежал на заводской машине в Берлин... Всего несколько дней назад, а кажется, что прошли века...

Он провел рукой по лбу, словно отгоняя эти мысли. Нет, вся жизнь там была бессмысленной гонкой! Ученый есть ученый! Он должен целиком принадлежать науке. А если он связан с производством, тогда пусть ему дадут спокойно заниматься производством, а не обучают его марксизму и прочим непонятным вещам... Однажды они пригласили на завод какую-то важную персону из их правительства побеседовать с господами профессорами. Какая кутерьма получилась из всего этого!

Бедняга Бахман! По правде говоря, это был приличный человек. Ходил он все время обтрепанный — и во имя чего? Видел он от кого-нибудь благодарность? Он соорудил ночной санаторий и этот... как его... Дворец культуры и организовал завтраки вдвое более сытные и втрое дешевле, чем давала старая Компания. Бахман все толковал рабочим, что теперь это их завод, что они вредят прежде всего самим себе и никому другому, если допускают выход из строя машин и аппаратуры. Идиоты! Будь я рабочим, неожиданно подумал доктор Геппнер, я бы этого Бахмана на коленях благодарил. Разве старая Компания дала бы им хоть частицу того, что дал он?..

Да, но дело в том (мысли доктора Геппнера текли теперь безудержно)... дело в том, что я не рабочий. Я ученый. И к тому же старый служащий Компании. Мой хлеб намазывается маслом и с другой стороны... За каждый день моей работы на заводе старая Компания во Франкфурте начисляет мне второй оклад — и не обесцененными бумажками, отнюдь нет! — а в хорошей, твердой валюте. Строго говоря, работая у тех, на востоке, я работал на Компанию, потому что собственность Компании тем самым сохранялась в должном порядке до того дня, когда законные владельцы придут и вновь вступят во владение... А помимо валюты в банке откладывается еще и пенсия, так оно и набегает, одно к другому...

Доктор Геппнер значительно покачал головой. К черту Бахмана, пусть думает что ему угодно! Наверно, он не раз и не два схватится за голову, когда узнает, что и доктор Брунс и доктор Колодни тоже уехали. Компания по каким-то соображениям решила отозвать всех троих во Франкфурт, теперь Бахман остался со своими юнцами-ассистентами и рабочими...

Ну, а если Бахман все-таки справится? Однажды он сказал: «Наш завод теперь — народное предприятие. Мы народ,— так сказал он,— и работаем на себя, и нет трудностей, которых мы не могли бы осилить».

Да, этот человек с характером! Но пусть попробует вести дело без доктора Брунса, без доктора Колодни и доктора Геппнера!.. Народ!.. Народ, когда попадет головой в дыру, не знает, как вынуть ее оттуда. Народ не умеет ценить то добро, которое попало ему в руки. Часто он сам, доктор Геппнер, должен был уговаривать рабочих, когда они нерадиво и нерасчетливо, как дети, обращались с имуществом предприятия. Да, уговаривать! Да, но ведь и Бахман и те рабочие, что приходили с советами сократить операции, экономить деньги,— все они ведь тоже народ...

Какая чушь лезет ему в голову! Просто непонятно, почему он должен и теперь еще думать обо всем этом, беспокоиться? Нет, он сжег мосты, раз и навсегда!

— Что ты сказал, отец?

Он услышал, как упала на пол книга, выскользнувшая из рук сына. Гейнц читал, лежа на кушетке в гостиной комфортабельного многокомнатного номера, который был предоставлен семье доктора Геппнера. Анжела сидела у окна и полировала щеточкой ногти. Семья выглядела, слава создателю, совсем по-другому. В первый же день пребывания в Западном Берлине они отправились по магазинам и купили одежду, какую носят в цивилизованном обществе. Они приобрели щегольские чемоданы с монограммами «Д-р Ф. Г.» — доктор Фридрих Геппнер. И обувь, и изящную сумку для Анжелы, и две или три шляпы для нее же. Он хотел купить еще машину «Мерседес», но покупку пришлось отложить по чисто географическим соображениям. Чтобы проехать на машине из Западного Берлина во Франкфурт-на-Майне, приходится, к сожалению, пересечь территорию другой республики, из которой он бежал. Компания же устраивает для него и семьи билеты на самолет.

— Скажи, отец, не совершили ли мы ошибки?

— Что с тобой творится, Гейнц? — с неудовольствием сказала Анжела.— Перестань огорчать отца!

— Разве тебе было весело там? — обратился к сыну доктор Геппнер.— Разве ты не жаловался все время на то, что вас заставляют учить скучные вещи в школе? И на всю эту политику и на шутовские наряды «Свободной немецкой молодежи»? Разве ты не требовал западных костюмов, западной обуви, разве не старался смотреть западные фильмы, читать западные книги?

Мальчик молчал.

— Или тебе жалко товарищей? Но ты найдешь новых, они будут тебе больше по вкусу.

— Я хотел стать химиком,— сказал Гейнц.— Таким, как ты.

— А кто тебе мешает? Там еще лучшие школы, на западе, а у меня есть деньги, чтобы дать тебе высшее образование; и если ты окончишь с отличием, Компания охотно возьмет тебя на работу.

— Не знаю,— медленно проговорил мальчик.— Может быть, мне уже не хочется стать химиком.

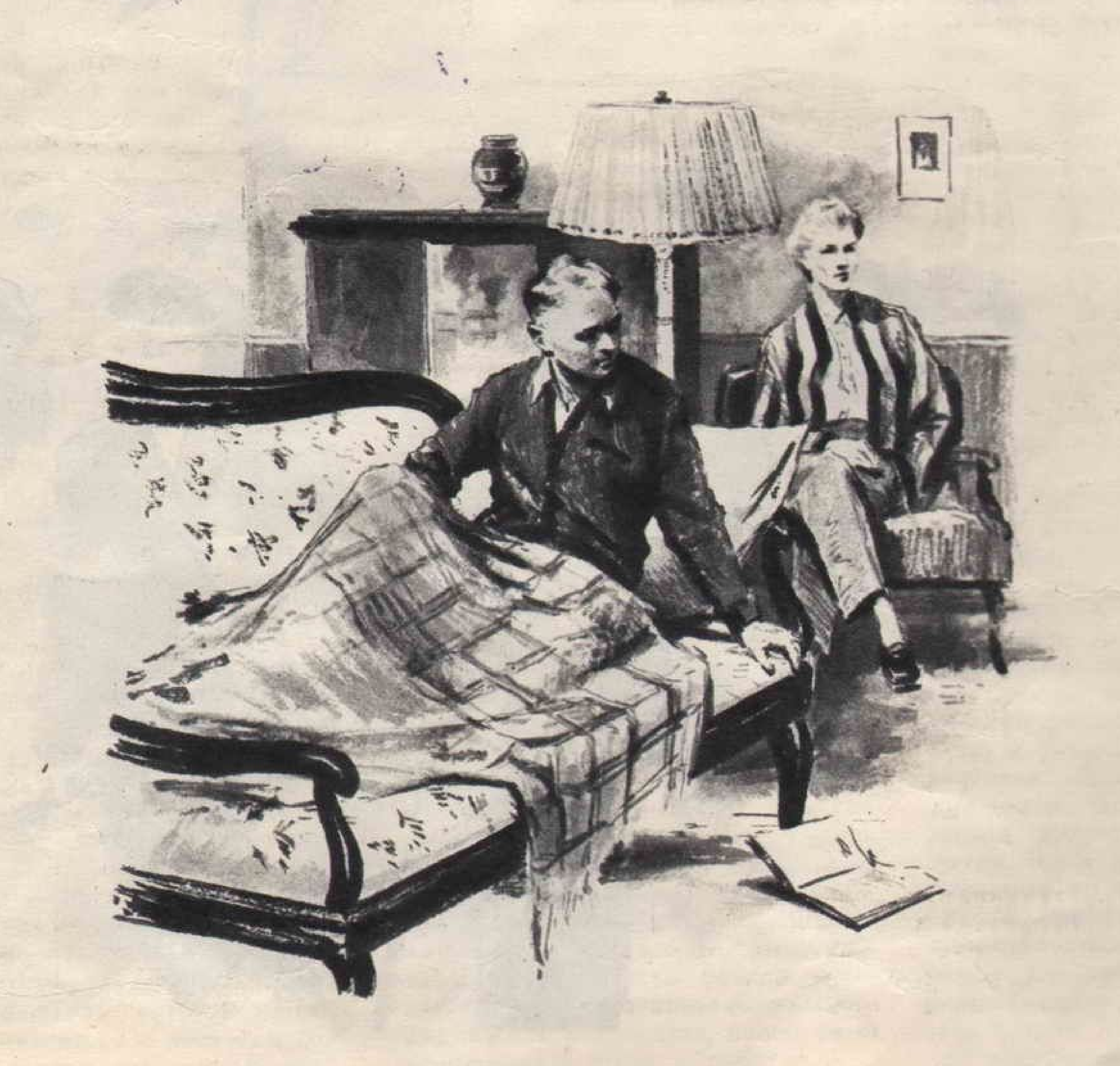
Доктор Геппнер прикусил губу.

— А почему не хочется? — спросил он хрипло.

— Не знаю,— ответил Гейнц и снова уткнулся в книгу.

Доктор Геппнер вскочил со стула. Ему захотелось ударить сына по щеке. Но сын был уже взрослым, и он подавил в себе это желание.

Он стал шагать взад и вперед по комнате. Комната, только что казавшаяся огромной, вдруг стала тесной и унылой. Все это от долгого ожидания, подумал он. Оно может любого вывести из себя. Почему они до сих пор не вылетают из Берлина? Почему Компания

тянет с этим? Он рвался к работе: работая, забываешь обо всем... Заняться новым волокном, которое так хорошо получается из продуктов бурого угля! Работать, открывать, видеть, как твое открытие идет впрок, на пользу людям...

Он осекся. Опять об этой пользе, которую приносит людям наука... Какое ему дело до этого! Он ученый, он служит Компании, получает от нее плату, приличную плату — и это все. О чем можно тут еще размышлять?

* * *

— С приездом! С приездом!

У Шварца голос был гулкий, как из бочки. Он был вице-председателем Компании и ведал персоналом. Он привык весело гудеть в разговорах с людьми и старался быть со всеми запанибрата.

— Первым делом,— начал Шварц,— у меня есть приятные новости для вас, доктор Геппнер. Вы вылетаете с семьей завтра утром. Вместе с вами полетят доктор Брунс и доктор Колодни со своими семьями. Мы решили отправить всех одним рейсом — и с плеч долой!

Он рассмеялся и крепко потер руки.

— Вот как! — воскликнул доктор Геппнер.— Значит, мои коллеги тоже тут. Где же я могу их видеть?

Шварц снова рассмеялся.

— Мы предпочитаем пока побеседовать с вами с глазу на глаз. Откровенно и от всего сердца. От всего сердца,— повторил он значительно.

— Ага,— сказал доктор Геппнер и оглядел комнату: стены были отделаны полированным, цвета меда деревом, мебель обита некрашеной шерстью.

Шварц указал на двух мужчин, стоявших рядом с ним.

— Позвольте познакомить вас: мистер Уитерспун!

Человек с квадратным подбородком и тяжелыми серыми глазами молча кивнул доктору Геппнеру.

— А это герр Кендл!

Герр Кендл был чем-то средним между клерком и сыщиком. Возможно, что он был и тем и другим.

— Мистер Уитерспун представляет американскую сторону нашей фирмы,— пояснил Шварц.

О том, какую сторону представляет герр Кендл, он умолчал.

— Позвольте показать вам нечто, доктор Геппнер,— продолжал Шварц, беря со стола листок бумаги.— Это ваш текущий счет, за вычетом налогов.

Доктор Геппнер заглянул в листок.

— Вы довольны, доктор Геппнер?

— Да.

— Чистая прибыль! — воскликнул Шварц.— Чистая прибыль, если иметь в виду, что ваши повседневные расходы за эти десять лет покрывались там, этим красным братством! — Он снова рассмеялся и потер руки. Потом сразу умолк и добавил: — Я полагаю, документы с вами, доктор Геппнер? То есть ваши личные документы: пропуск на завод и прочее?

— Я вернул их заводу.

Наступило неловкое молчание.

Его прервал герр Кендл.

— Какого черта вы это сделали?! — спросил он.

У него был хриплый, режущий голос, слишком тонкий для его толстой, румяной физиономии.

— Я не думал, что они мне потребуются когда-либо,— ответил доктор Геппнер.

— Ну, ладно, ладно,— примирительно заговорил Шварц.— Это неважно. Но, может быть, вы ответите на некоторые вопросы?

— Как это понимать? — сказал доктор Геппнер.— Допрос?

— Вовсе нет! — поспешно ответил Шварц, отстраняя Кендла.— Это просто ваша первая встреча с представителями Компании. Встреча в обстановке полной свободы!

— Тогда позвольте мне задать вам вопрос.

Шварца передернуло.

— Зачем вы вызвали меня сюда? — спросил доктор Геппнер.— Разве я плохо выполнял свои обязанности? Может быть, есть какие-нибудь претензии ко мне? Завод работал бесперебойно, расширялся в разумных пределах... Я все делал для того, чтобы сохранить собственность Компании...

— Может быть, я смогу разъяснить? — перебил его мистер Уитерспун.

Он говорил на хорошем, чуть замедленном немецком языке.

Двое других почтительно замолчали.

— За последнее время имели место некоторые события,— начал мистер Уитерспун; глаза его оставались наполовину прикрытыми тяжелыми веками.— Эти события заставили нас изменить наши намерения и отложить некоторые планы. Отложить, но не отказаться от них!

Последние слова он произнес подчеркнуто. Глаза его открылись, взгляд их был жестким, как кремень.

— Что же произошло? — спросил доктор Геппнер.

— Женева,— коротко отрубил мистер Уитерспун.— Сосуществование... По крайней мере, на время.

Доктор Геппнер замигал ресницами.

— Я не совсем понимаю. Зачем же вызвали сюда меня, доктора Брунса, доктора Колодни?

— Вы пробовали когда-нибудь разжевать кусок, который не лезет вам в рот? — осведомился мистер Уитерспун.

— Я не ребенок,— возразил доктор Геппнер.

— И мы тоже! — отрезал мистер Уитерспун.— Если вы не можете разжевать этот предмет, вам остается отломить от него кусок.

Шварц захохотал, словно услышал веселую, остроумную шутку. Герр Кендл слушал с безразличным видом.

Доктор Геппнер подумал о Бахмане. Слова американца показались ему действительно смешными.

* * *

Озеро было невообразимо красивым. Все предметы казались здесь двойными: кроме одного, обычного, в зеркале прозрачной голубой воды стоял, отражаясь, второй. Двойные снеговые горы, двойные дома, пальмы...

От террасы отеля к самому пляжу спускалась широкая лестница. Гейнц с утра ушел далеко на одной из бесчисленных парусных лодок, весело покачивающихся у берега. Доктор Геппнер сидел в кресле, потягивая черный итальянский кофе, и глядел на Анжелу.

— Ты все не можешь успокоиться,— говорила она.

Анжела загорела на солнце, морщины у нее на лице словно смыло загаром. Вот сейчас снова заиграет джаз, и кто-либо из молодых людей подойдет и пригласит ее танцевать. Что ж, это очень хорошо, подумал он. Ей нравится этот мир легкости и свободы, которого ей не хватало там, где он работал. Ей по душе эти люди, у которых нет цели в жизни, но есть умение беззаботно тратить деньги и время. По вечерам открываются двери казино, и маленький сверкающий шарик начинает летать вокруг пестрого колеса рулетки. Анжела даже выиграла несколько раз. При каждом выигрыше она начинала хлопать в ладоши, как обрадованный ребенок.

— Почему ты не находишь себе места? — повторила Анжела настойчиво.

— Почем я знаю? — ответил он.— Я думаю.

— Не надо думать.

— Ничего не могу поделать, дорогая.

— О чем же ты думаешь?

Он долил кофе в чашку и положил кусок сахару.

— О твоем волокне? — усмехнулась Анжела.— О буром угле?

— Да, и об этом,— проговорил он медленно.— Но это не самое главное.

— Тогда о чем же?

Он окинул взглядом озеро, обступившие его горы, поросшие лесом.

— Сейчас я думал вот о чем: что сделали бы те со всем этим?

— Те?

— Ты знаешь, о ком я говорю.

Да, она знала. Иногда ее проницательность удивляла его. Лицо ее омрачилось, черты обозначились резче, у уголков красивых глаз проступили морщинки.

— Они отняли бы у этого места все, что приносит удовольствие,— сказала она жестко.— Над конторкой портье они вывесили бы портрет какого-нибудь своего государственного деятеля, и он многозначительно глядел бы на каждого входящего...

Он рассмеялся.

— Потом они протянули бы красный плакат над въездом в отель и написали бы: «Больше волокна для промышленности!» — или еще что-нибудь в этом роде.

— А что плохого, если будет больше волокна? — спросил он серьезно.— Ведь его и в самом деле не хватает.

Анжела, казалось, не слышала его.

— А музыка стала бы скучной,— продолжала она.— И кто сидел бы на этой террасе? Женщины с грубыми голосами и невозможными фигурами, в безвкусных платьях. И мужчины в дурно сшитых готовых костюмах. Они играли бы в глупые карточные игры, и громко смеялись бы над глупыми историями, и пили бы глупые напитки...

— Но ведь некоторые из них...— начал доктор Геппнер.

Она перебила его:

— И если бы все-таки мне встретилась женщина нашего круга, она боялась бы говорить о чем-либо, кроме своих сегодняшних покупок... И сама я взвешивала бы в разговоре каждое слово, если только громкоговоритель не заглушал бы мой голос.

— Да, у них тяжелая рука, это верно,— согласился он.

— А все эти приятные и учтивые люди,— закончила она,— были бы лишены какой бы то ни было надежды... Их... их просто уничтожили бы!

— А вот мне эти приятные господа... осточертели! — громко возразил он.

Анжела испуганно огляделась вокруг.

— Будь осторожен. Думай о том, что ты говоришь!

Он стукнул ладонью по столу. Китайский сервиз жалобно зазвенел. Анжела удивленно подняла брови.

— Минуту назад,— проговорил он,— ты сказала мне, что это там,— он показал на восток,— надо быть осторожным и взвешивать каждое слово. Оказывается, и здесь тоже?

Она сердито покачала головой.

— Что за муха тебя укусила? Ты просто невыносим! Ты говорил «нет» всему, что было там, и я это понимала... А теперь ты говоришь «нет» тому, что мы видим здесь...

Он нахмурился. Она задела его больное место. Он все размышлял об этих «да» и «нет», об этих «но» и «если»... И чем дальше, тем больше ему казалось, что он не сможет чувствовать себя привольно здесь, в этом мире, который они с Анжелой считали своим...

— Я думаю,— сказал он вслух,— все это оттого, что я так долго ничего не делаю.

— Ты довольно поработал. Ты заслужил хоть немного отдыха.

— Как могу я отдыхать, когда мне не по себе?

— А почему?

Он с минуту раздумывал. Потом заговорил, нервно жестикулируя:

— Все эти люди — на этой террасе, и во Франкфурте, и где угодно здесь,— все эти милые, вежливые люди, наши люди, Анжела, кажутся мне иногда какими-то ненастоящими, какими-то призраками, пришедшими из прошлого...

— Ты сошел с ума!

— Меня бы не удивило,— ответил он,— если бы это случилось.

Заиграл джаз. Хорошо одетый, подтянутый, широкоплечий и круглолицый молодой человек поднялся на террасу и вежливо поклонился доктору Геппнеру, спрашивая разрешения пригласить его даму на танец. Анжела поднялась и положила ему руку на плечо. На голубом небе не было ни облачка.

* * *

Если бы не размеры кабинета, роскошное его убранство и характер картин на стенах, можно было бы подумать, что люди собрались на обычное заседание у Бахмана.

Они были здесь: и вечно сердитый доктор Брунс и доктор Колодни с толстыми стеклами на глазах под густыми седыми бровями.

Это вызвало в нем нечто вроде веселого злорадства. Плохи дела у Бахмана!.. К тому же это собрание положит конец его вынужденному безделью, хотя оно и было связано с приятным отдыхом под итальянским солнцем. Все эти люди, включая его самого, были прекрасными специалистами, мастерами своего дела, и теперь они получат назначение на различные заводы Компании.

Председательское место занял Шварц. Рядом с ним уселся мистер Уитерспун. В стороне устроился герр Кендл.

Шварц дал волю красноречию. Он заговорил об исключительной лояльности, которую присутствующие лица проявили по отношению к Компании. О, они хорошо выполняли свое дело, все до одного! И вот, как и полагается лояльным людям, они, как солдаты, дисциплинированно ответили на зов Компании, покинули свои очаги, к которым, возможно, привыкли, друзей и знакомых, с которыми, возможно, сблизились, короче говоря, порвали связи, которые, возможно, трудно было порвать, и прибыли на запад.

«А что оставалось делать?»— подумал про себя доктор Геппнер . В нем поднялось глухое чувство брезгливости к Шварцу, продолжавшему торжественно провозглашать всякие высокие принципы. Предположим, что доктор Геппнер и его коллеги отказались бы повиноваться Компании и приехать сюда. Тогда был бы пущен в ход испытанный прием: донос на них в органы безопасности Восточного Берлина, а там, как известно, не очень долюбливают агентов западных компаний. Правда, можно было, скажем, отправиться к Бахману и самому выложить все карты на стол. Но в таких случаях не Бахман решает... И потом вся твердая валюта, накопившаяся во Франкфуртском банке, и пенсионные, и прочие сбережения — все это провалилось бы в преисподнюю. Замечательный финал на старости лет!

— Лояльность предполагает встречную лояльность,— говорил Шварц.— Поэтому и Компания сочла необходимым выполнить свой долг. Даже более того: сверх текущих счетов в банке каждому из присутствующих и их семьям будет предоставлен длительный отдых и путешествие со всем комфортом, о каком вы не могли и мечтать на востоке. Что касается заводов, на которые вы будете назначены, то каждого ждет там отдельный коттедж, заново построенный, полностью меблированный и снабженный всеми современными удобствами, каких опять-таки вы не имели там, откуда прибыли.

Доктор Геппнер отметил про себя, что аплодисменты, которыми его коллеги встретили слова Шварца, были не столь восторженными, как ожидал оратор. Время летних отпусков уже миновало, а что касается отдельных, хорошо оборудованных коттеджей, то они были к их услугам и там, на востоке.

— Переходя к вопросу о вашей дальнейшей деятельности, господа,— продолжал Шварц, и его гудящий голос зазвучал жестче,— я должен сказать, что, к сожалению, не каждый из вас сможет рассчитывать на то, что ему, возможно, желательно. В конце концов, и мы здесь тоже выпускаем продукцию нашим скромным капиталистическим способом,— Шварц оскалил зубы,— и каждая дыра нашла у нас, так сказать, свою затычку, каждая работа — своего исполнителя...

Он оглядел людей, сидевших за столом, накрытым толстой шерстяной скатертью.

— Нет, нет,— воскликнул он торопливо,— мне вовсе не хочется видеть здесь опечаленные лица! Все вы со временем найдете свое местечко в общем деле... Но вы не должны забывать, что здешние экономические законы отличаются от тех, при которых вы работали там. Мы не можем выпускать больше продукции, чем способен поглотить рынок, и притом мы должны обеспечить нормальную прибыль...

— Что касается меня...— начал доктор Колодни.

Но Шварц прервал его властным мановением руки:

— Компания понимает, что каждый из вас мечтает о спокойной, приятной научной работе. На всех наших заводах есть большие лаборатории с прекрасным оборудованием. Поэтому мы решили предложить вам...

— Одну минутку. Разрешите?

— Пожалуйста, доктор Брунс.

Маленький человечек с низким лбом, выглядевший, как грозовая туча, готовая разразиться молнией, вскочил с места.

— Может быть, я не прав,— сказал он,— но, откровенно говоря, мы не привыкли, чтобы нам отдавали приказы: делайте то-то, не делайте того-то! Директор завода там, откуда мы прибыли, господин по фамилии Бахман, обычно прислушивался к нашему мнению и советовался с нами...

— Вы не там, а здесь,— пробурчал герр Кендл.

— Хорошо, хорошо,— пытался Шварц смягчить возникшую неловкость.— Если господа привыкли к определенным порядкам, возможно, мы сможем учесть это,— в виде исключения, герр Кендл, в виде исключения! И это не означало бы ни в какой мере, что Компания поступается своим политическим курсом. Но давайте рассуждать практически, как деловые люди. Здесь у нас время — деньги. Теоретические дискуссии, которых у вас было много там, не помогут нам выплачивать установленные дивиденды.

— Ну хорошо,— сказал доктор Брунс,— давайте подойдем практически. Возьмем доктора Геппнера. Он работал над проблемой нового волокна и сумел его добыть. Где он будет работать дальше?

— Это не составляет неразрешимой задачи,— вмешался мистер Уитерспун.— У нас, как уже сказано, сколько угодно хорошо оборудованных лабораторий. Доктор Геппнер может продолжать возиться со своим волокном.

— Ага,— сказал доктор Брунс,— понятно.

Он опустился на стул, не вполне удовлетворенный, с видом человека, которому все-таки наполовину зажали рот.

Доктор Геппнер, не вставая, спросил:

— Ну, а дальше? Мне бы хотелось, чтобы мое волокно было пущено в производство.

— Это уже особый вопрос,— холодно ответил мистер Уитерспун.

— Почему же? — настаивал доктор Геппнер.— Разве здесь научные исследования ведутся впустую?

Мистер Уитерспун медленно поднял веки. Взгляд его был еще жестче, чем тогда, в Западном Берлине.

— Доктор Геппнер,— сказал он,— мы не заинтересованы в продукции из бурого угля. Бурый уголь находится там, на востоке.

— Я могу использовать и другие угли.

— Мы не заинтересованы в вашем волокне, доктор Геппнер. Это — слишком дешевое волокно. Оно может либо разрушить всю структуру наших цен и помешать капиталовложениям, которые должны быть привлечены в эту отрасль промышленности, либо же, если мы будем поддерживать цены на прежнем уровне, создаст затоваривание на рынке.

— Тогда зачем же мне продолжать работу над волокном?

— Для вашего личного счастья,— сказал мистер Уитерспун и снова опустил веки.

— Вот видите,— подхватил Шварц.— Компания желает сделать все, что в ее силах, чтобы продолжать сотрудничать с вами, хотя в финансовом отношении...

— Иными словами,— доктор Геппнер поднялся со стула и оттолкнул его в сторону,— вы хотите поместить нас в холодильник, на лед.

Шварц хотел было тоже вскочить, но сдержался.

— Если вам угодно истолковать это таким образом... Но я предпочел бы сказать, что вы являетесь, так сказать, нашим стратегическим резервом...

— Резервом? Против кого?

— Против того, над чем мы рано или поздно одержим верх! — внезапно крикнул герр Кендл.— Против тех, у кого мы заберем наши заводы на востоке!

Он тоже встал и стоял по-военному, навытяжку, это очень не соответствовало его коротким ножкам.

Доктор Геппнер пристально посмотрел на герра Кендла. Непонятно почему, но в это мгновение он подумал о Бахмане. Где-то внутри он почувствовал повелительное: скажи! И он сказал, обращаясь к герру Кендлу:

— А почему вы так уверены, что именно вы одержите верх? А не может ли получиться наоборот?

— Закрывайте заседание! — прошипел сквозь зубы мистер Уитерспун.

Комната опустела. Приезжие покинули ее. Трое продолжали сидеть за столом, в молчании разглядывая литые стальные пепельницы.

— Что же вы намерены делать с этими господами? — спросил наконец мистер Уитерспун.

Но Шварц, потерявший свой победоносный вид, молчал. Он выглядел усталым и расстроенным.

Только Кендл постукивал крепким кулаком по столу.

— Вот видите, я предупреждал вас,— сказал он с удовольствием. От его тонкого, режущего голоса у Шварца пробежал мороз по спине.— Я говорил вам,— повторил Кендл,— будьте поосторожнее с этими людьми оттуда! В них всех сидит эта бацилла. Это — настоящая зараза. Она очень прилипчива.

Перевел Л. ЧЕРНЯВСКИЙ.

Великий мастер драмы

К столетию со дня рождения Бернарда Шоу

Бернард Шоу в Ленинграде. 1931 год. По материалам Центрального государственного архива кинофонофотодокументов СССР. Публикуется впервые.

О Бернарде Шоу трудно думать как о человеке, которого нет в живых. Этот старейший английский писатель сохранял до глубокой старости свежесть духа и еще совсем недавно — шесть лет тому назад — принимал активное участие в борьбе народов за мир. Необыкновенная душевная молодость Шоу объясняется его постоянной живой связью с английскими и ирландскими трудящимися.

Шоу вырос в бедной ирландской семье и с детства узнал, что такое социальное неравенство и национальное угнетение. Подростком он вынужден был пойти на работу. Перебравшись из Ирландии в Лондон, Шоу долго бедствовал и лишь к тридцати годам выдвинулся как оригинальный литератор. Шоу стал социалистом, но не сумел противостоять воздействию господствовавшего в Англии в конце прошлого века оппортунизма в рабочем движении. Это привело к тому, что Шоу в политических выступлениях нередко бывал несравненно менее проницателен, чем в художественном творчестве.

Литературную деятельность Шоу начал как критик и романист, но подлинным его призванием оказалась драма. Пьесы Шоу, смело ставившие наболевшие общественные вопросы, нарушили мещанский застой, царивший в английском театре 90-х годов прошлого века. В борьбе за обновление драматургии Шоу использовал опыт Ибсена и русских реалистов, но, как писатель в высшей степени национальный, он в первую очередь развивал в своих пьесах богатейшую традицию английского народного юмора.

Свои первые драмы Шоу демонстративно озаглавил «Неприятные пьесы». В пьесе с иронически-библейским названием «Домá вдовца» драматург доказывал, что между спекулянтом-домовладельцем, безжалостно вырывающим последний пенс у жителей лондонских трущоб, и мягкосердечным интеллигентным джентльменом, живущим на доходы из того же источника и не отказывающимся от них даже тогда, когда ему ясно их происхождение, разницы нет.

Идея вывести на сцене «вполне джентльменоподобных» негодяев вызвала неслыханный скандал, но Шоу не растерялся и подлил масла в огонь, публично заявив, что пьеса направлена не столько против ее героев, сколько против зрителей и читателей!

Другая «неприятная пьеса», «Профессия миссис Уоррен», долгие годы не могла быть поставлена ни в Англии, ни в США. Соединяя реальность с гротеском, Шоу изобразил в ней ажиотаж вокруг крупного треста публичных домов. Хозяином треста наряду с бывшей проституткой миссис Уоррен является капиталист из дворян сэр Крофтс. Этот тип с бульдожьей хваткой, который, по словам одного из персонажей, наверняка получил бы приз на собачьей выставке, исполнен гордости, что он приложил капитал к такому прибыльному делу. Стараясь захватить трест целиком, он сватается к дочери миссис Уоррен — Виви, хотя у него есть веские основания думать, что эта девушка — его дочь. В грязной игре замешан и некий пастор, также имеющий данные считать себя отцом Виви. Особенно едко изобразил Шоу пасторского сына — молодого бездельника Фрэнка, ухаживающего за деньгами Виви и самым противным образом разыгрывающего поэтические чувства. Но вот Виви узнает, как добыто состояние матери, и отказывается от наследства. Тогда Фрэнка мигом покидает романтическое желание «зарыться в листья» с Виви. Он вспоминает, что она может оказаться его сестрой, и переносит свою нежность на старую проститутку миссис Уоррен.

В образе Виви Шоу старался показать новый тип английской женщины, имеющей самостоятельную профессию. Виви во многом еще заблуждается, но она имеет твердый характер и способна на жертвы во имя чистой, светлой жизни.

Следующий сборник драм, созданный во второй половине 90-х годов XIX века, Шоу назвал «Приятные пьесы». Не все они отличались остротой первых драм Шоу, но в целом воздействовали на более широкий круг читателей, чем несколько прямолинейные «неприятные пьесы».

Реальные картины общественной жизни драматург воссоздавал парадоксальными средствами, вводя в произведения совершенно невозможные ситуации, охотно прибегая к карикатурным преувеличениям, наделяя персонажей непомерной дозой специфически английского чудачества. Постановка пьес Шоу не мирилась со сценической рутиной ни по существу, ни по форме и требовала от режиссера и актеров смелой выдумки.

Бернард Шоу обогащал английскую литературу все новыми идеями и образами. В остроумной пьесе «Человек и война» Шоу высмеял ложную романтику войны и сухую мещанскую трезвость. В исторической по форме драме «Цезарь и Клеопатра» писатель словно предвидел совершившееся ныне поражение колониализма в Египте. В пьесе острыми штрихами обрисована респектабельность чопорного британца, который перед лицом смертельной опасности боится — как бы не потерять свой престиж! — намокнуть в воде.

О внутреннем превосходстве девушки из народа цветочницы Элизы над самонадеянными буржуазными интеллигентами, шутки ради дающими ей образование, говорит написанная перед первой мировой войной пьеса «Пигмалион».

Начиная с 1917 года Шоу в своих пьесах уделяет больше всего внимания общему кризису капиталистического мира. В драме «Дом, где разбиваются сердца» он изобразил буржуазную Англию как фантастический застывший корабль, экипаж которого с тоскливым равнодушием ждет неизбежной катастрофы. Наиболее предприимчивые субъекты, бросаясь в авантюры, лишь ускоряют день своей гибели.

После Диккенса никто в Англии не проявлял такой способности передавать трагическую ситуацию юмористическими средствами. Чего стоит, например, изъясняющийся красочным морским жаргоном полубезумный капитан! В своей уверенности, что его дом, стоящий на твердой почве, взял курс прямо на рифы, капитан оказывается зорче всех нормальных спутников.

Необычайно проницательным оказался Шоу в политической шутке «Тележка с яблоками». Написанная в начале тридцатых годов, эта пьеса карикатурно как бы предвосхищает некоторые явления нашего времени. Американский посол, действующий в пьесе, требует, чтобы Англия присоединилась к США в качестве одного из штатов. Это завоевание осуществляется «мирными» средствами, и посол утешает растерявшегося английского короля Магнуса, что все будет оформлено весьма благопристойно: США сами откажутся от Декларации независимости 1776 года и таким образом сольются с Британской империей. Магнус, который, в свою очередь, мечтал о новом порабощении всех добившихся самостоятельности колоний и даже Соединенных Штатов, видит теперь, что действительность намного горше грез...

Шоу был одним из первых западных писателей, твердо ставших на сторону молодой Советской России. Начиная с 1918 года он постоянно стремился донести до широких масс правду о нашей стране. В 1931 году Шоу приехал в СССР. На Западе были люди, рассчитывавшие, что Шоу после поездки изменит свое суждение о Советском Союзе. Но Шоу был не из тех, чьи мнения складываются по подсказке. Многие москвичи до сих пор хорошо помнят подвижного худощавого старика, успевавшего полюбоваться памятниками старины и пытливо вглядеться в новостройки первой пятилетки. Шоу оценил «великий эксперимент» советских людей и пришел к выводу, что Европе придется сделать выбор «между хаосом и коммунизмом». Шоу провел целую кампанию борьбы за правдивое освещение советской жизни. Он начал эту кампанию на обратном пути, на первой же станции после Негорелого, огорошив собравшихся репортеров заявлением, что «все, что пишут об СССР буржуазные газеты,— ложь, ложь и еще раз ложь».

Выступления Шоу приобрели большой политический резонанс. Шоу, отвечавший своим противникам евангельскими словами, что для каждого он таков, каким тот может его вместить, отбил у них охоту продолжать полемику...

Шоу проявил себя верным другом советского народа в годы второй мировой войны и в послевоенные годы. Советские люди не забывают своего друга: его произведения переиздаются большими тиражами и мгновенно исчезают с полок магазинов, а в одной только Москве в разных театрах с успехом идут три пьесы Шоу.

Н. БАЛАШОВ

Из неопубликованных писем

Неизменный друг Советской страны, Бернард Шоу на протяжении своей долгой жизни проявлял большой интерес к крупнейшим событиям международной жизни.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР хранятся неопубликованные письма Б. Шоу к переводчику Борису Федоровичу Лебедеву.

Ниже публикуется отрывок из письма Бернарда Шоу к Б. Ф. Лебедеву.

В. Коршунова,
М. Ситковецкая

до 9 мая 1922 г.[1].

...Генуэзская конференция весьма интересна и весьма забавна. Англия и Франция вполне рассчитывали, что Россия подойдет к конференции с невинной душой маленького ребенка, которому было дозволено войти в гостиную в первый раз после 4-летнего изгнания в детскую на хлеб и воду. Их скандализированное изумление и смущение, когда Чичерин[2] спокойно занял середину трибуны и сделался primo tenore assoluto[3] до того, как Ллойд-Джордж[4] успел прочистить себе горло, а Барту[5] обнаружил, каким ключом открывается ларчик, было страшно и смешно.

Россия несомненно расцветет, если только сумеет выдержать голод и промышленную разруху. Ее намерения честны; она держится передовых теорий во взглядах на общество. Одна Италия как будто бы имеет некоторую склонность понимать этот первостепенный факт. Англия и Франция, с их головокружением от победы, переполнены заботами последствий победы — грабежом; они смущены также фактом, что награбленное добро не удается реализовать (по той прекрасной причине, что оно вовсе не существует); выбиты из равновесия отказом Америки принимать в этом участие и, захваченные врасплох ее неожиданным требованием о возврате долгов, соглашаются на все, кроме чудовищного — признать Чичерина государственным деятелем, равным лорду Керзону[6], который даже отказывается отвечать на его письма.

Они обе могут добиться того, что толкнут Россию и Германию друг другу в объятия, сами еще не успев опомниться от потрясения при виде такого же объятия.

Россия будет продолжать доминировать на конференции благодаря своей неподкупной честности и реализму, основанному на историческом и экономическом взглядах, которые не безнадежны во времени, и своим предельным целям, которые созданы для обнародования. По сравнению с ними союзники — представители того рода международной политики, которая в обнаженном виде и соединенная с современной мыслью представляет не что иное, как абсолютный феодальный разбой.

Однако Вы все это так же хорошо знаете, как и я. Никто не просил меня высказать свое мнение о Генуе; я не уполномочен давать указания газетам...

...Что же касается двух миллионов, то я предпочитаю оставить их в качестве моего кредита в России, пока не поднимется обмен. Пересылка 2-х фунтов стерлингов не стоит хлопот; но, однако, быть владельцем двух миллионов в этой стране звучит великолепно. Итак, не беспокойтесь об этом. Это письмо дойдет по назначению лучше других, так как заботу о нем берет на себя итальянское почтовое ведомство.

Я посылаю один из экземпляров моих книг Ленину через Русское представительство в Лондоне, с посвящением, которое вполне искренно, но является также жестом, чтобы épater le bourgeois[1] в момент, когда антибольшевистская клевета доведена до исступления.

Преданный Бернард Шоу.

[1] Поразить буржуазию.

[1] Письмо датируется по почтовому штемпелю.

[2] Чичерин Георгий Васильевич (1872—1936) — советский государственный деятель, с 1918 по 1930 год — народный комиссар иностранных дел. В 1922 году на Генуэзской конференции возглавлял советскую делегацию.

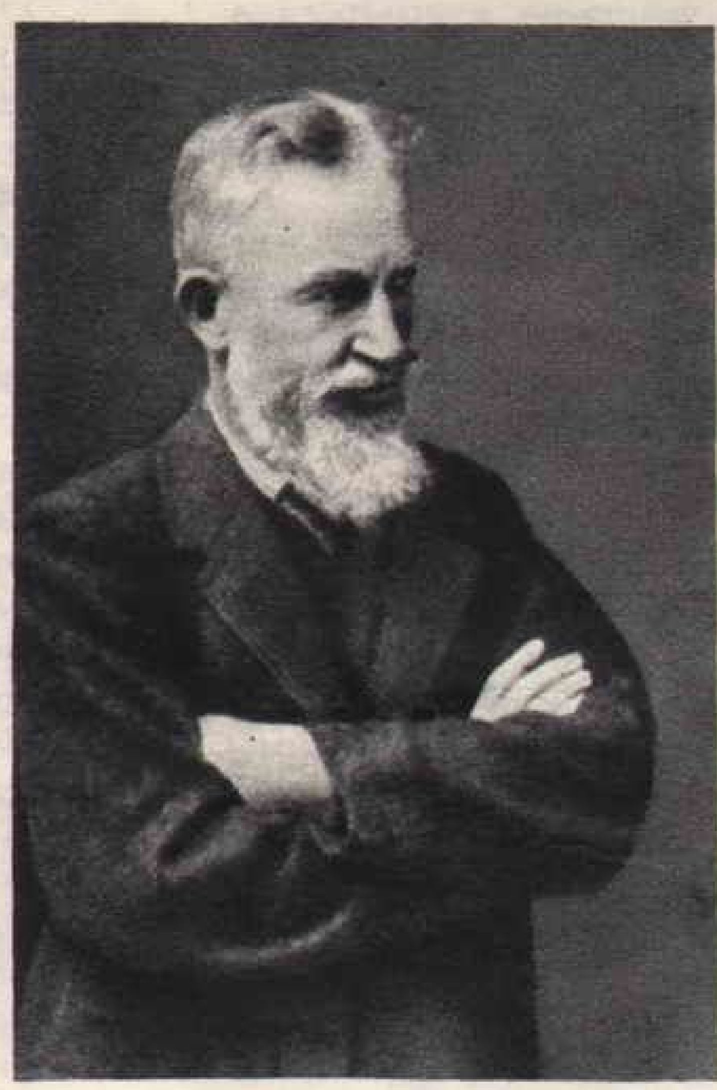
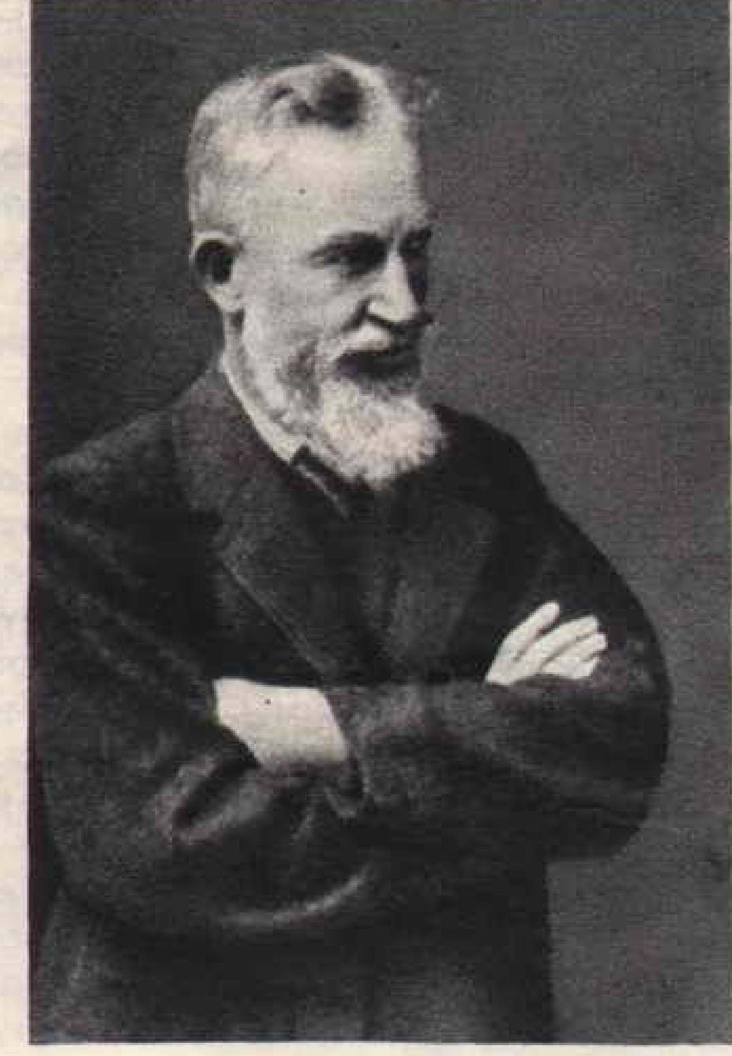
[3] Безусловно, первым тенором.

[4] Ллойд-Джордж Давид (1863—1945) — видный английский государственный деятель и дипломат. С 1916 по 1922 год — премьер-министр. На Генуэзской конференции 1922 года, созванной по его инициативе, возглавил английскую делегацию и выдвинул программу экономического закабаления России.

[5] Барту Жан Луи (1862—1934) — крупный французский государственный деятель. В 1922 году — министр юстиции в кабинете Пуанкаре, возглавлял французскую делегацию на Генуэзской конференции.

[6] Керзон Джордж Натаниэль (1859—1925) — английский политический деятель и дипломат. С 1919 по 1923 год — министр иностранных дел. Занимал крайне враждебную позицию по отношению к Советской России.

Степняк и Шоу

Портрет С. Степняка, нарисованный Бернардом Шоу.

Эта фотография Бернарда Шоу интересна не только тем, что она нигде не публиковалась. На обороте открытки красивым, четким почерком написан адрес и короткое письмо. Это лишь одно из многих писем, посланных Бернардом Шоу известному русскому революционеру-народовольцу С. М. Степняку-Кравчинскому и его жене.

Редактор журнала «Земля и воля», публицист, автор широко известных произведений «Подпольная Россия», «Андрей Кожухов», «Штундист Павел Руденко» и других, Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский принадлежал к «блестящей плеяде революционеров 70-х годов», о которых не раз писал Ленин. После убийства шефа жандармов Мезенцева Степняк был вынужден уехать за границу. С 1884 года он поселился в Лондоне.

И в Англии Степняк развертывает активную общественную деятельность: выступает в газетах со статьями о России, читает лекции, организует английское «Общество друзей русской свободы».

Среди английских друзей Степняка был и Бернард Шоу.

Самое раннее из найденных писем английского драматурга к Степняку датировано 11 марта 1890 года.

«Дорогой Степняк»,— пишет Шоу и обращает внимание своего русского друга на одну из статей в «Сент-Джеймс газетт».

В письме от 15 марта 1894 года Шоу пишет:

«Ну и дела! Адмирал перегрызет мне глотку: я высмеял войну в пух и прах.

Я буду свободен в субботу после полудня; и я умоляю вас вытащить свой нос из комнаты и скрестить все мечи».

К сожалению, на основе имеющихся писем трудно во всех подробностях представить отношения Шоу и Степняка. Это тем более трудно потому, что лондонские архивы Степняка, в которых, несомненно, могут оказаться письма Шоу, еще не подняты. Но за скупыми, отрывочными фразами писем чувствуются взаимные симпатии, прочные дружеские и деловые связи корреспондентов.

О глубоком расположении Шоу к Степняку свидетельствует и портрет Степняка, выполненный английским драматургом. Этот портрет был опубликован в одной из газет того времени.

Дружба со Степняком надолго определила горячие симпатии Шоу к России, к русскому революционному движению.

Подземные газогенераторы

Около четверти века назад в СССР впервые в мире были начаты работы по подземной газификации углей. В 1933—1934 годах одна за другой вступили в эксплуатацию опытные станции «Подземгаз» в Донбассе, Подмосковном бассейне, Кузбассе. Пуск этих станций как бы знаменовал собой начало того громадного переворота в каменноугольной промышленности, о котором В. И. Ленин писал в 1913 году в статье «Одна из великих побед техники».

Еще в 1888 году великий русский ученый Д. И. Менделеев высказал мысль о возможности получения газа непосредственно из угля, в самом пласте, под землей. Спустя много лет эту идею пытался практически осуществить английский ученый Рамзай. Говоря об этих попытках, Владимир Ильич Ленин подчеркивал огромное значение подземной газификации углей, сулящей «гигантскую техническую революцию» в одной из самых важных отраслей промышленности.

Тогда это, конечно, казалось мечтой, еще очень далекой от претворения в жизнь. В наше время мечта стала явью.

В Главподземгазе Министерства угольной промышленности СССР корреспонденту «Огонька» сообщили:

— Усилиями советских ученых и инженеров в СССР создана и развивается совершенно новая отрасль топливной индустрии — подземная газификация углей. В настоящее время работают уже три станции «Подземгаза». В частности, более 12 лет дает газ подмосковная станция. Этот газ идет на промышленные предприятия Тулы, для отопления общественных зданий, жилых домов.

Южно-Абинская станция «Подземгаза» в Кузбассе, пущенная год назад, питает новым видом топлива предприятия города Киселевска, Кемеровской области.

Сейчас строятся еще три новые станции подземной газификации углей — Каменская в Донбассе, Шатская под Москвой и Ангренская в Узбекистане.

Шатская станция войдет в строй в конце текущего года. На ней устанавливаются газовые турбины, которые дадут электроэнергию. Таким образом, Шатская станция будет одновременно и газотурбинной электростанцией — первой из числа тех, строительство которых ведется по решению XX съезда партии.

Подземная газификация осуществляется у нас так называемым бесшахтным способом. Угольное месторождение вскрывается рядом скважин, пробуренных с поверхности земли. Через скважины пласт зажигается при помощи электрических запальных патронов. Затем в пласт подается под давлением воздушное дутье, которое химически реагирует с разожженным углем. В результате образуется газ, который поступает к потребителю. Все управление работой подземного газогенератора осуществляется сверху.

Перспективы развития подземной газификации углей в нашей стране огромны. В текущем пятилетии выработка газа этим методом вырастет почти в пять раз.

В ОРЕНБУРГСКИХ СТЕПЯХ

Репортаж

А. СОФРОНОВ
Специальный корреспондент «Огонька»

Фото Н. Козловского.

Пушкин приезжал в село Берды

Недалеко от города Чкалова, почти в самом пригороде, расположилось село Берды. Внешне ничем особым не примечательное, оно, тем не менее, привлекает к себе своей историей. Именно здесь Емельян Пугачев несколько месяцев стоял со своим войском. Сюда приезжал Александр Пушкин перед тем, как приступить к созданию «Истории Пугачева».

Отправившись из Петербурга 17 августа 1833 года, он прибыл в Оренбург 18 сентября и на другой день вместе с Далем, служившим в это время в Оренбурге чиновником особых поручений при губернаторе, отправился в село Берды в надежде встретиться с живыми свидетелями пугачевского восстания. Надежды Пушкина увенчались успехом. Он разыскал современницу Пугачева — 75-летнюю казачку Бунтову. Даль это событие излагает следующим образом: «В Бердах мы отыскали старуху, которая знала, видела и помнила Пугачева. Пушкин разговаривал с нею целое утро; ему указали, где стояла изба, обращенная в золотой дворец, где разбойник казнил несколько верных долгу своему сынов отечества; указали на гребни, где, по преданию, лежит огромный клад Пугача, зашитый в рубаху, засыпанный землей и покрытый трупом человеческим, чтобы отвесть всякое подозрение и обмануть кладоискателей, которые, дорывшись до трупа, должны подумать, что это — простая могила. Старуха спела также несколько песен, относившихся к тому же предмету, и Пушкин дал ей на прощанье червонец».

Уже позже, после возвращения из путешествия, в Болдине, Пушкин писал жене: «В деревне Берде, где Пугачев простоял шесть месяцев, имел я une bonne fortune[1] — нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою помним 1830 год. Я от нее не отставал, виноват: и про тебя не подумал. Теперь надеюсь многое привести в порядок, многое написать и потом к тебе с добычею». Известно, что Пушкин потом многое из услышанного в поездке использовал и в «Капитанской дочке» и в «Истории Пугачева». Прошло более ста лет с тех пор; забываются легенды о пугачевском кладе, зашитом в рубаху; образ мужественного вождя крестьянского восстания Емельяна Пугачева занял положенное ему место в истории борьбы русского народа за свободу. В селе Берды, неподалеку от школы, окруженный железной оградой, стоит бюст Александра Пушкина как память о его приезде в село.

Мы были в Бердах в дни, когда ученики школы имени Пушкина сдавали экзамены. Был жаркий июньский день. Девочки в белых фартуках стайками ходили возле деревянного школьного крыльца. Лица у них были встревоженные и серьезные. Возможно, кого-либо из них ожидал вопрос о «Капитанской дочке». К нам подошел курносый веснушчатый мальчик с задорными глазами. Он явно заинтересовался нашим вездеходом — автомашиной «М-72», на которой мы путешествовали по Чкаловской области. Мы спросили, сдал ли он экзамены.

— Конечно,— без тени смущения ответил мальчуган.

— Какие же оценки?

— Все пятерки.

Мы усомнились в правдивости его ответов. Уж слишком озорным было лицо нашего собеседника. Но окружившие нас школьники закричали:

— Он правду говорит!

— Как зовут тебя?

— Володя Тюрин,— ответил школьник и неожиданно подмигнул нам.

И как-то сразу слетела таинственность, которой были овеяны старая церковь и почерневшая деревянная башня, возвышавшаяся над сельской площадью. Был июнь 1956 года. Экзамены в школе. Пятерочник Володя Тюрин. За железной оградой памятник Пушкину. И только не было памятника Емельяну Пугачеву. Вот его, пожалуй, и не хватало в Бердах в июне 1956 года...

Бывший Оренбург, ныне Чкалов

Один мой друг, встретившись со мной и узнав, что я улетаю в Чкалов, воскликнул:

— Что ты там не видел!

— Никогда не бывал там.

— Что, у нас мало других интересных мест?!

— Много.

— Тогда почему же ты избрал именно Чкалов? Об этой области даже почти не пишут ничего!

— Вот и плохо... Мне один знающий человек говорил, что в Чкаловской области много интересного. Туда даже Пушкин ездил... А известно, что тогда не было ни поездов, ни самолетов...

— Ну, это был девятнадцатый век!

— Тем более...

Мой друг смотрел на меня с нескрываемым удивлением.

— Там даже целинных земель нет!

— Представь себе, есть.

— Неужели?

— Есть... И очень много. Ты знаешь, что Чкаловская область вторая в Союзе по посевным площадям?

— Ты скажешь, что и промышленность там есть?

— Есть... И довольно крупная...

— Что ж, промышленностью сейчас никого не удивишь. Она даже в Конотопе имеется. Но уж город-то сам... Оренбург... Захолустье...

Признаюсь, о городе я ничего не мог сказать своему приятелю: ничего о нем не знал.

И вот в дождливый, пасмурный день мы подлетали к Чкалову. Из окна самолета видны щедрые всходы, зеленая кромка деревьев вблизи дороги, крутые изгибы реки Урал. Разбрызгивая жидкую грязь, самолет побежал по полю и остановился возле небольшого здания аэропорта.

— Обычная «Победа» сейчас не пройдет. Только что был большой дождь... Часа через два протряхнет,— сказал шофер и, словно извиняясь, указал на видневшуюся вблизи длинную насыпь: — Асфальтовую дорогу ведут на аэродром. Насыпь приподнята, места у нас здесь низкие...

На окраине города шины автомобиля коснулись асфальта. Выглянуло солнце, и все вокруг посветлело. Один к одному стояли окраинные аккуратные домики.

Мы прожили несколько дней в Чкалове. И невольно я вспоминал своего приятеля, с которым повстречался перед отлетом. Как порой мы бываем невежественны и нелюбопытны, со столичного «высока» снисходительно относясь ко всему тому, что расположено за пределами Москвы!

Один из областных партийных работников рассказывал:

— Приезжал к нам недавно столичный корреспондент. Первый вопрос, который он мне задал, был такой: скажите, а театр у вас есть? Ну, хоть бы поинтересовался, прежде чем лететь к нам! Ведь только в прошлом году наш драматический театр гастролировал в Москве, и тот орган печати, который он представлял, весьма похвально отзывался о художественном уровне наших спектаклей.

Позже мы убедились в справедливости этих слов. Нам довелось посмотреть пьесу «Любовь Ани Березко», написанную в Чкалове драматургом В. Пистоленко. И хотя в душный летний вечер театр не был полон, но спектакль принимался горячо. В городе есть свои любимцы — актеры и актрисы. Одна из них — молодая актриса А. Покидченко—обладает большим внутренним обаянием и чувством настоящей правды жизни, которое всегда отличает истинный талант. В театре немало и других хороших актеров. Здание Чкаловского театра имени Горького оставляет отличное впечатление и своим внешним и внутренним видом, акустикой и количеством мест, не слишком большим и не слишком малым. Любят чкаловцы и свой

[1] Удачу.

театр музыкальной комедии, недавно с успехом поставивший оперетту композитора И. Дунаевского «Белая акация».

Около областного музея стоят две старые чугунные пушки. Из этих пушек стреляли артиллеристы Пугачева. В музее много материалов, показывающих Оренбургский край. Здесь и экспозиция по истории Пугачевского восстания и много этнографических экспонатов. Растительный и животный мир Оренбуржья, его природные богатства... Они велики. Это на их основе возник за последние двадцать лет, а сейчас успешно развивается Орско-Халиловский металлургический центр с богатыми запасами руды, содержащей железо, марганец, медь, никель, хром и другие металлы. В восточной части области огромные запасы различных строительных материалов. Мрамор, известняк, огнеупорная глина, а также охра и знаменитая орская яшма... В западной части области нефть, гипс, бурые угли, асфальтиты, горючие сланцы, горючие газы, фосфориты. Близ города Соль-Илецка огромные залежи каменной соли. Природные сундуки области неисчерпаемы.

— У нас есть почти вся таблица Менделеева,— сказал один из наших друзей, вложив в эту фразу и гордость достигнутым и желание будущего большого расцвета, на пороге которого стоит Чкаловская область.

Сам город начинает нравиться как-то сразу. Покоряет прямота его улиц. Светлые красивые дома. Какая-то степенность и неторопливость его жителей, степная красота женщин. А когда по вечерам перед Домом Советов взвиваются кверху струи фонтана, подсвеченные красными, зелеными и желтыми огнями, все озаряется колеблющимся таинственным светом. Сквер, разбитый перед Домом Советов несколько лет назад, стал одним из самых любимых мест отдыха чкаловцев. Вспоминая о днях, когда начали на пустынной площади высаживать деревья, засыпать желтым песком и гравием дорожки, советские работники улыбаются. В Чкаловске нашлись ревнивые «блюстители порядка». Они писали письма, в которых жаловались на то, что облисполком лишает жителей города места для демонстраций... Но сквер построили. Город просторный, и для демонстраций места осталось много.

Чкаловцы любят историю своего края. Заслуживает всяческого поощрения многолетняя упорная и последовательная работа пытливого литературоведа-краеведа Николая Ефимовича Прянишникова. Его книга «Писатели-классики в Оренбургском крае», вышедшая в Чкалове уже вторым изданием, украсила бы любое московское издательство. Ведь широкий круг читателей почти ничего не знает о том, что, кроме Пушкина и Тараса Шевченко, в этом крае бывали и были связаны с ним Крылов и С. Аксаков, Плещеев и Чернышевский, Лев Толстой и Глеб Успенский...

...По вечерам жители города, особенно молодежь, тянутся к реке Урал, туда, где на постаменте поднялась массивная фигура Валерия Чкалова. Красивая крутая лестница спускается к реке. В Урале отражаются звезды. Слышен протяжный звук баяна и девичий смех. Шелестят деревья над кручей... А у входа в музей недвижимо стоят пугачевские пушки, словно охраняя память о бывшем Оренбурге, ныне Чкалове.

Почему остаются в Медногорске

Тем, кто любит соловьиное пение, хочется сказать: поезжайте к реке Урал. Как там свищут соловьи! Утром, в полдень, перед закатом солнца. Какие выщелкивают коленца! Шелестит цветущий розовый бобовник. Тихо плещет река. Где-то вдалеке стрекочет трактор. И свищут, свищут соловьи. Это и есть поздняя южноуральская весна. По разбитой дороге мы ехали из Чкалова в Медногорск, один из молодых промышленных городов Южного Урала. Ехали почти целый день. Над небольшими озерами пролетали утки. Шофер Яков Григорьевич глубоко вздыхал: охота была запрещена; винтовку он, конечно, взял, но стрелять не решался... Наш вездеход обгонял автолавки, машины с кинопередвижками. Уже стемнело, когда мы подкатили к городу, одним своим названием определившему основные профессии его жителей. Председатель горсовета Борис Емельянович Бирюков сказал:

— В Медногорске у нас почти каждый второй работает.

Нам предложили съездить на завод «Уралэлектромотор», посмотреть, как работает вечерняя смена.

Запахом нагретого масла, свежей краски и эмульсии дохнуло на нас, едва мы переступили порог цеха. Нас встретил директор завода А. Н. Штырин, высокий, спортивного сложения человек. Сразу почувствовалось, что он влюблен в завод. Все, о чем говорил директор, было связано только с заводом. В номенклатуре предприятия 150 различных видов моторов. Много моторов отправляется в Индию, Бирму, Корею, Китай.

Штырин говорит:

— Для жарких стран моторы делаем специальные. Освоили... Между прочим, когда-то я в Ленинграде на одной конференции сообщил цифру о выпуске моторов... Мои слова встретили смехом. Не потому, что ко мне относились плохо... Но просто не могли поверить, что где-то в дыре... У нас тут дыра не дыра, но углубление в горах. А вот в этом году дадим в три раза больше. Это как минимум... А в пятьдесят седьмом еще прибавим! Теперь уже никто не смеется.

— А сами вы давно здесь?

Штырин хитро улыбнулся и как-то по-мальчишески надвинул шляпу на лоб.

— Между прочим, приехал сюда на сорок дней в командировку. Несколько задержался. Десять лет уже работаю... Некоторые приезжие меня спрашивают: не собираюсь ли я уезжать?

— Мы не спрашиваем...

— Правильно делаете.

Штырин объяснял устройство одной из первых в Союзе автоматических линий, смонтированных на заводе.

— Долго она нам не давалась... Я даже неприятности из-за нее имел.

Мы подошли к отделу обмоток.

— Здесь работают триста человек... Недавно мы расчленили операции и производительность труда повысили на сорок пять процентов. И еще работаем в этом направлении. Мотор как будто и невидный агрегат, а, между прочим, работают на нас сто восемьдесят смежников... Впрочем, мы еще и пылесосы выпускаем... «Уралец». Вы каким пользуетесь? «Уралец» — лучший пылесос... Даже пыль с канцелярских столов собирает...

— Ну, уж лучший! Наверно, жалоб на него не счесть?

— Нет! Впрочем, одна была. Пожаловался генерал в отставке, в Москве проживающий... Пылесос из строя вышел. Наш инженер как раз в Москве был. Передали ему генеральскую жалобу. Решил сам поехать. Приехал... Действительно, забит пылесос пылью. Генеральская жена один раз в два месяца квартиру убирает... Много пыли собралось... Вы не смейтесь. Я правду говорю. — Глаза Штырина весело поблескивали.

Прощаясь с ним, мы не удержались и спросили:

— Что же все-таки вас привязало к Медногорску?

Штырин ответил серьезно:

— А вот все это... Все. — И он сделал какой-то такой широкий жест, что и объяснить его было трудно и не понять нельзя.

...Утром мы были на медносерном заводе. Около 80 процентов серы, выпускаемой в нашей стране, добывается на этом предприятии.

— До пятидесятого года стране приходилось импортировать много серы из-за границы. Теперь нужда в импорте серы отпала, — говорил директор завода Александр Адольфович Бурба.— Но завод продолжает расширяться. Начали строить цех производства серной кислоты.

С высокой эстакады застывшим потоком повис яркожелтый массив серы. То, что мы видим в небольших количествах в стеклянных баночках в лабораториях, здесь, на заводском дворе, лежало огромными глыбами.

О Николае Ивановиче Лапушкине мы слышали еще до того, как приехали на завод.

— Наш старый кадр... С начала строительства на заводе...

Видимо, есть какая-то закономерность в том, что иногда «старым кадром» называют еще не старого человека, но проработавшего на одном месте двадцать лет. Но сказать «на одном месте» — это тоже сказать не точно. Николай Иванович, придя в 1936 году на строительство завода малограмотным слесарем, сейчас работает механиком цеха, учится в техникуме. Но он не только работает и учится, он еще изобретает. Одна из последних его работ, как он сам сказал,— «перереконструкция тележки для встряхивания контактной массы».

Название несколько мудреное для нас, и Николай Иванович чуть виновато улыбается, стесняясь нашей неосведомленности. Зато он уже совсем легко говорит о своей обычной внепроизводственной жизни:

— Семеро детей рождены в Медногорске. Ирина работает в конструкторском отделе и учится в техникуме. Тамара — здесь же, на заводе, в химической лаборатории. Остальные — мальцы, но все уже учатся. Как собираемся вместе в домике нашем, — поспевай, мать, борщ варить, говорю я жене... Но, между прочим, поспевает.

— Сколько зарабатываете, Николай Иванович? — задаем мы не очень тактичный вопрос.

— Около трех тысяч.

— Да еще дочки?

— Ну, какой их пока заработок... Так, на духи да на помаду...

Разговор превращается в интервью.

— Корова есть у вас?

— Не нужна она нам... Не знаю, как в других местах, а у нас молоко и масло в магазине имеются... Молочный вопрос выпрямляется. — И без перехода, словно предупреждая другие вопросы, Лапушкин говорит: — Забыл ска-

Завод «Уралэлектромотор». Директор завода А. Н. Штырин и наладчик автоматической линии вала ротора П. И. Обухов.

Город Чкалов. Дом Советов.

Фото **Н. Козловского.**

Набережная реки Урала.

Орско-Халиловский металлургический комбинат. Коксохимический цех.

Орский нефтеперерабатывающий завод имени В. П. Чкалова.

Медногорский рудник.

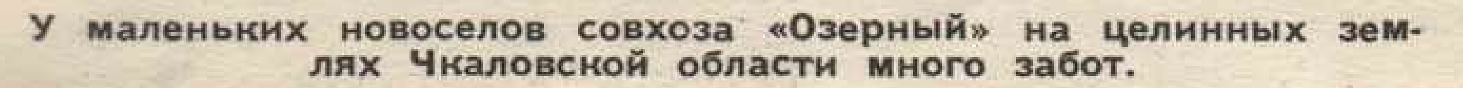

Орско-Халиловский металлургический комбинат. Лучший горновой доменного цеха Николай Епифанцев.

Доменный цех. Разливка чугуна в чушки.

На территории Южно-Уральского завода много зелени, фруктовых деревьев, цветов.

Город Ново-Троицк, Чкаловской области. Временный стадион.

У маленьких новоселов совхоза «Озерный» на целинных землях Чкаловской области много забот.

Общий вид города Орска.

зать... Сынишка Александр, что в третьем классе учится, в музыкальную школу ходит, на баяне учится играть...

И все-таки я задаю Николаю Ивановичу еще один вопрос:

— Нравится вам Медногорск?

— Как же не нравится...

— Чем?

— Вы поживите двадцать лет на одном месте... Все своими руками постройте, через лишения пройдите... Семерых детей вырастите, уважение людей заработайте... У нас ведь есть бродяги — им того не понять... А тут все словно твое... Прирос я к этому месту...

Уезжали мы из Медногорска туманным полднем прямо с карьера, подобного гигантской воронке, где добывалась медная руда. Машина взяла несколько крутых подъемов и выбежала на гору. Мы вышли на дорогу и оглянулись. Зажатый гладкими, без деревьев, гористыми скалами, собранный дом к дому, лежал в седловине Медногорск — один из новых городов Урала. И подумалось: нет ли в составе руды, добываемой на Медногорском карьере, магнита, обладающего чудодейственной силой притяжения людских сердец?

Будет ли миллион рублей прибыли!

В одном из областных учреждений нам в руки попался плакат, в центре которого была изображена женщина с плотно сжатыми губами и волевым взглядом. «Знатная свинарка Александра Даниловна Кривоконь»,— гласил заголовок плаката. Текст подробно излагал борьбу свинарки Кривоконь за высокие показатели свиноводческой фермы колхоза имени Молотова, Ново-Орского района. Здесь же были приведены показатели работы фермы за последние три года. Вот они:

Рост поголовья свиней в колхозе:
(на 1 октября каждого года)

1953 г.— 263
1954 г.— 320
1955 г.— 409

Сдано колхозом свинины государству:

в 1953 г.— 18 центнеров
в 1954 г.— 67 центнеров
в 1955 г.— 173 центнера

Не надо быть экономистом по образованию, чтобы увидеть большой рост товарного выхода свинины за последние три года. Рост почти в десять раз при относительно медленном росте поголовья свиней. В конце плаката говорится: «Колхоз имени Молотова имеет миллионные доходы. Александра Даниловна мечтает о том, чтобы и свиноводческая ферма стала миллионером. Для этого есть все условия. В текущем году вступает в строй новый свинарник, который позволит держать на ферме до 100 свиноматок».

Признаюсь, ехали мы в село Кумак в благодушном настроении, думая примерно так: посмотрим образцовую ферму, поговорим с Александрой Даниловной о ее достижениях, узнаем о ее планах на будущее и отправимся обратно. Но все сложилось иначе.

Проехав старое, широко раскинувшееся казачье село, мы вместе с председателем колхоза Александром Григорьевичем Митрофановым оказались на ферме. Солнце было на закате. Освещенная его лучами, с хворостиной в руках, в чистой белой косынке, у дороги стояла пожилая женщина небольшого роста. Подперев кулаком подбородок, она с любопытством рассматривала людей, выходивших из машины. Надо отдать должное художнику Тельнову, рисовавшему Кривоконь для плаката: мы ее сразу узнали. Александра Даниловна повела нас в новый свинарник.

— Вот, самой приходится обмазывать...— говорила она, указывая на мокрые еще стены.

— А что же так?

— Других не уговоришь... Не хотят.

В свинарник вошли еще две женщины.

— Корнасенко Александра Федоровна,— назвалась одна из них, протягивая руку. А когда поздоровалась, заметила: — Мы думали, вы нам и руки не пожмете...

Смысл такого ее заявления нам тогда не был понятен.

Мы перешли в старый свинарник. В загончиках лежали матки, мельтешили розовые поросята.

— Это Лукреция,— говорила Кривоконь,— а это Виктория... А это хряк Демон...

Эпоха Возрождения, как видно, не прошла мимо этой свиноводческой фермы.

В свинарник Александры Корнасенко Кривоконь не пошла. Чувствовалось, что здесь какие-то напряженные отношения. Вдоволь насмотревшись на хряков и поросят, мы присели на доски возле сарая. Я вытащил блокнот, приготовившись записывать рассказ свинарок об их жизни. Но записывать было нечего. Женщины, рассевшись метрах в десяти друг от друга, молчали. Молчал и Иван Федорович Сыромицкий, заведующий свинофермой, пожилой тихий человек. Он только метал неодобрительные и вместе с тем осторожные взгляды на женщин. Видимо, доставалось ему от его подчиненных изрядно.

— Как дело с соревнованием на ферме? — спросил я.

— А никак,— ответила Кривоконь.— У нас не хотят соревноваться.

— Не хотим,— лаконично подтвердила Корнасенко.

— Почему?

— С кем другим — пожалуйста, а с Кривоконь — нет.

Председатель заерзал на досках. Сыромицкий тревожно кашлянул.

— Вот видите,— сказала Кривоконь,— а мои обязательства в пятьдесят шестом году — тридцать пять поросят от каждой свиноматки.

— Говорить можно что угодно,— одними губами произнесла Корнасенко.

— А у вас какие обязательства, Александра Федоровна?

— Двадцать пять,—неохотно ответила свинарка.

И снова все замолчали.

Прощаясь, Кривоконь сказала Митрофанову:

— Уйду я от вас.

— Да что вы, Александра Даниловна!

— Уйду, и все тут.

Так мы и уехали из колхоза, гадая, почему одна из самых лучших свинарок Чкаловской области, участница Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в 1955 году, зарабатывающая десятки тысяч рублей, купившая в прошлом году себе автомашину «Победа», так настроена.

— Она ценная очень женщина... Передовая очень... Но с другими считаться не хочет. Вот в чем дело: гордая она для себя... А между тем член партии. Трудно мне с ней,— говорил Митрофанов.

— А вы отпустите ее?

— Нет уж, пусть будет трудно... А Корнасенко, Александра Федоровна, у нее ведь своя гордость имеется... Еще три года назад ферма давала всего восемь поросят на одну свиноматку, а в нынешнем году Кривоконь — слышали? — тридцать пять обещает! — Тут уже и у председателя зазвенели гордые нотки...— Так что и двадцать пять — это хорошо...

Председатель говорил, а у меня перед глазами стояли эти две хорошие русские женщины, каждая со своим, пускай строптивым, непокладистым характером, но честные, открытые, болезненно переживающие свои успехи и неудачи. И думалось о том, что много такого, из-за чего наши люди ссорятся иногда, можно было бы избежать, если б во-время было сказано нужное слово руководителя, который был бы не равнодушным соглядатаем, а старшим товарищем и советчиком.

Вторично с Александрой Даниловной Кривоконь мы встретились в Чкалове. На пленуме обкома КПСС обсуждался вопрос о социалистическом соревновании. В числе приглашенных на пленум работников сельского хозяйства была и свинарка Кривоконь.

Выступавший в прениях секретарь Ново-Орского райкома партии тов. Шебаршов, высоко оценив работу Кривоконь, похвалил и Александру Федоровну Корнасенко. Вместе с этим он раскритиковал статью в журнале «Крестьянка», в которой излагались факты трехлетней давности и несправедливо были принижены ныне хорошо работающие свинарки. Тут нам стала понятной обида Александры Корнасенко: «Мы думали, вы нам и руки не пожмете».

Но Александра Даниловна осталась недовольной выступлением секретаря райкома. Пришлось в перерыве смотреть стенограмму выступления Шебаршова. Но там ничего обидного не оказалось. А то, что Корнасенко со своими подругами сейчас хорошо работает, опровергнуть было невозможно.

И вот после перерыва председательствующий предоставил слово Кривоконь. Мы замерли. Что скажет эта женщина?

Почти невидная за высокой трибуной, Кривоконь рассказала о работе фермы, покритиковала тех, кто «ставит свинью в один ряд с курями», а затем, блеснув острыми карими глазами, заявила:

— Беру обязательство дать на каждую свиноматку в этом году тридцать пять поросят и вызываю на соревнование всех свинарок области!

Сказала и сошла с трибуны под аплодисменты участников пленума.

Выступивший в прениях председатель облисполкома А. Я. Жуков горячо поддержал выступление Александры Даниловны Кривоконь.

Вот как будто и вся история. Во всяком случае, какая-то ее часть. Сейчас ферма ставит задачу добиться миллионной прибыли в год. Надо надеяться, что свинарки колхоза имени Молотова с этой задачей справятся. Но не только в этом дело. Трудными, сложными путями пробивает себе дорогу новое. Через обиды, через борьбу, через столкновение самолюбий! Но все же идет, идет это новое. И радость труда, счастье трудовых побед подминает под себя все мелкое, второстепенное. И хочется пожелать и Александре Даниловне Кривоконь, и Александре Федоровне Корнасенко, и их подругам и помощникам больших новых успехов в их благородном труде.

Медногорский медносерный завод. Начальник химического цеха Ф. Е. Якубович и старший механик цеха Н. И. Лапушкин.

БЕЛЬМА НА ВИТРИНАХ

В. ПОЛЫНИН

Фото Е. Тиханова.

Вам, вероятно, случалось видеть огромные зеркальные витрины, чем-то вымазанные изнутри. Иногда разведенный в воде мел застилает всю площадь стекла, иногда лишь его нижнюю часть. Бывает, что стекла не замазаны, однако занавеси скрывают жизнь за витриной.

Иной прохожий, увидев такую витрину, подумает:

— Ого, здесь что-то будет, когда стекла протрут или занавеси раздвинут!..

Повидимому, этот прохожий знаком со специальным постановлением Совета Министров СССР о том, что первые этажи крупных зданий должны отводиться под магазины и ателье, столовые и кафе, комбинаты бытового обслуживания. Как правило, так оно и делается.

Но часто временного мелового покрытия никто не собирается смывать, оно обретает прочность и служит своеобразным камуфляжем. Эти бельма на витринах давно намозолили всем глаза.

В Москве, на улице Горького, в самом что ни на есть специализированном магазинном помещении, в доме № 41, разместилась... трикотажная фабрика. Разместилась, надо полагать, временно. Об этом можно судить хотя бы по тому, что за десятилетний срок ни на двери, ни на фасаде фабрика не выдала себя ни единой табличкой: кто не знает,— не найдет и ничего не заподозрит.

Ржавые крючья и невыгоревшие следы на стене сохраняют наглядную память о пребывании здесь во время оно броской надписи «Спортивный универмаг». Но то ведь вопиют камни, а люди, пожалуй, уж с этим смирились.

— Это помещение нас ни в какой степени не устраивает,— говорит директор фабрики Л. М. Коломенская.— Неудобно, тесно, нет двустороннего дневного света, но мы вынуждены лишать себя даже одностороннего: маскировка! Нельзя установить необходимого машинного оборудования. Мы задыхаемся в цехах, потому что санитарно-эпидемиологическая станция не разрешает проводить вентиляцию.

Трикотажники задыхаются, но не сдаются!

«Ничего нет на свете более постоянного, чем временное размещение»— этот афоризм мы услыхали тоже на улице Горького, на первом этаже дома № 8. Здесь должен был находиться единственный в столице «Дом книги». Но помещение «временно» (пятнадцать лет!) служит конторой для третьей по счету организации.

Ныне здесь размещена Инспекция государственного архитектурно-строительного контроля. Та самая инспекция, которая обязана сопротивляться вселению в первые этажи новых домов всякого рода учреждений.

— И все же не так давно,— рассказывает заместитель начальника инспекции товарищ Ратников,— нас заставили выдать «разрешительное письмо» проектной организации «Гипромез». Она заняла на Ярославском шоссе первый этаж дома № 79/97, предназначенный для столовой...

Быстро росло за последние годы население столицы. Тысячи домов воздвигнуты на окраинах. Магазинов стало больше, и все же их не хватает. Единственный резерв — первые этажи. А эти этажи сплошь да рядом занимаются проектными институтами или швейными комбинатами, жилищными конторами или складами.

В доме № 3 на Кузнецком мосту в течение многих лет был лучший в столице специализированный обувной магазин. Теперь там рождаются планы проектов строительства новых магазинов: помещение занято Архитектурно-планировочным управлением Мосгорисполкома.

Один из лучших в столице мебельных магазинов был когда-то в доме № 24 по улице Кирова. Просторное помещение перегородили для удобства десятками фанерных переборок, и в тесные монастырские клетушки въехали технические курсы.

Садово-Самотечная, 2. В помещении прекрасного, как вспоминают старожилы, продовольственного магазина теперь «Главмузпрокат» хранит не сданные в прокат инструменты.

Если раздвинуть маскировочные белые полотна в витринах первого этажа дома № 1/3 на Можайском шоссе, то из аудиторий курсов иностранных языков можно увидеть овощной магазин в маленьком, предназначенном на снос домике.

На улице Правды, 17/19, в торговое помещение крепко всосалась контора «Медпиявки».

Даже пожарная команда, и та долгое время занимала помещение магазина на Дмитровском шоссе.

И таких случаев множество.

Около тридцати лет назад для улучшения питания москвичей в заводских районах было построено два десятка фабрик-кухонь. Почти половина из них прекратила существование. Кто же там теперь «кухарничает»? Московский областной суд и коллегия защитников. Научные и проектные организации. Райисполком. И, наконец, учреждения, которые бьются над проблемами, как получше накормить население: Высшая торговая школа, Витаминный институт и Институт торговли и общественного питания.

Вот биография первого этажа дома № 16/20 по улице Чайковского. Дом сдан в эксплуатацию свыше двух лет назад. И с тех пор не снимается камуфляж с его огромных витрин.

Предполагалось разместить там отделение банка. Истратили свыше двадцати тысяч рублей на документацию. Затем решили: пусть здесь будет магазин «Галантерея», а банк разместится по соседству. Попутно те же помещения обещали отдать под книжный магазин. Книготорговцы даже успели израсходовать несколько десятков тысяч рублей на проект. Но к этому времени было вынесено новое решение: открыть ателье для молодоженов. Однако молодожены остались без ателье. Краснопресненский райисполком, будь он хозяином своего района, вселил бы туда аптеку,— в этом районе нужда в ней велика.

Но пока что, вот уже два года, весьма обширная площадь пустует. Кто-то решает и перерешает, а десятки и сотни тысяч расходуются на всякого рода проекты.

Кто же сотрет наконец с витрин эти давно надоевшие всем бельма?

Здесь был спортивный универмаг, а теперь — трикотажная фабрика.

«РОМАНОВСКАЯ ОВЦА»

Очерк В. Титова «Романовская овца», опубликованный в журнале «Огонек» № 14 за 1956 год, правильно освещает отставание шубного романовского овцеводства — этой важной отрасли животноводства.

Романовская овца — ценнейшая отечественная порода. Она известна отличными шубными качествами и высоким многоплодием. Благодаря таким качествам эти овцы получили распространение в Ярославской, Ивановской, Калининской, Вологодской и других областях РСФСР. Гнездами они встречаются в колхозах Калужской, Московской, Свердловской областей и даже в Якутии. Причин, которые повлияли на сокращение поголовья романовских овец, много. Главными же являются неправильное содержание овец зимой в теплых и сырых овчарнях, без зимних выпасов и прогулок, обезличка в уходе за овцами, неумение выращивать молодняк и, конечно, недостаточная заинтересованность отдельных колхозов в развитии этой отрасли хозяйства.

Романовское овцеводство можно превратить в высокодоходную отрасль животноводства и получать не только ценные овчины, но и молодую баранину. Такое комбинированное направление вполне целесообразно, тем более, что романовские овцы достаточно скороспелы. Отдельные передовые коллективные хозяйства уже сейчас получают от романовских овец по 250—300 ягнят на каждые 100 маток. Племенные фермы Тутаевского и Мышкинского государственных племенных рассадников Ярославской области получают ежегодный доход в среднем от одной матки по 300—350 рублей в год, а колхоз «Красный дружинник» — по 550 рублей.

В настоящее время принимаются решительные меры к возрождению романовского овцеводства. Уже разработаны мероприятия по правильному содержанию, кормлению и уходу за романовскими овцами.

Министерство сельского хозяйства СССР организовало выезд овцеводов Ярославской и Ивановской областей в Калужскую область для ознакомления с выгульно-пастбищным содержанием овец в колхозе «Путь к коммунизму». В этом колхозе по инициативе председателя Д. Ф. Суменкова уже несколько лет применяется зимняя пастьба романовских овец. Их пасут в течение всего дня. Овцы свободно раскапывают снежный покров толщиной до 20 сантиметров и поедают сухую траву, прикорневые зеленые листочки, почки, молодые побеги кустарников. Перед выгоном на пастьбу овцам дают по 300—350 граммов вареного мятого картофеля в виде болтушки, а после возвращения с пастбища их поят водой из колодца. Такое содержание и такая закалка устраняют весенние заболевания овец.

Большим тормозом в развитии романовского овцеводства было и то, что овчины этих овец принимались по устаревшему стандарту, причем лучшие овчины от романовских ягнят, забитых в 5—6 месяцев, определяли как низший сорт.

По предложению Ярославского обкома КПСС Комитет стандартов рассмотрел этот вопрос и 16 мая 1956 года вынес решение — принимать овчины от романовских овец в возрасте 5—6 месяцев по высшей категории.

В августе 1956 года намечено провести совещание работников и специалистов по овцеводству центральных и северо-западных районов.

Можно не сомневаться в том, что уже с этого года поголовье романовских овец начнет заметно увеличиваться.

Я. БУСУРИН,
главный зоотехник инспекции овцеводства Министерства сельского хозяйства СССР.

В гостях у Лолиты Торрес

Демонстрация фильма «Возраст любви» с участием замечательных кинодеятелей Гуго дель Карриля и Лолиты Торрес вызвала большой интерес советских зрителей к аргентинскому кино. Известная испанская писательница Мария Тереса Леон, живущая в Буэнос-Айресе, побывала в гостях у Лолиты Торрес. Мы публикуем ее беседу с актрисой.

Мария Тереса **ЛЕОН**

Во время моей последней поездки в Советский Союз московские девушки и юноши не раз спрашивали меня, какова Лолита Торрес. Симпатична ли она? Такая же она грациозная, как и в кино? Остается ли таким же плутоватым и наивным блеск ее глаз, когда кончается съемка? Вопросы эти задавались мне всегда неожиданно, и задававшие их приходили в уныние, когда я отвечала, что незнакома с Лолитой Торрес. Но я обещала обязательно посетить ее, когда вернусь в Буэнос-Айрес.

Вот как проходила наша беседа:

Я: — Вы мне позволите посмотреть на вас, Лолита?

Лолита Торрес: — Вот так сразу, не сказав даже здравствуйте?

Я: — Дело в том, что девушки и юноши Советского Союза хотели бы как можно скорее познакомиться с Лолитой Торрес, и я так торопилась, что пришлось опустить слова приветствия. Дайте мне руку. Я хочу пожать ее и выразить вам симпатию очень многих незнакомых вам зрителей.

Лолита: — Не столь уж незнакомых,— ведь мы, артисты, иногда заранее знаем, принесет ли аплодисменты или неудачу созданный нами образ, путешествуя где-то далеко на экранах. Я не раз чувствовала, что этот мой образ, далекий по своему характеру от оригинала, принесет счастье и радость многим людям.

Я: — Да, Лолита, вы многим приносите радость. Ваши кинофильмы прекрасно передают ваше желание принести людям радость, воодушевить их, развлечь, украсить их жизнь, а ваши народные песни вдохновенны. Я недавно только вернулась из страны, где ваша популярность такова, что прогулка по улицам была бы для вас опасна: вы сразу попались бы в сети восторженных зрителей.

Лолита: — Я бесконечно обрадовалась, когда узнала об этом. Еще с детства меня очаровывало все далекое, все, что казалось недосягаемым. А Россия так далеко!

Я: — Но в этой далекой стране вы имели огромный успех. Там повторяют ваши песни. А ведь в вопросах народного искусства и в театре они прекрасно разбираются и умеют отличить хорошее от плохого, — можете поверить мне.

Лолита: — Я знаю, что русский театр дал великих актеров, об этом можно судить и по советским кинофильмам. Это страна и великолепного фольклора.

Я: — Поэтому им и нравятся, Лолита, ваши песни, ибо они народные. Композитор Сарсосо и наш большой друг поэт Сальвадор Вальверде нашли в Испании свежие источники мелодий для своих лучших песен. Они получили высокую оценку у советских зрителей. А молодежь все время интересовалась, какова же Лолита Торрес.

Лолита: — И какой вы меня находите?

Я: — Вы очаровательны. Я сказала бы, что вы прозрачны.

Лолита: — В каком смысле?

Я: — В прямом смысле слова: в вас нет двойственности. Ваш молодой возраст, ваше желание успеха, ваша удовлетворенность тем, что вы отдаете себя искусству,— все это не спрятано, не завуалировано какой-нибудь манерной грустью. Лолита Торрес не грустная андалузская жалоба в песне «соэта», а радостная «севильяна».

Лолита: — Не думайте, Мария Тереса, что моя жизнь была легкой. Я ведь дебютировала в 11 лет.

Я: — Вы были рождены для этого.

Лолита: — Возможно, но мне кажется, что я просто не понимала значения того, что происходило, и поэтому была на сцене очень самоуверенна...

Я: — Нет, это была не самоуверенность, а проявление вашего дарования. Вы пели испанские песни?

Лолита: — Конечно. Мои деды были испанцами. Я пою, как вы знаете, песни всех районов Испании и, конечно, аргентинские. Любовь к испанским песням и танцам была традицией нашей семьи. Об этом хорошо знают в испанских клубах Буэнос-Айреса. Они всегда приглашают меня к себе, премируют дипломами, выбирают президентом праздников, и я танцую и пою для них, потому что их взволнованные аплодисменты делают меня счастливой.

Я: — Вы, Лолита, должны быть счастливы, что в вашем голосе живут все тонкости испанской музыки. Но продолжим наш рассказ,— итак, вы стали петь, а когда же вы сделались актрисой?

Лолита: — В тринадцать лет. Все произошло очень быстро. Началось с реплики в сцене с великим аргентинским актером Луисом Сандрини. Конечно, мне, как и всем ребятам моего времени, нравилось кино. Отец иначе воспринял мои склонности, и в течение шести лет я усиленно готовилась к сцене.

Я: — Ваш отец был совершенно прав. Во всем нужна техника.

Лолита: — Тогда же я совершила турне по Южной Америке: Мексика, Куба, Бразилия, Чили. Мастерство росло...

Я: — И вы уверились в своих артистических силах.

Лолита: — Да, с каждым разом я все с большей уверенностью вступала на сцену.

Я: — Но мне говорили, Лолита, что вы вообще никогда не боялись зрителей. В отличие от многих одаренных детей, став взрослой, вы не утратили своего таланта.

Лолита: — Я не думаю, что я была одаренным ребенком. Я пела, танцевала, двигалась так, как многие другие девочки, попавшие на сцену. И когда я выступила в кино как героиня кинофильма «В ритме соль и перец», мне показалось, что вся моя жизнь была именно в этом.

Я: — В названии этой картины было ваше будущее: «соль» и «перец».

Лолита: — Моим самым большим успехом был кинофильм «Девушка огня». Мне так нравилось петь...

Я: — Говорили, что в 1950 году этот кинофильм был в Аргентине рекордным по числу его зрителей. А в музыкальной комедии вы участвовали?

Лолита: — Да, я выступала в «Воришке моей души» с великолепным комиком Хуаном Карлосом Мареко.

Я: — Я помню, что в кинофильме «Лучшая в колледже» также было несколько чудесных песенок.

Лолита: — Это был замечательный фильм. Правда, в нем я оказалась в совершенно незнакомой для меня обстановке, но кажется, что я справилась с этим, и результат оказался весьма приятным.

Я: — Вашим большим успехом в России был кинофильм «Возраст любви». Считаете ли вы этот фильм выдающимся?

Лолита: — Для меня выдающимся кинофильмом является всегда тот, который еще не заснят. Вот название «Возраст любви» было действительно большой удачей.

Я: — Лолита, а если «Возраст любви» однажды постучит в ваши двери и подарит вам подвенечное платье? Как вы поступите?

Лолита: — Я выйду замуж, Мария Тереса, я девушка без претензий. Мне нравится хозяйничать дома, готовить на кухне, воспитывать детей. И если это придет, то я брошу все: театр, кино, пение и танцы.

Я: — Какой ужас! Значит, мы потеряем вас навсегда?

Лолита: — Сейчас нет. Это произойдет лишь в том случае, если я выйду замуж.

Я: — Подумайте, Лолита, ведь это невозможно. Ваша связь с искусством чересчур глубока.

Лолита: — Сказанное остается в силе: в день, когда придет любовь, эта канарейка умолкнет навсегда.

Я: — Однако ваша последняя картина называется «Невеста двух». Ну, а раз женихов двое, то нам пока можно не беспокоиться. Спойте мне что-нибудь из этого фильма,— тогда пройдет испуг, который я испытала, подумав, что мы можем потерять вас.

Лолита: — Эту песню я спою специально для девушек и юношей Советского Союза. Я знаю, что там, в Советском Союзе, искусство выходит из народа и служит народу, что там имеются великолепные певцы, фольклорные ансамбли и такие замечательные исполнители, как скрипач Леонид Коган, который посетил меня в Буэнос-Айресе. Всем им я желаю больших успехов, счастья в труде и процветания их родины.

Я: — Советская молодежь хотела бы познакомиться с вами, встретиться с вами так, как вы сейчас встретились со мною.

Лолита: — В этом нет ничего невозможного. Я тоже хочу этого. И однажды, когда я выполню все мои договоры в кино, от которых до сих пор мне не удается освободиться, я поеду туда.

Я: — Но время бежит слишком быстро, а если вы до этого найдете своего суженого?

Лолита: — Мне еще предстоит много спеть, прежде чем соловей Джульетты споет мне свою песню.

* * *

Такова, друзья мои, Лолита Торрес — человек большой культуры, душевной простоты и обаяния. Вы спрашивали меня, когда я была в Москве, какова Лолита Торрес. И вот вы узнали ее, она только что была рядом с вами, полная молодости и симпатии.

← Кадр из фильма «Возраст любви».

Мария Тереса Леон и Лолита Торрес.

Театральное лето

«Привидения» Г. Ибсена. Постановка Воронежского драматического театра. Освальд — П. Вишняков, фрау Альвинг — О. Супротивная.

В. ПИМЕНОВ

Никогда еще, если вспомнить прошлые летние сезоны, московскому зрителю не представлялась такая возможность — увидеть такое множество спектаклей, созданных различными русскими и другими национальными театрами страны. Министерство культуры СССР хорошо делает, практикуя так называемые малые гастроли: периферийным театрам дано было право привезти и показать москвичам один свой лучший спектакль из текущего репертуара.

Новая форма гастролей при всех ее организационных недостатках внесла большое оживление в театральную жизнь столицы. Один спектакль сменялся другим, оставляя в памяти яркие образы героев, правдивые картины, отражающие нашу современность, волнующие страницы далекого прошлого, вновь оживающие на сцене.

В Москве мы еще не видели постановки «Пучины» Островского и Соловьева, и зрители с большим интересом отнеслись к гастрольному спектаклю, который привез Ленинградский академический театр драмы имени Пушкина. По единодушному приему широкой общественностью, по тому, как тепло были встречены талантливые исполнители ролей в «Пучине» А. Борисов, Ю. Толубеев, Н. Рашевская и другие, можно было еще раз отметить высокое мастерство, замечательное искусство славного русского театра.

Ленинградский театр имени Ленинского комсомола порадовал нас глубоко психологическим и богатым чувствами воплощением произведения Достоевского «Униженные и оскорбленные», которое москвичи не видели на сцене много лет — с момента постановки во МХАТе втором. Спектакль «Савва Чалый» И. Карпенко-Карого был показан Костромским областным драматическим театром, для которого характерны постоянные и плодотворные поиски оригинального репертуара.

В ибсеновские дни Воронежский драматический театр показал в Москве спектакль «Привидения». В одной из центральных ролей выступил Аркадий Поляков, известный интересным воплощением на сцене героико-романтических образов Арбенина и Гамлета.

Горьковский театр привез в столицу спектакль на важную современную тему — «В родном доме» Г. Федорова, а калининский — «Годы минувшие» Н. Ветлугина. Заслугой калининского театра является создание сценического образа Михаила Ивановича Калинина. На небольшом и ограниченном в смысле событий материале пьесы артист А. Добряков сумел передать черты замечательного большевика-ленинца, простого и мудрого, выдающегося советского государственного деятеля.

Старейший в РСФСР Ярославский драматический театр имени Ф. Г. Волкова выступил со спектаклем «Огненный мост» Б. Ромашова. Пьеса, написанная в 20-х годах, вновь ожила на сцене, и не как страница прошлого, а как живое явление революционной современности, неразрывно связанное с делами наших дней. Впервые пьеса была поставлена в Малом театре в 1927 году. Прошло почти 30 лет, и новое поколение знакомится с «Огненным мостом» в постановке ярославцев — коллектива, богатого незаурядными мастерами. Особенное впечатление оставили артисты А. Чудинова в роли Дубравиной, В. Нельский в роли Геннадия и С. Ромоданов — Штанге.

Сейчас можно говорить о первых творческих итогах летних гастролей. Уже не повторяется одна и та же «обойма» пьес, апробированных московскими театрами. Создается свой, оригинальный репертуар. И, не в обиду руководителям ряда московских театров будь сказано, гости проявили куда большую инициативу в выборе репертуара. Такие пьесы, как «Пучина», «Привидения», «Савва Чалый», «Огненный мост», могут украсить и московскую сцену.

«Униженные и оскорбленные» в постановке Ленинградского театра имени Ленинского комсомола. В роли Нелли Е. Быкова.

Фото А. Гладштейна.

Судя по гастролям, усилилась активность театров в работе над современной пьесой. Теперь все понимают, что без современной пьесы сценическое искусство не может жить. Правда, хотелось бы иной раз пожелать руководителям театров и драматургам большей ответственности и требовательности при постановке произведений местных авторов. Думается, что спектакль «Павел Бродов» А. Бодренкова в смоленском театре продемонстрировал это особенно наглядно: мало еще сделано для преодоления поверхностной иллюстративности и драматургических штампов.

Истинную радость доставили спектакли Северо-Осетинского драматического театра, отличающиеся художественной простотой, красочностью и благородной романтикой. Вновь москвичи увидели в роли Отелло уже знакомого им по спектаклям театра Моссовета артиста В. Тхапсаева — одного из ведущих мастеров талантливой труппы осетинцев. Большое впечатление оставили спектакли, созданные ею по пьесам национальных драматургов,— «Женихи» А. Токаева, «Мать сирот» Д. Туаева, «Фатима» К. Хетагурова.

С успехом проходят гастроли Свердловского драматического театра и Киевского русского драматического театра имени Леси Украинки.

В течение лета покажут свои работы в Москве 15 театров страны. Впервые на гастроли в столицу прибыл Черновицкий музыкально-драматический театр, а скоро приедут Красноярский драматический и Вильнюсский театр русской драмы. Много новых спектаклей — о сегодняшних днях, о жизни и борьбе советского человека нашей многонациональной Родины, о людях Сибири и Урала, о славных тружениках Украины, Литвы, Северной Осетии — увидят зрители во время гастролей. Они познакомятся со сценическим воплощением драматургии и прозы Бальзака, Тургенева, Л. Толстого, Достоевского, Горького.

Летние гастроли, впервые столь широко организованные в Москве, говорят о том, каким источником живых творческих сил обладает наша советская театральная культура.

«Фатима» К. Хетагурова. Постановка Северо-Осетинского драматического театра. Сцена из второго акта.

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

Поэма

Алексей **МАРКОВ**

Рисунки П. **КАРАЧЕНЦОВА.**

ХОЛОДНАЯ МОСКВА

Из обшивней широкий, дюжий
Детина вылез, и притих,
И огляделся неуклюже,
Смахнул солому с плеч своих.

Рассвет белесый прорезáлся,
Зажглись местами огоньки.
Лениво город просыпался,
Сгружали рыбу рыбаки.
Еще вчера, когда стемнело,
Пришли с обозом на базар.
И вот теперь пора за дело —
Кажи лицом морской товар.
И нá ночь запертые плотно
Хмельные двери кабаков
Зевали изредка дремотно,
Глотая зяблых мужиков.

Старик, сосед по Холмогорам,
Руками жесткими стуча,
Приблизился к Михайле:
— Скоро
Ты обратишься в москвича.
Гляди, да станешь барин
грозный,
Забудешь, где и кем рожден!..—
Потом подумал и серьезно
Добавил на прощанье он:
— Пришел не к батюшке
родному,
Ты никому не нужен тут...
Ходи всю ночь от дома
к дому,—
Нигде приюта не дадут.
Вот кулебяки, пригодятся!
Бери же, что за разговор...
Еще придется поскитаться,
Но ты держись: ведь ты помор!
...Домой вернемся,
в Холмогоры,
И за тебя влетит еще...
Ответа не найдя помору,
Котомку вскинув на плечо,
Пошел Михайло Ломоносов,
Сдержав рыдание с трудом.

Трещат деревья от мороза,
В снегу, как в шубе,
каждый дом.
У тех, в чьих сундуках
излишек, —
На окнах отблески зари,
А дальше — низкий ряд
домишек,
Бычачьи в рамах пузыри.

Москва! Как шапка, Кремль
над нею
В морозном ясном хрустале.
Шагай, Михайло, посмелее:
Ты дома, на родной земле!
Пошире плечи, ты — хозяин,
Иди Москвою в полный рост!
...Ворон крикливых вьется стая,
Река во льду и Спасский мост...
Печатный двор, библиотека [1]...
Михайло на крыльце, в углу,

[1] Киприянов называл свою книжную лавку «библиотека», на иностранный лад.

Чтобы очиститься от снега,
Привычно поискал метлу
И, не найдя ее,
руками
Бахилы мерзлые обмел.
...Завалены столы томами,
Загроможден томами пол.

Владелец дома Киприянов
Пришельца встретил с добротой:
— Учиться никогда не «рано»!
Входи же, у дверей не стой...
Поближе к печке...—
И подкинул
На тлеющие угли дров...
Из шкафа новый атлас вынул:
— Читай и духом будь здоров.
Как видно, издалёка! Пришлый!
К науке тянется душа!
— Из-под Архангельска я.
— Ишь ты!
С таких не брал я ни гроша!
Петра Великого Россия
Из атласа предстала вдруг.
На карте вехи заводские
И рудников значки вокруг.
И радостно Михайле стало:
«Авось, не будем на поклон
Ходить, как сотни лет бывало,
К соседям нашим за кордон».
Кому другому, а помору
Известно с детства, что леса —
Земли могучая краса —
Шли под топор, да без разбору.
Потом грузились корабли
Добротным ароматным тесом.
Взамен
отсталым, диким россам
Гвоздей со шляпками везли.

...Зимою вечереет рано,
И Киприянов свет зажег.
Мигал у лампы беспрестанно
Огня багровый язычок.
— А на дворе как завывает,
Теперь до утра будет месть...
— Плохой погоды не бывает,
Плохая лишь одежка есть! —
Хозяину помор ответил,
Склонившись низко над столом.
Хозяин про себя отметил:
«Видать, верзила сей с умом!
Но поздно, кажется, наукам
Приехал обучаться он.
Ученье — не простая штука,
Отнимет аппетит и сон.
А этому жениться впору».

Вдруг в свете, зыбком и кривом,
Тень показалась от помора
На редкость схожею с Петром.
И Киприянов почему-то
Перед Михайлой оробел.

Холодный ветр с тоскою лютой
В закрытом дымоходе пел.

САМЫЙ РОСЛЫЙ

С церко́вкой зданье
на Никольской —
Всегда насуплено оно.
Со стен облупленных известка
На землю сыплется давно.
Сюда не проникает солнце,
И ледяной в июле пол,
Глядят бойницами оконца —
Вот помещенье Спасских школ.
На длинных заскорузлых
ска́мьях
В потрепанных полукафтаньях,
Нахохлившись, как старики,
Латынь долбят ученики.
Они воды стоячей тише,
Сидят, простуженно сопя,
Свинцовой палочкою пишут,
Поджавши ноги под себя.
У смрадной и холодной стенки
На твердый, высохший горох
Поставлен дерзкий на коленки:
Напал, вишь, на молитве чох!
...По голым ягодицам, слышно,
Как ходят розги — рядом класс.
Старославянским штилем
пышным
Монах гнусавит битый час.

Лишь наступил конец урока,
Поближе к солнышку, во двор,
Все устремляются потоком.
Откуда только и задор!
— Сломаешь, Ломоносов,
дверку!
— А голова цела, проверь!
— С Михайлы снять бы надо
мерку,
Пред тем как делать эту дверь!
А он несдержанно и пылко
На шутки злился и орал
И на пылающем затылке
Ладонью шишку растирал.
— Пришел латыни обучаться
Детина в двадцать с лишним
лет...
— Он, может, русский наш
Гораций!
— Он, может, первый наш поэт!
Ни разу калькулюс[1], однако,
Повесить не пришлось ему,
Всегда у нас висит, собака, —
Другой ответствовал тому.

На зиму повернуло.
Камень
Иль просто затвердевший ком
Не только не возьмешь руками,
Но не собьешь и каблуком.
К пруду галопом устремились
Ученики от Спасских школ
И в стаю белую вклини́лись,
Ну и пошел, ну и пошел!
И перья рвут из крыл гусиных,
Дерутся, крик, переполох!
— К шутам всю вашу писанину,
Убрал бы вас отсюда бог!
Ух, как бы я вас, окаянных...—
Сжимала бабка кулаки.

Но молча с перьями в карманах
Победно шли ученики.

ХМУРЫЕ ДНИ

У стен Кремлевских торг
в разгаре,
Здесь горы лакомств на лотках...
Оладьи, сбитень, мясо жарят
И окликают, что ни шаг:
— Коль жить хотите вечно,
люди,
Хоть раз отведайте мой студень!
— В Кремле такой не ели блин,
А ну, откушай, господин!
— Гроши — не рублики,
Берите бублики!

— Пьянее браги в мире нет,
Пей брагу и живи сто лет!
Неслись, искрясь, прибаутки
И перцем сдобренные шутки.

Как пчелы в улей,
на базар
Спешил с утра и мал и стар.

Пришел сюда и Ломоносов.
Его привел и хлад и глад.
На лакомства глядел он косо,
Спешил пройти «обжорный» ряд.
«Живот, живот, тебя бесстыжей
Еще не видел белый свет!
Чем власть твоя, нет власти
ниже,
И все же выше власти нет.
Ты засылаешь на дорогу
С ножом наточенным убийц,
Ты заставляешь верить в бога
И падать перед сильным ниц.
Скажи, кому такой ты нужен!
Сосет под ложечкой червяк!..»
Михайло стягивал потуже
На животе своем кушак.

Родные Холмогоры вспомнил,
Со ставнями резными дом,
Церко́вку с белой колокольней
И тучи с моря над селом.
Сейчас там топят жарко печи,
И мачеха уху вари́т,
Отец, всегда скупой на речи,
Угрюмо что-то мастерит...
И умывается примерно
С мурлыканьем довольный кот.
Отец следит за ним, наверно,
Чтоб знать, откуда гость придет.
Живи себе, забот не зная,
А лососины сколько там!
К тому ж (ухмылка озорная
Скользнула по его губам),
К тому ж красивая невеста,
А стать!.. Аж дрожь, какая стать!
Так нет же, в Холмогорах тесно,
Пришел в Москву поголодать.
Отвел его от мыслей кто-то:
— Эй, ты, послушай, здоровяк!
Погреться хочешь! Есть работа.
Получишь за нее медяк.

...Михайло снял полукафтанье,
На руки плюнул раз, другой,
Занес под общее вниманье
Легко топор над головой.
Михайло крякнет — и полено
Вразлет! И снова ловкий взмах!
Береза белая, как пена,
И от нее рябит в глазах.

Рубаху выжимай на нем,
А он играет топором.
«К чертям медяк. Тут
вдохновенье!»
Навалом высятся поленья...
Хвалили: — Молодчина, брат!
Березу брали нарасхват:
Уж больно колото красиво.
Хозяин торговал счастливый.
Михайло выпрямился. Взмок.
Купил он пожирней пирог,
Съел и запил зеленой брагой —
Так вот они, земные бла́га!
Учитель Постников Тарасий
К нему с упреком подошел:
— Надень-ка шапку, жарко
разве!
Простудишься! Нехорошо!
Михайло встал пред ним.
Ответил:
— Для мира не большой урон!
— Опять за разговоры эти...
Вновь чем-то друг мой удручен!
Ну да, понятно, трудновато!
И не опустишь все же рук!
Пришел на землю ты солдатом,
А это нелегко, мой друг.
...Вот с топором неосторожен:
По взмахам догадаться можно,
Что никакой не дворянин,
А мужика простого сын...
Михайло вспомнил, как
пришел он
В Москву, надежд великих
полон,
И вдруг: «Не дворянин ты! Нет!
Тебе наук не нужен свет».
И он, ни разу не солгавший,
Сказал им: «Дворянин я,
как же!»
И порешил монах-старик:
По знаньям видно, не мужик.
— Ведь я и вам солгал,
учитель...
Конечно, врать нельзя,
простите!
— Коль для России,— свя́та
ложь:
Тут не обманешь —
не пройдешь!
Лишь тот помочь народу может,
Кто силы все свои положит,
Кто им рожден, с ним
вместе рос
И тот же крест тяжелый нес.
Счищал Тарасий палкой толстой
С сапог налипнувшую грязь.
— И я в Москву попал
не просто,
Фортуна нелегко далась...
Я шел сюда из дальней дали...
Михайло, слушай старика:
Мы чужеземщине продали
Россию нашу с молотка.
Сидят антихристы на шее,
Им все, а русским ни шиша!
Видать, от матушки Расеи
Всегда в чужих руках вожжа.
У поселян глаза не зрячи,
Зарылись в землю, что кроты.
Лишь побранятся, лишь
поплачут..
Кто им поможет, как не ты!!

...Стояли сиротливо клены,
Остаток листьев растеряв.
Тарасий шел разгоряченный,
Михайлу дергал за рукав.
Не соглашался Ломоносов:
— Сие — дела петровых рук.
Когда б не чужеземцы, россам
Не знать бы мудрости наук.
— Согласен, есть из них такие —
Пришли помочь от всей души.
Но многие живут в России,
Чтоб легче делать барыши.

Уже заметно вечерело.
Тарасий спохватился вдруг:
— А как с ночлегом, плохо
дело!
Пойдем ко мне, Михайло, друг!

ПРОСЕЛОЧНЫМИ ДОРОГАМИ

Прошел Михайло Ломоносов
Пешком из Киева в Москву[2],
И все, что видеть довелося,
Вставало, словно наяву.
Уже который день виденья
Роились живо перед ним:
Секут крестьян в глухих
селеньях,
Ломают руки молодым.
Пыль поднимая по дорогам,
В Сибирь колодников ведут,
Что, лихом поминая бога,
На память горсть земли берут.

Вот он, мужик в рубахе рваной,
В ногах как будто бы свинец.
Он, в смерти с голоду у пана
Чуть не нашедши свой конец,
Пошел по свету бородатый,
Сирот-детишек взял с собой:
«А может, есть богаче хаты
В белесой дымке за рекой!»
Но так судьба, видать, хотела:
Он пойман и лежит в пыли,
Берется сотский сам за дело,
Велит, чтоб насмерть засекли...
Другим, мол, неповадно будет
Бежать из сел бог весть куда.
И ахают, шатнувшись, люди
Под посвист гибкого прута.
Иссечено большое тело,
Лежит под каменной стеной,
Да слышны крики то и дело:
— Ой, тятька, тятенька родной!
И на детишек глянет, глянет
Отец:
— Не плачьте, я-то жив...
Их держат строгие крестьяне,
На плечи руки положив.

От этих не уйдешь видений,
Когда ты русским родился!
Всех непокорных на колени!
Иссечена Россия вся,
Расставлены повсюду уши.
И слова против не скажи:
Язык укоротят, подслушав,
Не зря за поясом ножи.
Чуть что, тебя на дыбу
вздернут
Иль ноздри,
осердясь,
порвут,
Чтоб стал ты наконец покорным,
На божий положился суд.

Дворяне с деспотом
курляндским
Сдирали шкуру с россиян...

А во дворцах, как будто
в сказке,
Шумел веселья ураган...
Вельможные кружились пары,
Духов и пота аромат.
Гаво́т из окон лился старый,

В Европе взятый напрокат.
Здесь песни русские не впору:
Они — мужицкий тяжкий стон,
Они — протяжный вздох,
в котором
Угроза сдунуть царский трон.

И слитками червонной крови
Вывозят золото дельцы.
Лишь у крестьян суровей брови,
Лишь ненавистнее дворцы!

Куда уйти от сих видений!
В ночах преследуют они,
И окровавленные тени,
Как траур, затемнили дни.

О Родина, да почему же
Повсюду слышен тяжкий стон!

[1] Калькулюс — бумажный свиток, вешался на шею ученикам, которые делали ошибку по латыни.

[2] Ломоносов некоторое время учился в Киевской академии.

Тебе ответ сегодня нужен!
Уже годами зреет он.
Ты простодушна, ты богата,
К тебе идут со всех концов.
Блюдя законы дружбы свято,
Всех принимаешь ты без слов:
Берите серп и тяжкий молот,
Хлеба косите, куйте сталь,
Взрастите сад, постройте город,
Живите! Места ведь не жаль!
И мало ль желтокожих,
черных —
Твои сегодня сыновья!
Они стоят у самых горнов,
Где сила множится твоя.
Но есть иные иноземцы:
Хотя о родине кричат,
У них в груди стучит
не сердце —
Костяшки счетные стучат.
Зачем им знать, как деды наши,
Отцы
работали в поту,
Ночами не сходили с пашен,
Дабы земля была в цвету!
А те дорвались, рады очень:
«Какие пышные корма!»
И вот ломают, губят, топчут,
Суют за пазуху, в карман...

ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

Судьба, как горная дорога,—
То вверх, то вниз бежит она.
Помор с Москвой простился
строго,
И вот Кремлевская стена
Осталась за спиною где-то...
Бескрайний тянется пейзаж.
Поля в январский пух одеты...
На них посмотришь — все
отдашь,
Чтоб никогда не расставаться
С дыханьем ветровым земли,
По-русски плакать и влюбляться,
Куда б года́ ни занесли.

Михайло в Петербурге чинном,
Он в Академии наук,
Коротким днем и ночью
длинной
В трудах не покладая рук.
Все, что открыто, знаменито
С рожденья мира,
изучи:
От будущих времен сокрытых
В прошедших днях лежат ключи.

И все Михайле мало, мало —
Так воду жаждущие пьют.
Казалось, знаний не хватало,
Пробел, глядишь, то там, то тут.
И в край загадочный и дальний
Плывет Михайло кораблем.
Веселой чайки взмах
прощальный,
И к горлу подступивший ком...

Трава, цветы... Всё как в России!
И солнце плещется в ручьях,
И эти косы молодые
Златою цепью на плечах, —
Всё как в России,
и не схоже...
Елизабет! Всегда, всегда
Тоской по дому я встревожен,
Ее не выветрят года́.
Как будто сердце схоронили
Мое в земле далекой той...
И я лечу туда без крыльев,
Лечу сыновнею мечтой.
Меня здесь нет. Я там, в Хоти́не,
Где бьются русские войска...
Победа трудная близка,
Рожденная в крови и в дыме.
«Крепит отечества любовь
Сынов Российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку.
. . . .
Шумит с ручьями бор и дол:
Победа, Росская победа!
Но враг, что от меча ушел,
Боится собственного следа» [1].

[1] Из оды Ломоносова.

— Ну как, скажи, Елизабет,
Написанная мною ода:
А в девичьих глазах в ответ
Горит лишь ясная погода;
Да руки сильные его
Лишь гладит девушка да гладит.
Ей непонятно ничего —
И все поймет Михайлы ради.
А может, в том вся красота,
А может, в том и высота:
Глядеть, глядеть в глаза
любимой,
И пусть идут заботы мимо!
— Родная девочка, — и ввысь
Ее подбросил Ломоносов. —
Вот зацелую, берегись,
Моя невеста златокоса...

Но сумрак налетел опять,
Легло за тучу солнце будто.
Кого-то начал он ругать
По-русски солоно и круто:
— Доколе будет в мире так!
В саксонских рудниках богатых,
Спустившись в подземельный
мрак,
Трут малолетние ребята
Вручную твердую руду
И старятся до срока,
в двадцать...
Не сделать терку — ерунду,
Детишкам чтоб не надрываться!
Нет часу рыцарям наук,
Они охотятся за ведьмой,
Под дробный барабанный стук
Потом сожгут ее немедля...
Про ведьму пишутся тома,
Про то, как стать умеет
кошкой,
Как может проникать в дома,
Влетая мухою в окошко...
Какое нищенство ума!
И что ни шаг, то мракобесы,
Царит повсюду глушь и тьма,
Идешь как будто диким лесом.
И рядом, здесь, не где-нибудь,
Живет сияющий, искристый,
Способный мир перевернуть
Своею песнею лучистой
Почти неоцененный Бах,
Чья музыка гремит в веках.
...Все это вижу я у вас.
Не лучше и в моей России.

Хотел бы я с закрытых глаз
Сорвать повязки вековые.
И слово новое пускай
Через моря летит синицей,
Избави бог, чтоб пропуска
Вменили слову на границах!
Ей-ей, тогда нас засмеют,
Того гляди, с другой планеты.
Ужель земной разумный люд
Заслоны будет ставить свету!!
Для вас, потомки всей земли,
Не пощажу сегодня силы,
Хочу, чтоб дальше вы пошли
И тем спасли нас от могилы.

Безмолвно шла Елизабет,
С ромашки лепестки срывала,
Гадая, любит или нет,
А если любит, может, мало!
— Выходит, зря приехал ты,
Михаль Васильич, за границу,
И здесь довольно темноты! —
Она спросила и ресницы
Так удивленно подняла,
Что объяснить ей захотел он,
Мол, здесь в теории тепла
Немалый путь уже проделан...
«Соборы,— молвить думал ей,—
Такие, что пред ними сразу
Становится душа добрей,
Спокойней и светлее разум.
Что говорить, умна Европа,
Здесь поучиться есть чему.
И надо б всем ученым скопом
Развеять вековую тьму».
...Но вместо этого привлек
Ее, что девочкой казалась.
Она, как тонкий стебелек,
В руках широких затерялась.
— Нет, нет, не зря приехал я,
Такую отыщи, попробуй,
Дитя мое, жена моя,
Помощница моя до гроба!..

ЯЗЫК ВРАГОВ

«Меня объял чужой народ,
В пучине я погряз глубокой...
Вещает ложь язык врагов,
Уста обильны суетою,
Десница их полна враждою,
Скрывают в сердце лесть и ков...
Избавь меня от хищных рук
И от чужих народов власти:
Их речь полна тщеты, напасти,
Рука их в нас наводит лук»,—
Будил стихами Ломоносов
Холодный город на Неве,
Где приходилось горше россам,
Чем в белокаменной Москве.
Здесь не привыкли, чтоб ученым
Вдруг стал бы русский человек.
Живет мужик непросвещенным
И будет жить из века в век.
Да и зачем ему науки!
С него довольно «Отче наш».
Привыкшие к оглобле руки
Не сдержат тонкий карандаш.
Так рассуждали иностранцы,
Что русский хлеб не ели «зря»:
Учили европейским танцам
Вельможных дам, дворян, царя...
Мы, дескать, вместе с вами
пашем,
В труде не покладая рук,
Но только в поле пашня ваша,
А наша — в области наук.
И ты порой, народ мой, верил,
Себя той верой оскорбя:
В науку царственные двери
Не по уму, не для тебя.
Но и не верить невозможно,
Когда пестрят страницы книг
Давнишней выдумкою ложной,
Что мыслить русский не привык.
Другое дело — бойни, войны...
Там хватит русского ума,
Россия похвалы достойна:
Со всеми справится сама.
Ах, серы волки! Там, где нужно
На поле битвы кровь пролить,
Жизнь положить в руках
с оружьем,
Не прочь и русских похвалить!

И, может быть, в веках впервые
Пришел он и воскликнул: «Нет!»
Иной мне видится Россия,
Над нею близится рассвет.
...Народ мой в силах доказать,
«Что может собственных
Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать!»

...«Дождешься у меня,
Шумахер!» [2].
Михайло входит в кабинет.
Как зайцы,
заметались в страхе
Глаза мужчины средних лет.
Он предлагает жестом кресло,
Одетое в зеленый плюш,

[2] Начальник академической канцелярии.

Придвинул вазу сверхлюбезно:
«Отведайте заморских груш!»
Но багровеет Ломоносов,
И это нехороший знак.
— Я к вам по важному вопросу.
Доколе будет длиться так!
Я занят нудной перепиской
Бумаг, чужих ненужных клякс.
— А неужели это низко,
Михал Васильевич, для вас!
Что, выпачкать боитесь руки!
Бумаги те нужны стране!
— Не для того прошел науки,
Чтоб этим заниматься мне,
Сгибать колени раболепно,
Ученую завидев знать.
А что стране моей потребно,
Не вам, а мне, простите, знать!

Географическою картой —
Предельной роскоши пример —
На стенах шкуры леопардов,
Не скрипнет пол в мехах пантер.
Вот переплет:
«Петр Первый начал...»
И дальше:
«Анна совершила».
Шумахер книгу предназначил
Для той, что над страной
царила,
Пока царевич Иоанн
(Какой царевич — мальчуган,
Ему лишь год от ро́ду было)
У мамок набирался силы...
В новинку типографской
краской
Оттиснут твердый переплет.
Надеялся: в палате царской
Его он Анне поднесет.
Поднялся с места Ломоносов:
— Так-с, на коленках, и в чины!
Все подхалимство, все доносы,
В таком вы все наторе́ны!

— Потише, это же крамола,
Правительница — наш кумир!
— Шумахер! Помолчите, полно,
Кто даст вам больше, тот и мил!
Но вы, ей-ей, Шумахер, правы.
Когда бы не характер ваш,
Вам ни почета бы, ни славы,
Не кабинет сей, а шалаш.
Кому не суждено таланта,
Тот едет на таком коньке
И носит царственные банты,
В ученом ходит парике.
— Вы кто такой! Прошу
помягче!
(Как жаль, что в оны времена
Вот для таких сынов горячих,
В ком пламенем душа полна,
Не завели магнитофона!)
Схватить крамолу за язык,
Чтоб впредь он противузаконно
Глаголить,
сатана,
отвык!
Михайло яро дверью хлопнул,
И штукатурка с потолка,
И задрожали, дзинькнув, окна...
«Ну, и помор, ну, и рука!»

Михайло, поостыв немного,
Давай себя бранить да клясть,
Идя Васильевской дорогой:
«Я над собой утратил власть!
Ах, дьявол! И зачем я лезу
С отродьем этим на рожон!»
И по ограде, по железу
С досадой палкой стукнул он
И, пальцы осушив ударом,
Рукою долго шевелил.
Вдали пылал закат пожаром,
На окна свет пурпурный лил.

Недолго продержалась Анна.
Подняв своих гвардейцев в ночь,
На трон взошла в наряде
бранном
Елисавет, Петрова дочь.
И много было упований
На дщерь великого Петра:
Вздохнут всей грудью
россияне,
С плеч русских свалится гора.
Не даст родимая царица
На поруганье свой народ.

На свете ни одна орлица
Орлят врагу не выдает.

Царица под крылом сначала
Пригрела не одних вельмож,—
Всех россиян, кого, бывало,
Не ставил Би́рон даже в грош.
Когда на кафедру Шумахер
Пройдох изысканных тащил,
Она клеймила на бумаге
Их имена крестом чернил.
И как бы ей ни говорили,
Что иноземец — царь наук,
И что его не раз крестили,
И он в труде не сложит рук:
— А русских нету! — отвечала.
— Да... есть, но в знаньях
слабоват.
Осведомлен в науках мало,
А тот ученей во сто крат!
— Нас не оставит россиянин
В невзгодах, горестях,
как встарь,
Коль грамотен, положит знанья
На государственный алтарь.

Не превратится у царицы
Рука в опору мужиков.
Царице важной не годится
Тянуть в вельможи простаков.
И не на много лет хватило
Ее заботливых щедрот,
Как вспомнила, так и забыла
Елисавета про народ.
И по ступенькам вверх дворяне
Шли беспрепятственно одни.
Не зря с Елисаветой к Анне
Той ночью ворвались они.
Из рук хозяина
добычи
Псы вырывали часть свою:
«Когда им не дарить отличий,
Как знать, на царстве устою!»
Почуяла Елисавета,
Что может быть конец плохой.

Совсем не ведая про это,
Крестьянин плелся за сохой...

К пришельцам, не любимым ею,
Не много длился царский гнев.
Он погашён густым елеем.
От ласк смирнеет даже лев.
Ее мудрейшей в этом мире
Они считали на словах,
По ней настраивали лиры
И воспевали всякий шаг.
Решила русская царица:
«Они, как ангелы, милы.
Жестоко можно ошибиться...
Порою мы бываем злы!
Не без того, конечно, много
Плутов и торгашей средь них...
Но Русь — проезжая дорога,
Тут встретишь добрых
и худых!»

Шумахер случая такого,
Конечно, пропустить не мог,
Он поспешил к царице новой
И у ее склонился ног.
Подарок, что готовил Анне,
Вручил теперь Елисавет:

Копаться в нем никто
не станет,
Исторья поглотит секрет.
Лишь надпись он переиначил,
И книга так теперь гласила:
«Петр I начал.
Елисавета совершила...»

ДОРМИДОНТ

При Академии наук
Прилежно исполнял работу
Кривой и высохший, как сук,
Служитель. Вечно он
в заботах...
Никто и слова от него
Вовеки не слыхал, пожалуй,
И не хвалил он никого
И не хулил. Так жил помалу...
И только глазки в глубине,
Из-под бровей седых, дремучих,
Блеснут, как озерца́ на дне
Оврага, если глянуть с кручи...
Но разве кто на них глядел!
Кому какое было дело,
Ел Дормидонт или не ел...
...Лишь только б печь
в морозы пела,
Лишь только б, пальцем
проведя,
Пыль не нащупать на перилах
И после сильного дождя
У зданья ход не наводнило.

Служил за совесть, не за страх.
Копаясь с веником в углах,
Найдет бумажку он, бывало,
Увидит буквы... «Труд
немалый!» —
Расправит бережно в руках:
«Кто, может, бросил
по ошибке!!»
С ней в канцелярию скорей.
И от насмешливой улыбки
Потом неловко много дней.
Но Дормидонт неузнаваем
Для самого себя бывал:
И лед на сердце сразу таял
И все обиды забывал,
Коль с Ломоносовым сидел он,
Богатый мыслью, словом скуп.
Старик не говорил не дело —
Негоже наводить тоску!
— Видал я здесь, Михайло,
всяких.
Как ты, приходит молодой,
Охоч до правды и до драки,
Горяч, хоть заливай водой.
Да что же, мол, в своей России
И места не хватает мне!
Повсюду властвуют чужие,
А я, хозяин, в стороне!
И здесь его поддержат даже,

Кивнут с улыбкой головой,
А меж собой сойдяся, скажут:
«Таких встречать нам
не впервой!»
И нет его. Бойца не стало.
Одним ударом сбили с ног.
Ты мудрым змием будь
и жало
Не обнажай, пока не срок.
Окрепнуть надобно вначале,
Собрать друзей, собрать
в кулак!
Потом за то, что вы молчали,
Ударить так, ударить так!

Михайло слушал и не спорил.
Жал крепко руку, уходя.
Рука узластая, что корень,
Проживший долго без дождя...
И становилось легче как-то.
Помор давал себе зарок
Все делать осторожно,
с тактом.
Но слова выдержать не мог.

Не в том ли гордое величье,
Что ты, как луч от солнца,
прям
И что лукавое двуличье
Вовеки не пристало нам!
Но и беда твоя не в том ли,
Что ты не гнулся никогда,
Что выходил один ты в поле,
Где супротив тебя орда!..

ПРИЗНАНИЕ

Один идет на землю эту,
Чтобы не знать покоя век,
Чтобы, сгорая, вспыхнуть
светом,
Назваться гордо — Человек.
Другие — исстари ведется,—
Хватаясь цепко за него,
Мешая всюду, где придется,
Не значат сами ничего.
Они привязаны, как гири,
К ногам могучего пловца,
Что по широкой водной шири
Плывет,
а морю нет конца.

...Шумахер понимал Теплова,
Хотя разнился их язык,
Со взгляда одного, с полслова,
И с ним делиться всем привык.
И, встретясь, каждый раз,
бывало,
Вздыхали горестно друзья:
— С помором нам хлопот
немало,
Так дальше оставлять нельзя!
Подумайте, какого мненья
Он о себе — простой мужик!..
Видали: объявился гений,
Вчера лишь натянул парик.
Ему ничто авторитеты
Самой Европы... Ну, простак!
Ему б молиться на портреты
Того, кто популярен так.
Пошел бы целовать им руки,
Пред ними голову склонил.
Ягненком робким в храм науки
Великий сам Ньюто́н входил...
Теорию Робе́рта Бойля,
Светила изо всех светил,
Зачатком только — и
не боле —
В своей работе объявил!

В дыму, в чаду лабораторий
Стоит верзила с молотком!
Вчера я жарко с ним
поспорил,
Не будь, сказал я, чудаком,
Коль ты ученый, ты обязан
Работать больше головой,
Не мускулы, а светлый разум
Ты развивал бы...
Боже мой!
Такою бранью он ответил,
Как только могут мужики!
Нам, говорит, работы эти
С Петром прославленным
с руки!

— Послушайте, Теплов,
асессор,
А ну-ка мы научный труд
Адъюнкта так, для интереса,
Да к Эйлеру [1] пошлем на суд!
Уверен, скажет: «Рановато
Помору лезть в профессора»,
А что заметит Эйлер, — свято,
И, кстати, с наших плеч гора.

Всегда какими-то путями
Студенты знают обо всем,
Что за закрытыми дверями
Сказал такой-то о таком,
Какой проштрафился
профессор
Там, в канцелярии, и в чем,
И не лишается ли веса
В сенате сам Теплов еще!

Известно им, что Ломоносов —
Профессор без пяти минут,
Да ставят палки все в колеса,
Все тормозят то там, то тут.

[1] Леонард Эйлер (1707—1783) — великий математик, физик и астроном, член Петербургской и Берлинской академий наук.

Другой бы химия предстала:
Уж он-то знает свой предмет,
Как он, таких на свете мало,
Таких в России больше нет!
И как-то в вестибюле тесном,
Толпою юной окружен,
Так пылко о стекле чудесном
Рассказывал студентам он...
Глаза сияли, весь искри́лся,
Как будто он в своей любви,
От коей много лет томился,
От коей жаркий зной в крови,
Решил сегодня объясниться.
И все внимали горячо.

...Но как преобразились лица,
Когда стихи он им прочел:
«В земное недро ты, Хими́я,
Проникни взора остротой,
И что содержит в нем Россия,
Драги сокровища открой...»
Тут подвернулся и Шумахер,
Толпу студентов оглядел,
Михайле голосочком птахи
Проговорил он, как пропел:
— А вы еще ведь
не профессор,
И нету кафедры у вас...
Михал Васильевич отрезал:
— На ваш надеюсь
смертный час!..
Студенты прыснули некстати,
Шумахер был вконец взбешён.
— У вас есть свой
преподаватель,
А ну-ка, вон отсюда, вон!

С каким злорадством
распечатал
Шумахер Эйлера пакет,
Чье мненье для ученых свято,
Кого почетней в мире нет!
«Сего адъюнкта берегите.
Труд Ломоносова велик,
Да он по знаньям — мой
учитель,
А я всего лишь ученик.
Не токмо хороши — отменны
Сии писания его.
Все объяснимо во Вселенной,
Сверх силы нету ничего.
Достойно мысли он продолжил
Тех, кто ушел, кто не успел.
Он уточнил и подытожил,
В сужденьях дерзок он
и смел...
Жаль, что умершие не могут
Иным живущим закричать:
— Не смейте закрывать дорогу,
Да это ж мы идем опять,
Чтобы свое продолжить дело,
Но мы в обличии ином,
Мы перешли в другое тело,
Живем в таланте молодом».

— Что тут поделаешь, бывает...
Сам Эйлер промахнуться мог,
Его талантом называя...
Но что попишешь:
«Эйлер — бог!»

Михайло повстречал Теплова,
И по тому, каков поклон,
Как было высказано слово
И был каков при этом тон,
Отлично понял Ломоносов:
Идут на лад его дела,
Пускай иные смотрят косо,
Не их, а наша все ж взяла!

Окончание следует.

Письмо из США

Альберт КАН

Чуть ли не каждый американец рвется в наши дни в заграничную поездку. Недели две тому назад один приятель, владелец портняжной мастерской, сообщил мне с явным удовольствием: «Собираюсь оставить на время глажку пиджаков. На лето уезжаю в Европу». С подчеркнутой обстоятельностью изложил он мне маршрут путешествия: Франция, Италия, Швейцария, Швеция... Я пожелал ему доброго пути.

Через несколько дней я позвонил знакомому инженеру-строителю, чтобы посоветоваться насчет ремонта потолка в моей квартире. Он извинился и сказал: «В ближайшие дни зайти не смогу. Работы накопилась целая гора. Только что вернулся с женой из кругосветного путешествия». «Вы обязательно должны повидать Тадж-Махал! — кричал инженер в трубку. — Это поразительная вещь!» Я подумал, что и в самом деле будет святотатством требовать от человека, вернувшегося из такой великолепной одиссеи, чтобы он пришел к тебе осматривать протекающий потолок.

И, наконец, вчера я провожал соседа, уезжавшего на борту «Куин Элизабет». Огромное судно было так набито пассажирами, что кто-то усомнился: удержится ли оно на воде? «Теперь каждый рейс такой,— сказал помощник капитана.— Билеты заказывают за несколько месяцев».

Я завидую нашим туристам. Мне тоже хотелось бы съездить в Европу. Я мечтал, например, побывать на международной встрече журналистов, происходившей в июне в Хельсинки. Увы, это оказалось для меня невозможным. У меня нет заграничного паспорта. Его отобрал у меня государственный департамент. Меня просто известили официальным письмом, что мои поездки за границу «противоречат добрым интересам Соединенных Штатов». Из этого торжественного заявления надлежало, видимо, сделать вывод, что моя персона представляет некую опасность для нации. Тогда я высказал властям следующее соображение: если дело со мной обстоит столь серьезно, то было бы в собственных интересах госдепартамента, чтобы я очутился, хотя бы на время, за пределами американской территории. Но эта аргументация не произвела ни малейшего впечатления.

Для полной объективности я должен сказать, что однажды госдепартамент сделал шаг мне навстречу. Произошло это во время моего посещения начальника паспортного отдела. Это была приятная на вид седовласая женщина. Рассказав мне в начале разговора о своем пристрастии к произведениям Андре Жида, она заметила затем в тоне мягкого упрека:

— Знаете, мистер Кан, все, что вы пишете, представляется нам крайне неконструктивным. Вот если бы вы стали писать немного по-другому...

Я спросил ее, что, собственно, она имеет в виду под словами «по-другому».

— Ну как-нибудь так, чтобы это выглядело более одобрительным в отношении внешней политики нашего правительства...

Я объяснил этой милой даме, что как ни прискорбно, но нынешняя внешняя политика Соединенных Штатов как-то не приходится мне по вкусу.

— Хорошо, — промолвила моя собеседница в том же мягком тоне. — Тогда почему бы вам не писать, скажем, романы о любви, мистер Кан?

Я сказал ей, что если бы даже у меня и был талант романиста, меня все равно не потянуло бы заниматься этим в настоящее время. Она с сожалением пожала плечами:

— В таком случае, мистер Кан...

Так мы и расстались: она, не обратив меня в веру НАТО, а я — без моего паспорта...

У писателя при таких обстоятельствах есть, правда, и некоторые преимущества. Если он не может путешествовать сам, — путешествуют его писания. Лично мне выезд за границу запрещен, но переводы моих книг и статей на другие языки дают мне возможность разговаривать с читателями через океан.

Для печатного слова требуется сейчас в Америке нечто вроде «удостоверения о благонадежности». Более того, это слово с самого своего рождения должно иметь как бы свидетельство о том, что оно произошло от законного брака между раболепством и «стопроцентным американизмом». Если же в нем есть хоть малейший признак свободного суждения, если оно критикует современное положение в экономике или, скажем, зовет к дружественным отношениям с Советским Союзом,— оно лишается права на свободное передвижение. Получается даже некоторый парадокс: прогрессивные американские писатели имеют часто более широкую аудиторию в зарубежных странах, чем у себя на родине...

Я вовсе не хочу сказать, что мое правительство издает какие-либо специальные законы, запрещающие печатание и распространение «неконструктивной» литературы. Считается, что подобное законодательство было бы излишним — вполне достаточно той атмосферы истерии и страха, которая создана в стране.

Некоторое время тому назад один предприимчивый сотрудник газеты в Мэдисоне, штат Висконсин, проделал любопытный эксперимент. Он стал собирать подписи под петицией, составленной из отрывков Декларации независимости. Это было 4 июля, в день праздника Независимости, и он предлагал подписать эту петицию жителям города, гулявшим в парке. В петицию были включены, разумеется, и известные поправки к Конституции США, гарантирующие свободу слова, собраний, вероисповедания, равенство всех людей, независимо от цвета кожи. Из 112 человек, к которым обратился журналист, только один согласился поставить свою подпись. Почти все говорили открыто, что опасаются, как бы им не попало за такое дело. Некоторые обозвали репортера «коммунистом». Один сказал: «Убирайтесь к дьяволу с этим красным мусором!» Другой заявил: «Это, наверно, русская листовка, нечего тебе толковать, что это наша, американская Декларация независимости!»

По всей Америке идет никем не объявленный крестовый поход против так называемой «подрывной» и «неамериканской» литературы. С полок некоторых школ в Лос-Анжелосе убраны, например, книги Марка Твена, Бернарда Шоу, Дж. Холдэйна, Бертрана Рассела. В списке неразрешенных книг, составленном нью-йоркским школьным управлением, вы найдете «Гражданин Том Пэйн» Говарда Фаста, «Фокус» Артура Миллера, классическое творение Твена «Янки при дворе короля Артура». Дошло до того, что вредным для юношества признан «Робин Гуд» — как книга, проповедующая... «социалистическую доктрину», поскольку в ней бедняки выглядят приятнее, чем богатые.

Хочется привести несколько слов из статьи Энджюса Камерона, который вынужден был за свои прогрессивные воззрения покинуть пост главного редактора известного издательства «Литтл, Браун и К°». Он писал: «Книги, в которых отстаивается идея перемен, развития или реформ, рассматриваются как сорняк, который надо вырывать с корнем... Тысячами способов давления и устрашения издатель и автор загоняются в так называемую «лояльность»...

Иногда, правда, отдавая дань ушедшей в прошлое либеральной традиции, тот или другой крупный издательский концерн выпустит книгу вроде «Большого расследования» Телфорда Тойлора или «Правительства расследований» Аллана Барта, критикующих политику репрессий, проводимую правительством; но такие случаи редки. Скорее типичны для литературы нынешней Америки такие произведения, как весьма умеренная книга «Склероз здравого смысла» или «Поиски Брайди Мэрфи» — история некоей американки, пришедшей к выводу, что она «возродилась» в наше время из души ирландской женщины, жившей в XVIII веке...

Найти издателя для более или менее прогрессивной книги — дело почти безнадежное. Многим авторам приходится попросту бросать свое дело. Другие пытаются издавать свои книги на собственные средства. Разумеется, тут не обходится без фактического бойкота книги магазинами, киосками, без замалчивания ее в книжных обзорах газет и журналов.

В 1953 году я и Энджюс Камерон создали издательство «Камерон и Кан». Мы попытались обеспечить распространение наших изданий через профсоюзы. Некоторые из напечатанных нами книг («Нерассказанная история» Ричарда Бойера и Герберта Морей, моя книга «Игра со смертью») встретили исключительно радушный прием в среде рабочего движения. Это позволило нам выпустить еще две книги, которые произвели заметное впечатление на читающую публику: «Суд над Юлиусом и Этель Розенберг» Джона Уиксла и «Лжесвидетель» Харвея Матусоу. Но, увы, прогрессивные профсоюзы, протянувшие нам руку помощи, за последние годы под давлением реакции претерпели значительную убыль в числе своих членов. Теперь приходится действовать по методу, о котором однажды упомянул Говард Фаст: «Каждый экземпляр моей книги, продаваемый в обычном коммерческом книжном магазине, обходится мне самому вдвое дороже, чем цена, выставленная на обложке».

Надо сказать, что и у консервативных издательств немало своих забот. Недавно в журнале «Лайф» появилась передовая под заголовком: «Требуется американский роман». В статье выражается не совсем искреннее «удивление» по поводу того факта, что «после десятилетия невиданного процветания» нынешняя американская художественная литература выглядит «более мрачной и унылой и менее утверждающей, чем это соответствовало бы самому преуспевающему государству в истории». «Лайф» жалуется далее, что «некоторые писатели чувствуют себя окруженными темными, враждебными силами, им мерещится какой-то заговор контроля над их мыслями...» О том, что такой заговор существует на деле и что издатели «Лайфа» являются его активными участниками, передовая статья, разумеется, предпочитает не распространяться.

Известный американский литературный критик Джон Олдридж в своей книге «В поисках еретической литературы в век лояльности» осуждает «благообразно-умеренный колорит нынешней американской изящной литературы» и «почти богомольное стремление к ортодоксальности». Но Джон Олдридж сам достаточно законопослушен, чтобы не сказать ни слова о непрерывном нажиме идеологов «холодной войны» на американских писателей.

Всякому ясно, что перемена в общественном климате Соединенных Штатов пошла бы на пользу всем. Есть немало признаков того, что в обстановке смягчения международной напряженности эта перемена начинает пробивать себе путь и у нас. Излишне говорить, что долг каждого американца, которому дорога культура его родины,— делать все, чтобы эта перемена наступила как можно скорее.

Июль, 1956.

К СПАРТАКИАДЕ ГОТОВЫ!

На этих снимках вы видите ход республиканских спартакиад. Лучшие спортсмены выступали на столичных стадионах Ашхабада, Алма-Аты, Сталинабада, Баку, Тбилиси, Еревана, Фрунзе, Минска, Киева, Риги, Таллина, Вильнюса, Ташкента, Кишинева, Москвы и Ленинграда. Лучшие из лучших, показавшие самые высокие результаты, вошли в сборные команды своих республик и городов. Теперь им предстоит решающая борьба на Спартакиаде народов СССР.

ТБИЛИСИ. 2 500 спортсменов Грузии собрала республиканская спартакиада. Знамя поднимает заслуженный мастер спорта О. Коркия.

АЛМА-АТА. Соревнование по боксу.

Фото Г. Мочейкиса и Ф. Шевцова, Б. Мазура, М. Минковича, Г. Вахтангадзе, А. Экекяна, И. Будневича (ТАСС).

МИНСК. Открытие спартакиады Белорусской ССР.

ТАШКЕНТ. 1 700 лучших спортсменов Узбекистана и Кара-Калпакской АССР участвовали в спартакиаде республики. На снимке: встреча по водному поло между командами Андижанской и Ферганской областей.

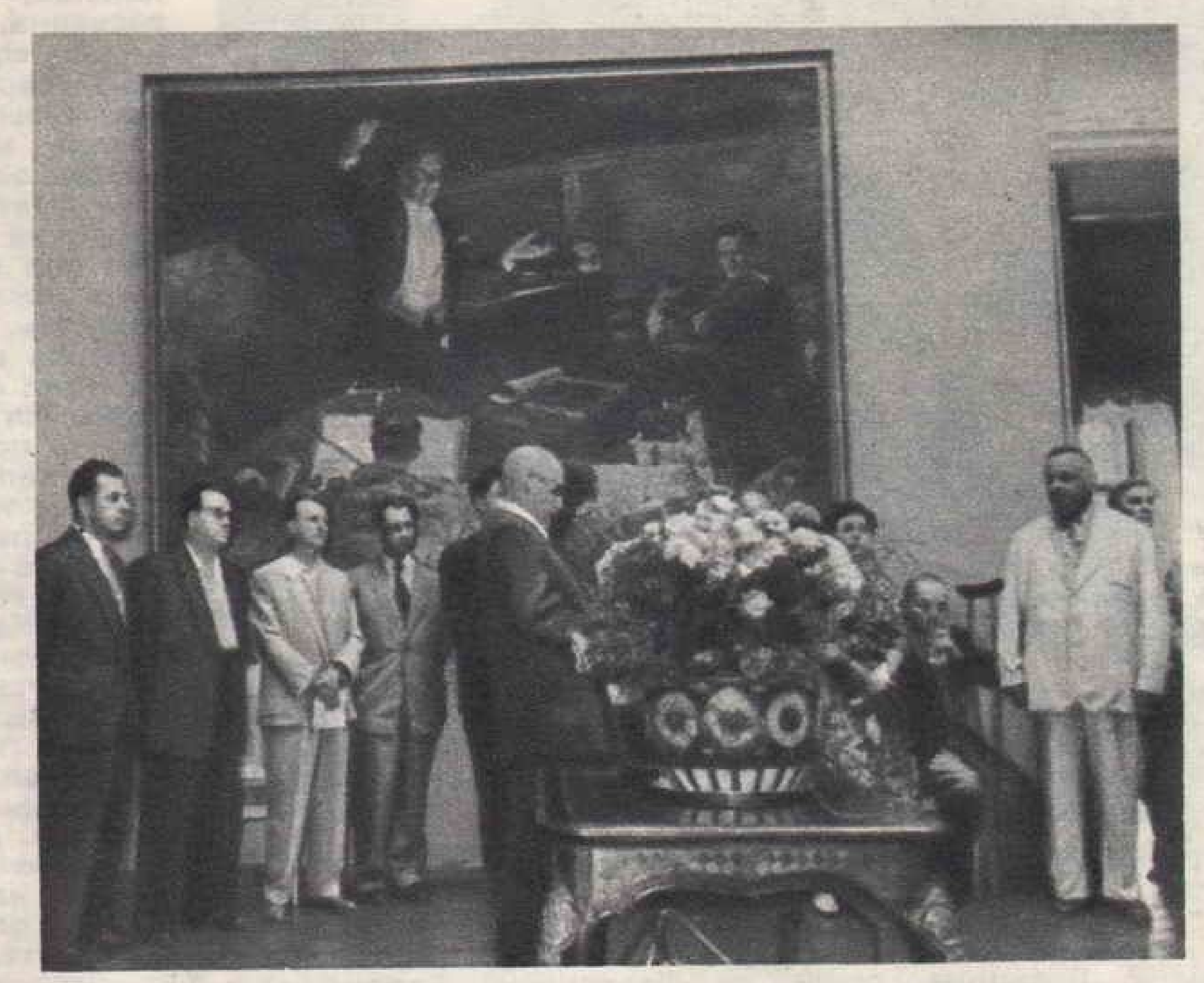

ЕРЕВАН. Встреча первой и второй сборных команд по баскетболу.

БАКУ. Юные физкультурники Азербайджанского Центрального дома пионеров исполняют народный танец на открытии республиканской спартакиады.

Радость творчества

На открытии выставки произведений П. П. Кончаловского. Фото Галины Санько.

В Москве в залах Академии художеств СССР открылась персональная, шестнадцатая по счету выставка П. П. Кончаловского. Она оказалась посмертной, но молодость искусства Кончаловского, сила его оптимизма такова, что просто физически ощущаешь «ток жизни», переполняющий полотна художника. Недаром на выставке не видно хмурых, озабоченных лиц — разве можно хмуриться, глядя на «Лаврушку с самокатом», на «Яблоки и сторожа», на симпатичных зайцев с огромного натюрморта? И опять «натюрморт» — совсем не то слово. Разве можно назвать «мертвой натурой» эти сочные фрукты, цветы и сирень? Сирень Кончаловский писал без конца, никогда не уставая находить в ней все новые и новые красоты!

За шестьдесят лет творческой деятельности Петр Петрович Кончаловский создал огромное количество произведений самых разнообразных жанров. Значительны достижения Кончаловского-портретиста. Лучшие его работы в этом жанре отмечены особой внутренней чистотой, духовной свежестью.

Кончаловский работал и над большими сюжетными композициями («Возвращение с ярмарки», «С покоса» и многие другие полотна), писал монументальные пейзажи и театральные декорации. Прекрасно чувствовал Кончаловский характер русской природы, строгость и эпическое спокойствие старинной нашей архитектуры, ее особый ритм.

Выставка в Академии художеств — наиболее полная из всех персональных выставок Кончаловского. И, уходя отсюда, уносишь в себе чувство благодарности к мастеру, так много и плодотворно потрудившемуся, так убедительно раскрывшему красоту окружающего нас мира: людей, цветов, величественной и прекрасной русской природы.

А. ГАСТЕВ

Первый олимпийский

В Москве состоялся футбольный отборочный матч олимпийского турнира. Встретились сборные команды СССР и государства Израиль. Соревнование прошло при преимуществе советских футболистов и закончилось их победой со счетом 5 : 0.

В нашей стране это был первый олимпийский матч. Интересно вспомнить, что впервые в олимпийском турнире сборная команда России выступила в 1912 году в Стокгольме.

31 июля в Тель-Авиве состоится второй матч с командой государства Израиль. Это будет последнее отборочное соревнование, которое должно определить шестнадцатого участника олимпийского турнира в Мельбурне.

На снимке: момент игры у израильских ворот. Вратарь Я. Ход снял мяч с головы С. Сальникова.

Фото А. Бочинина.

Снова в семье Гаврилиных

Воспитанники Гаврилиных. Снимок из «Огонька» № 5 за 1946 год.

«Люди с большим сердцем». Так назывался очерк, напечатанный в 1946 году в № 5 «Огонька». В очерке рассказывалось о московском бухгалтере Алексее Александровиче Гаврилине, его жене Ольге Федосьевне и ее сестрах Вере Федосьевне Нехворошко и Анастасии Федосьевне Михайловой. Эта семья, не имевшая своих детей, щедро отдавала сердечное тепло, заботу и ласку многочисленным воспитанникам.

Сначала появился Женя— мальчика-сироту Ольга Федосьевна взяла в 1937 году из детской комнаты домоуправления. В 1942 году, когда война разметала многие семьи, Гаврилины нашли на вокзале Толю Анисимова, а затем взяли из детдома трехлетнюю Лидочку. Тогда же обрела дочку Наташу и Анастасия Федосьевна, а вскоре Вера Федосьевна забрала к себе в дом оставшуюся без призора Олю. Детей погибшего майора Кашкова — Ингу и Колю — приняли без долгих раздумий: где пять, там и семь!

Детей не просто любили и растили, но и развивали их способности: учили петь, рисовать, играть на фортепиано.

...И вот мы снова в Товарищеском переулке, где живут Гаврилины. Подымаемся по полуосвещенной лестнице и разглядываем дверную табличку с длинным столбиком фамилий. Гаврилиным — шесть раз... Сколько же у них соседей?

Пожилая женщина с добрым, усталым лицом — Ольга Федосьевна Гаврилина,— открывая дверь, смущенно предупреждает:

— Вы уж извините, у нас не очень уютно.

Мы пожимаем крепкие ладони, глядим в улыбающиеся ясные лица и мысленно отмечаем: это Толя, это, конечно, Олечка, Лида, Наташа... А вот этого мальчика, кажется, не было на той фотографии. И этой тоненькой девушки тоже. Беглый взгляд вокруг — и становится понятно, почему у Гаврилиных «неуютно». У них просто тесно: столы, стулья, кровати, пианино, виолончель... На шкафах горкой лежат книги. В комнате много народу. В довершение вспоминаем табличку на двери.

— Сколько же еще семей в вашей квартире, Ольга Федосьевна?

— Шесть. Восемнадцать человек,— говорит она.— Да вы присядьте.

Мы, взрослые, садимся. Ребята — все здоровые, аккуратно одетые, подтянутые — стоят рядом, глазами улыбаясь друг другу. Перед нами развертываются их судьбы.

Женя теперь живет самостоятельно. «Озорник» Толя Анисимов окончил семь классов, отслужил в армии, женился (незнакомая девушка — это Зина, его жена, в семье ее полюбили, как дочь), поступил на работу в Министерство речного флота и успешно учится на 1-м курсе Московского художественно-промышленного училища имени М. И. Калинина. На стене висит инкрустированный по дереву «Бой с барсом» — его работа. Лида по-прежнему любит музыку. Позади музыкальная школа, и как раз сегодня сданы два экзамена за первый курс музыкального училища.

— У нас и Оля — музыкантша,— говорит Вера Федосьевна. Лукавое олино лицо с восточным разрезом глаз застенчиво розовеет.— По музыке она перешла в пятый класс, а в общей школе заканчивает восьмой.

— А это Коля Лебедев. На карточке у вас Коля Кашков. Так они с сестрой Ингой теперь живут у матери — она нашлась. А этого Колю мы как раз в сорок шестом взяли. Жил он у одного гражданина. Тот вроде бы усыновил его, а потом вернул в детдом... Теперь Коля уже десятилетку кончил, вместе с Лидой на первом курсе музыкального училища. И Наташа в этом году сдает на аттестат. Жаль, Алексей Александрович не дожил, не увидел сейчас детей...

По лицам пробегает облачко. Мы глядим на всех. Как тесно связаны родители и их «неродные» дети! Какая крепкая, дружеская близость видна во всем!

— У нас все вместе,— говорит Толя.— И деньги в общий котел, и обед мама на всех готовит, и пианино одно. Даже смычок для контрабаса Оле с Лидой на двоих купили. Нам бы еще жилье объединить...

Ольга Федосьевна достает из шкафа пухлую кипу бумаг. Это переписка с многочисленными инстанциями — ответы на просьбу обменять ее площадь и комнаты Веры Федосьевны и Анастасии Федосьевны, находящиеся в других местах, на отдельную квартиру, где поместились бы все: как-никак, общие расходы, общее обслуживание, общие музыкальные инструменты... Ведь и сейчас, ради бытовых удобств, всем приходится жить вместе, в двух комнатах Ольги Федосьевны.

Дело тянется долго... Есть уже распоряжение заместителя председателя Исполкома Московского Совета тов. Макарова подобрать семье отдельную квартиру. Но дальше распоряжения дело пока не пошло. А жить неудобно— Толя не может делать домашних работ по живописи и рисунку: негде пристроить подрамник; фортепиано мешает остальным учить уроки; виолончель «спит» на диване — ее нельзя тревожить, а другого места нет.

Мы обновили в памяти житейский подвиг трех благородных женщин, чтобы напомнить Московскому Совету: эти люди заслуживают сердечного внимания. Почему не пойти навстречу скромному их желанию: объединить под одной крышей большую дружную семью?

М. ГРИНЕВА

Семья Гаврилиных сегодня.

Фото Риммы Лихач.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ШЕСТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

Гослитиздат составил перспективный тематический план выпуска книг в шестой пятилетке. В беседе с корреспондентом «Огонька» директор Гослитиздата А. Котов сообщил:

— План состоит из трех разделов: собрания сочинений, избранные произведения и серийные издания.

В первый раздел входят 122 собрания сочинений русских и иностранных классиков и советских писателей. Издательство имеет в виду пополнить национальный книжный фонд произведениями А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, Н. Чернышевского, Ф. Достоевского, И. Гончарова, Л. Толстого, М. Горького, а также сочинениями писателей, которые давно не издавались: В. Жуковского, А. Писемского, К. Станюковича, И. Бунина...

В план вошли собрания сочинений крупнейших советских писателей: М. Шолохова, Д. Фурманова, А. Толстого, О. Форш, В. Катаева, Л. Леонова, А. Новикова-Прибоя и других.

Будет осуществлено издание многотомных сочинений виднейших писателей мира: Диккенса, Мопассана, Золя, Стендаля, Гарди, Франса, С. Льюиса, Лао Шэ, Скотта, Тагора, Садовяну.

Издательство поставило задачу, чтобы подписчики получали не менее шести томов в год произведений каждого автора.

Читатели получат однотомники и двух — трехтомники избранных произведений, которые сейчас трудно достать даже в библиотеках. К их числу относятся произведения Л. Андреева, А. Бестужева-Марлинского, С. Надсона, Н. Огарева, Ш. Бодлера, братьев Гонкуров, Э. Т. Гофмана, А. Конан Дойла, Ж. Ж. Руссо, О. Генри, Г. Уэллса, С. Цвейга.

План предусматривает также издание сборников прозы и поэтических антологий зарубежных стран.

Большой интерес представляет серия «Библиотека мировой литературы». Подобное издание еще в первые годы существования Советской власти было предпринято А. М. Горьким, но осталось незавершенным. Библиотека Гослитиздата включит крупнейшие произведения мировой литературы всех времен и народов. Среди них — произведения античных писателей, образцы национального эпоса, выдающиеся произведения эпохи Возрождения, образцы древнерусской литературы. Эта серия составит около 700 томов.

Значительно расширяется издание «Библиотеки литературных мемуаров». Серия эта пополнится воспоминаниями писателей — классиков народов СССР, выдающихся советских писателей, а также классиков зарубежных литератур.

В связи с сорокалетием нашего государства издательство намечает выпуск «Библиотеки советской поэзии». Цель серии — на лучших образцах поэтического творчества показать путь, пройденный советской поэзией за 40 лет.

Они слышат вновь

Профессор Д. М. Рутенбург за операцией.

— После того, как мне сделали операцию,— сказала Валентина Георгиевна Б., служащая райисполкома,— я стала слышать гораздо лучше. А сколько пришлось пережить за многие годы! Идешь, бывало, в театр, в кино, смотришь телевизор, а многого не слышишь.

— Я так люблю музыку,— говорит школьница Галя,— и думала, что с ней рассталась навсегда, но сейчас я слышу и очень рада, что буду продолжать учиться играть на рояле.

Хроническое гнойное воспаление среднего уха зачастую ведет к тугоухости и нередко сопровождается глухотой. До сих пор лечение и оперативное вмешательство были направлены главным образом к тому, чтобы предотвратить у больного осложнения внутри черепа, но слух не улучшался.

Как восстановить потерянный слух? Над этим вопросом многие годы работал доктор медицинских наук профессор Д. М. Рутенбург. После длительных изысканий профессор Д. М. Рутенбург применил новый оперативный метод лечения хронических гнойных мезоотитов. Он позволяет наряду с ликвидацией воспалительного процесса в среднем ухе улучшать слух. После операции человек начинает слышать разговорную речь на расстоянии 4—7 метров.

За последние восемь месяцев такие сложные операции были проделаны в городской больнице имени Куйбышева, а затем в клинике Ленинградского педиатрического медицинского института.

В. КУРГАНОВ

В конечном итоге

Варвара **КАРБОВСКАЯ**

Рисунки Ю. **ФЕДОРОВА.**

До сих пор у Анфисы Петровны Седых жизнь шла день за днем честно, тихо, обыкновенно. Она работала хорошо, выполняла норму на 150 процентов, но всегда находился кто-нибудь из ее же бригады, кто выполнял на 200 или даже на 250.

— Это правильно, так и должно быть,— говорила Анфиса Петровна.

У нее никогда не бывало брака в работе; она никогда не ссорилась и не ругалась с начальником цеха, мастером, товарищами. Учила молодых терпеливо и спокойно. Результаты ее учения были видны, а сама она оставалась незаметной. Иногда бывало так, что придет в цех новая работница, и через три дня ее уже знает весь завод: то ли уж очень бойка, то ли приметна белозубой улыбкой и глазами по плошке. И даже кто-нибудь из начальства спросит между прочим:

— Это что у вас, новенькая, что ли?

Анфиса Петровна работала на заводе двадцать пять лет, и о ней никогда никто из начальства не спрашивал. Зато шлифовщицы не представляли себе цех без тети Фисы. С ней можно было посоветоваться по работе и в обеденный перерыв рассказать самое заветное:

— Мы с ним... Он у меня... Я ему...

Анфиса Петровна помогала у станка, и выслушивала сердечные тайны, и смотрела на женщин, которые от любви и радости светились изнутри, как зажженные фонарики. Сама она и замуж вышла много лет тому назад не потому, что Гриша как-то особенно ее полюбил, а потому, что ему посоветовали:

— Женись на Фисе, она тихая, приличная.

И вот настал день, когда она почувствовала себя счастливой, необходимой, заметной и отмеченной всеобщим вниманием. Было это так. Начальник цеха подошел к ней и сказал:

— Тетя Фиса, пляши!— И при этом у него был такой вид, что если бы Анфиса Петровна согласилась плясать, он тоже непременно лихо притопнул бы. Вот тут, прямо в цехе, нарочно перед самыми молоденькими пересмешницами.

— А я и сроду-то не плясала,— ответила Анфиса Петровна и вопросительно поглядела: какая такая радость у него за душой?

— Начальство решило справить твой двадцатипятилетний юбилей!

— Ой...

— Вот то-то. Ты, конечно, не очень заносись, есть еще пять человек юбиляров, кроме тебя, но на всю-то нашу заводскую трехтысячную армию — ты себе представляешь?— шесть человек перед фронтом, по ним, по шестерым, р-равняйсь! Тут тебе и музыка и цветы! Не исключена возможность, что и подарки.

Начальник цеха искренне радовался, тем более, что сам он собирался говорить о своем бригадире, Анфисе Петровне Седых, в конце года. А тут сама дирекция позаботилась. Еще лучше!

Новость о юбилее в одну минуту облетела цех. Никто не завидовал. Пожилые работницы говорили:

— Значит, и наш праздник недалеко.

А молодые, которым и в голову не приходило, что им когда-нибудь исполнится пятьдесят лет, радовались просто потому, что любили тетю Фису.

Анфисе Петровне, и правда, было впору плясать: таким теплом повеяло на нее от этой новости, от этой заботы! До конца смены и потом дома весь вечер она представляла себе, как все это было... Наверно, директор вызвал к себе председателя завкома и сказал: «Не позабыл, дорогой товарищ? В этом году исполняется двадцать пять лет, как наша Анфиса Петровна работает на заводе. Необходимо отметить. В клубе, перед всем коллективом. И чтоб музыка и цветы...» А председателя завкома ответил: «Я уж и то целую неделю ломаю голову, какой бы подарок подарить...»

«Милые вы мои, да никакого мне подарка не надо,— растроганно думала Анфиса Петровна.— За одну такую честь, за доброе ваше внимание я бы еще двадцать пять проработала, кабы силы хватило...»

И она представляла себе, как грянет самодеятельный оркестр, в котором ее старик уже десять лет играет на балалайке, как ее вызовут к столу президиума... Да! А в чем ей выйти? В шерстяном синем или в кофточке с юбкой? А может быть, для такого торжества купить бордовое платье, как у Стеши? Ну вот, выйдет она на сцену, даже, предположим, в бордовом платье, а что она скажет людям?.. И каждый раз, как она об этом думала, она чувствовала себя, как спеленатая: не двинуть ни рукой, ни ногой.

— Скажу «спасибо»! Других-то слов от волненья и не подберешь,— советовалась она со своим Гришей. А тот, сдвинув очки на лоб, говорил:

— Нет, надо подобрать чего-нибудь поинтереснее.

Она думала, что бы такое поинтереснее, и снова представляла себе все с самого начала, как директор вызвал председателя завкома и сказал...

В то утро директор действительно вызвал к себе председателя завкома и сказал:

— Руководитель должен знать своих людей. И не формально, по фамилии и в лицо, дескать: Иванов — молодой блондин, а Петров — рябоватый с усами. Нет, этого на сегодняшний день мало! Надо глубоко проникать в сущность, знать, чем дышит масса! А ты знаешь? Нет, не знаешь!

Директор пронзительно поглядел в глаза предзавкома и добавил:

— Так-то, друг-сундук.

Он имел обыкновение после строгого разговора добавлять, чтобы смягчить строгость: друг-сундук, друг ситный, горе луковое, счастье морковное, мерси — поди курам замеси или еще что-нибудь в этом роде. Повидимому, он брал пример с кого-то, кто был выше его по должности и у кого это получалось добродушно, просто и забавно. Лично у него забавно не получалось. Поэтому предзавкома улыбнулся формальной улыбкой и сказал:

— Я знаю людей постольку-поскольку. Конечно, одному всю массу не охватить, но во всяком случае...

Такая фраза ни к чему не обязывала, но она все-таки заполняла паузу.

— Люди должны чувствовать на себе повседневное внимание,— продолжал директор, листая блокнот.— И не казенное, не бюрократическое, лишь бы выполнить указание о проявлении внимания, а...— он остановился, пробежал глазами какую-то запись и сказал:— А че-ло-ве-ческое! Понятно, друг ситный?

— Безусловно, понятно,— подтвердил предзавкома.— Тем более, что в этом направлении имеются соответствующие указания о проявлении внимания.

Выходя из кабинета директора, он мысленно сформулировал поставленную перед ним задачу:

«Первое — выявить через отдел кадров работающих на заводе в течение двадцати пяти лет. Второе — составить список. Третье — выделить средства на приобретение подарков на сумму, не превышающую...»

Он не успел додумать, как на него налетела заведующая детским садом, женщина, похожая и голосом и внешним видом на крупного пожилого мужчину, в защитного цвета непромокаемом плаще. Она долго и зычно попрекала председателя отсутствием в детском саду пианино и неисправностью канализации.

Кое-как, наобещав с три короба, он отделался от нее и тут увидел на стене котельной афишу. Заводской художник не поскупился на краски, распестрив фамилии артистов одного театра, в который почему-то перестала ходить публика. Выступление артистов в клубе было назначено на завтра. Председателю завкома нужно было обеспечить полный сбор, а также затвердить назубок имя-отчество народного и троих заслуженных. Остальных, рядовых, можно было не запоминать, но и с четырьмя возни не оберешься, поскольку некоторые фамилии были трудные, а одно отчество вроде Навуходоноссорович... А еще была куча всяких дел с отпусками, путевками и так далее, а тут навалились эти юбиляры...

На бегу он поймал члена завкома Волконскую и попробовал перепоручить ей юбиляров. Волконская смерила его взглядом с головы до ног:

— Смешно. Это по быту, а я по культуре. Я к быту никакого отношения не имею.

Тогда он вызвал к себе члена завкома Запятульского.

— Я же по быту, а это по производству — разница! — воскликнул Запятульский, но, махнув рукой, согласился:— Пейте мою кровь, не первый раз, я уже привык.

Он-то и позвонил в шлифовальный цех и срочно потребовал сведения о лицах, проработавших двадцать пять лет на заводе: фамилия, должность, процент выполнения плана. И он даже веско произнес:

— Мы решили широко отметить юбилей!

И вот именно после этого звонка донельзя обрадованный за трудолюбивую и скромную тетю Фису начальник цеха и побежал поздравлять ее.

Наступил день, когда в цехах был вывешен приказ за подписью директора:

«В связи с тем, что такие-то и такие-то проработали на заводе 25 лет, отметить их хорошую работу, выразить благодарность и премировать ценными подарками...»

Кому приказывалось выражать благодарность юбилярам, в приказе уточнено не было. В алфавитном порядке бригадир Седых А. П. стояла под шестым номе-

ром. Экземпляры приказа, одни четкие, другие едва разборчивые, были расклеены по всему заводу.

Анфиса Петровна чувствовала себя в этот день центром заводской жизни. Многие приходили к ней, крепко пожимали руку, поздравляли. Кое-кто говорил:

— А мы и не знали, что ты уже двадцать пять лет... Сколько же тебе? Неужели пятьдесят? Скажи на милость, какой молодец!

И все это тоже было очень приятно. Оставалось ждать торжественного вечера. Кроме всего прочего, начальник цеха сообщил Анфисе Петровне под секретом, что член завкома Запятульский звонил и осведомлялся: какой, мол, размер у бригадира Седых? Не иначе, хотят купить шелковую блузку или платье.

— Лучше бы платье, или... ой, что это я! Ничего, ничего мне не надо,— закрывая покрасневшие щеки, говорила Анфиса Петровна.— А размер у меня сорок шестой, не больно велика.

Председатель завкома, который довольно удачно провел вечер с участием артистов из малопосещаемого театра, уже ориентировочно наметил очередное мероприятие по проведению юбилея. Оставалось согласовать с директором. Директор поморщился.

— Ох, горе луковое, сами ничего не можете. Приказ был, отметили, чего еще? Подарки купили?

— Приобрели.

Председатель завкома вздохнул и покрутил головой.

— Намаялись мы с этими подарками. Запятульский покупал. Всем рубашки из натурального шелка с соответствующими галстуками, строго в тон. У Запятульского вкус есть. Но у этого бригадира Седых оказался какой-то из ряда вон выходящий размер — сорок шестой! Таких рубашковых размеров в массовом пошиве и вообще-то не существует. Мы приобрели сорок пятый, ориентировочно.

— Да-а.— Директор тоже покрутил головой и потрогал свой воротник.

— Уж на что у меня шея сорок три сантиметра, и то не всегда подберешь рубашку. А это прямо какая-то воловья шея. Я что-то даже не припомню у нас никого с такой шеей...

— Ну, как же! — бодро сказал председатель завкома, которому не хотелось сознаться, что он тоже не припомнит.— Бригадир Седых, еще такой широкоплечий, здоровяк! Ну, такой, знаете...— Он расправил плечи и выпятил грудь, чтоб показать, какой здоровяк бригадир Седых.

— Ну, знаю, знаю,— отмахнулся директор.— Тоже мне суфлер нашелся, мерси — поди курам замеси. А подарки можно вручить не обязательно в клубе, на такое мероприятие и придет-то два с половиной человека. Можно вручить непосредственно в завкоме.

Шестеро юбиляров из разных цехов были вызваны в заводской комитет.

— Это, наверно, предварительно,— догадывался начальник цеха.— Объявят вам, в какой день будут чествовать. Иди, Анфиса Петровна, но только я тебя очень прошу, не волнуйся, а то ты у меня в эту неделю совсем извелась.

Нет, она вовсе не извелась. Наоборот, она расцвела и как будто помолодела. Она даже видела во сне, как стоит среди цветов на сцене и директор крепко жмет ей руку. И даже целует ее в щеку! Проснувшись, она еще чувствовала рукопожатие и этот поцелуй.

— Гриша, это ты, что ли?

— Чего это я?

— Да вот сейчас... поцеловал меня в щеку?

Гриша потер седую щетину на подбородке, оторопело поглядел на жену и укоризненно покачал головой.

— Совсем спятила баба. Зачем бы это мне тебя целовать?

И все-таки сон казался прекрасным, и она думала: «Не надо никаких подарков. Есть вещи, которые дороже всяких подарков».

...Она вернулась из заводского комитета в цех, неся в руках мужскую шелковую рубашку в блестящем целлофановом конверте. В широченную горловину рубахи была заткнута записка: «Седых А. П. бриг. шлиф. цех. разм. 45».

Анфиса Петровна смущенно сказала:

— Мало ли как бывает. Ошиблись. Да я бы и против рубашки возражать не стала, сгодилась бы моему старику. Только у него шейка-то мушиная, а это ж хомут... Председатель завкома и то извинялся, говорит: Запятульский напутал. Но, говорит, не дорог подарок, а дорога любовь. Так и сказал: «В конечном счете, говорит, дорога любовь».

Однако в этот «конечный счет» и в любовь не поверили ни начальник цеха, ни шлифовщицы, для которых бригадир Седых была родной тетей Фисой, ни все те, кто поздравлял Анфису Петровну от чистого сердца и представлял себе свой собственный юбилей лет через пять или через десять. Не поверили и решили историю с мужской рубашкой сорок пятого размера предать гласности.

И что теперь будет, я не знаю. Наверно, крепко попадет председателю завкома. Директор скажет:

— Что же это ты, горе луковое? Людей надо знать не формально, а это самое... по-человечески!

Лодка у причала во время пробной поездки.

Глеб ГОЛУБЕВ

Кому не известно имя смелого норвежского ученого Тора Хейердала? Вместе с пятью товарищами он проплыл в 1947 году от берегов Южной Америки до островов Полинезии на деревянном плоту. Хейердал рассказал об этом плавании в увлекательной книге «Путешествие на «Кон-Тики».

Но мало кто знает, что, сколь ни удивительно путешествие шестерых смельчаков на плоту через океан, оно не единственное в своем роде. Страницы морской летописи хранят повествования и о других плаваниях, пожалуй, не менее замечательных.

В 1936 году французские ученые Татибуэ и де Бишоп проплыли в лодках от Гавайских островов до островов Самоа.

В 1949—1952 годах французский моряк Жак-Ив Тумеллин совершил кругосветное плавание в десятиметровой лодке, которую построил и снарядил своими руками.

Известно и еще несколько труднейших морских путешествий, совершенных за последние годы. Большинство из них имеет чисто спортивный интерес. Поэтому особенно выделяется подвиг французского врача Алена Бомбара, совершенный во имя науки.

«ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ!»

В один из декабрьских дней 1952 года пароход «Арарака» шел обычным рейсом из Венесуэлы к берегам Европы. Океанская зыбь лениво перекатывала голубые валы, заставляя судно переваливаться с боку на бок.

День выдался солнечный и жаркий; пассажиры, разомлевшие от влажной духоты и мерной, убаюкивающей качки, не знали, чем бы себя занять. Путешествие еще только начиналось, а многим уже порядком надоел пустынный простор океана, не оживляемый ни парусом, ни далеким дымком встречного парохода. Только вода, вода и вода...

Вдруг прозвучал тревожный крик вахтенного матроса:

— Человек за бортом!

Маленький серый клочок паруса сиротливо мелькал вдали. Вот он скрылся за водяными холмами... снова взлетел на гребень волны...

Может быть, рыбаки? Но какой рыбак уходит за шестьсот миль от берега. Нет, это потерпевшие кораблекрушение. Кто же еще может плыть в крошечной лодке под парусом среди океана?

— Он один,— говорит капитан, опуская бинокль.— Видно, натерпелся, бедняга. Приготовьте ему койку, доктор.

Лодка все ближе. Теперь уже видно, что она резиновая, надувная. Только форма ее чем-то отличается от обычных спасательных лодок: она напоминает подкову.

Держась за мачту, в лодке стоит обросший курчавой бородой, загорелый до черноты человек. Он что-то кричит и радостно размахивает шляпой.

И вот лодочка у самого борта. Бородатый человек ловит брошенный ему трос. Десяток дружеских

Доктор Бомбар после своего героического путешествия.

рук помогает потерпевшему крушение подняться на борт. Следом втаскивают и его лодку.

— Осторожнее, друзья,— кричит спасенный, отвечая на рукопожатия.— Там приборы!

— С какого вы судна? — спрашивает капитан.

Бородатый человек смущенно пожимает плечами и улыбается.

— Ни с какого,— отвечает он.— Эта лодка и есть мой корабль. Я доктор Бомбар.

Бомбар... Эта фамилия кажется знакомой капитану. Но откуда? И вдруг он вспоминает крикливые заголовки газет, которые читал месяца полтора назад:

«В лодке через океан!»

«Французский врач собирается пересечь Атлантику в резиновой лодке!»

«Доктор Бомбар отправляется в путь!»

Парус в три метра — это все, что доктор Бомбар мог установить на своей лодке.

НАВЯЗЧИВАЯ ИДЕЯ ДОКТОРА БОМБАРА

Еще за год до этой удивительной встречи в океане никто не писал в газетах о докторе Алене Бомбаре. Имя его было тогда известно только близким друзьям да матросам, которых он лечил. Он работал врачом в морском госпитале французского порта Булонь Сюр-Мер. Моряки болеют редко, и пациентов у молодого врача было мало. Он часами сидел у окна в пустом кабинете и смотрел на море.

Море ласково и безмятежно сверкало в лучах солнца. Но доктор Бомбар знал, что этот покой обманчив. Море не всегда бывает таким. Налетит шторм, и оно закипит, забушует, цепь за цепью пойдут на приступ громадные волны, сокрушая все на своем пути. И тогда полетят над разгневанным морем сигналы бедствий: Sos! Sos! Sos!

Каждый год отнимает океан тысячи человеческих жизней. Он топит корабли, уносит далеко от берега рыбачьи лодки. И недаром во всех странах стоят на морских берегах памятники, кресты или просто гранитные валуны с суровыми эпитафиями: «В память всех, кто погиб и погибнет в море...»

Многих потерпевших кораблекрушение ждет медленная, мучительная смерть. Их долго будет носить океан в утлых спасательных лодках, пока не погибнут они от голода и жажды.

Доктор Бомбар в своем кабинете думает об этих несчастных. Неужели нельзя их спасти?

Ведь океан — не мертвая пустыня. Он полон жизни. Бесчисленные косяки рыб резвятся на его просторах. В каждой капле морской воды есть пища. Это планктон — мельчайшие рачки, водоросли, икринки и мальки рыб. Они так малы, что их можно рассмотреть только под микроскопом. Но они кормят собой всех обитателей океана, среди которых и киты — самые крупные животные на свете.

Море кормит миллионы людей, размышлял Бомбар. А потерпевшие кораблекрушение погибают в нем от голода и жажды. Это же нелепость — погибать от голода в огромной миске с «живым супом» из планктона и мучаться от жажды среди океана. Вся беда в том, что мы еще очень мало знаем о питательных запасах морей.

Доктор Бомбар стал производить опыты, которые подтвердили, что многие рыбы в сыром виде могут служить не только пищей, но и источником воды. Сок, выдавленный из рыб, хорошо утоляет жажду.

Планктон не только богат питательными веществами, но и содержит витамин С. Питаясь им, можно не бояться заболеть цынгой или авитаминозом.

Бомбар испытал все это на самом себе. Он ел сырую рыбу, выдавливал из нее сок и пил его вместо воды, он ел планктон, процеженный сквозь тонкую шелковую сеточку. Конечно, он не испытывал удовольствия от этой пищи. Но ведь речь шла о спасении человеческих жизней.

Постепенно молодой врач вырабатывал правила, которые должны стать инструкцией для потерпевших крушение в море. Всего опаснее муки жажды. Может получиться так, что в первые три дня не удастся поймать ни одной рыбы. Откуда взять тогда воду? А за это время организм уже так истощится, что будет требовать повышенные дозы воды и пищи.

Выход один, решил Бомбар: в эти первые решающие дни придется пить морскую воду.

— Но она же горько-соленая, совершенно непригодная для питья!— возражали многочисленные скептики.— Человек не может пить морскую воду, он заболеет. Это знают даже дети!

Молодой доктор отвечал новыми опытами. Он убедился на собственном примере, что морскую воду можно пить, но только понемногу, крошечными порциями.

Однако скептиков это не убеждало.

— Все это теории, лабораторные опыты,— отмахивались они.— Хорошо рассуждать и строить смелые теории, сидя на берегу. А попробуйте-ка испытать свои методы в море...

— Хорошо,— ответил Бомбар.— Я так и сделаю.

С трудом набрав нужную сумму денег, он построил небольшую резиновую лодку. Длина ее была 4,5 метра, ширина — около двух метров. Круглые борта лодки состояли из нескольких камер, отделенных друг от друга, чтобы в случае прокола воздух не мог выйти из всех сразу. Корма была сделана из досок; с кормы Бомбар собирался закидывать сеть для ловли планктона и рыб, и при неосторожном движении резину в этом месте можно было бы легко протереть, порвать. Дно у лодки было плоским, с неподвижным килем. Тонкая мачта несла маленький косой парус.

Когда лодка была готова, Бомбар начал собираться в путь. Ему не верят, над ним смеются, считая его идеи бредовыми, еретическими. Ну что же, он так и назовет свой крохотный резиновый кораблик — «Еретичка».

ЧЕРЕЗ ОКЕАН

Сначала доктор Бомбар решил пересечь Средиземное море. У него нашелся товарищ — молодой англичанин Джек Пальмер. Они жевали сырую рыбу, пили морскую воду, много шутили — и странное путешествие это казалось поначалу забавной, оригинальной прогулкой.

Но когда «Еретичка» миновала Гибралтарский пролив и взору открылся безбрежный простор Атлантического океана, Пальмер приуныл. Он все оттягивал под разными предлогами отправление из Касабланки и наконец честно сознался, что считает затею безумной.

— Ну что же, я поплыву один,— сказал Бомбар.

Он оттолкнул лодку от берега, ее подхватила волна и понесла в океан на своем пенистом гребне. И скоро выжженный солнцем африканский берег стал чуть заметной серой полоской на горизонте, а потом и вовсе исчез, словно его поглотило море...

Доктор Бомбар остался один в океане. Нещадно пекло солнце, сверкание моря слепило глаза, лодка казалась неподвижной. Дни были похожи друг на друга, как две соседних волны.

Это был научный опыт, и Бомбар вел его по строгому плану. Он поднимался с восходом солнца и прежде всего собирал летучих рыб, которые падали в лодку, ударяясь о парус. Их бывало от пяти до пятнадцати. Две из них Бомбар обычно съедал на завтрак, а остальные пробовал сохранить впрок, изучая, какой способ окажется для этого наилучшим.

Следующий час каждого дня посвящался рыбной ловле. Это было интересным занятием, и время пролетало незаметно. Затем Бомбар тщательно осматривал свою лодку, проверяя, нет ли где потертостей, течи, очищал днище от наросшей зеленой «бороды» из водорослей.

В полдень он определял по солнцу свое географическое положение, а потом записывал наблюдения над погодой и своим самочувствием. Каждый день он измерял у себя температуру, давление крови, проверял состояние кожи и волос, анализировал свое душевное состояние: не слабеет ли память, не появляются ли нервные расстройства.

Вечерами Бомбар читал, переводил, изучал музыкальные партитуры, с которыми не расстался даже теперь. На закате он укладывался спать, накрывшись парусом. Он включал радио и, закинув руки под голову, смотрел в небо. Мигали звезды, лодку мягко покачивало, как колыбель, в черном ящичке радиоприемника, перебивая друг друга, звучали голоса на разных языках, гремела музыка. Мир жил своей жизнью, а он был один среди океана. И, случись какая беда, к нему никто не успеет прийти на помощь...

С конца первого месяца плавания эта мрачная мысль начала все чаще мучить Бомбара. Уже не развлекали его ни мелькающие в прозрачной воде пестрые тропические рыбы, ни сверкающие на горизонте фонтаны китов. Он стал ловить себя на том, что все время с каким-то маниакальным исступлением вновь и вновь подсчитывает, сколько дней ему еще осталось плыть.

23 ноября к вечеру небо на юго-западе закрыли тучи. Приближалась буря. «Я почувствовал панический страх,— записывает Бомбар в своем дневнике.— Я хотел убежать, чтобы очутиться подальше отсюда. Чтобы побороть страх, я достал инструкцию о том, как вести себя во время тайфуна...»

Налетел шквал, по-разбойничьи засвистел ветер, лодка заплясала на вздыбившихся волнах. С черного неба обрушился ливень. Обмотав руку углом паруса, Бомбар, как норовистую лошадь, с трудом сдерживал свою «Еретичку». Она бешено мчалась по белым от пены волнам при сверкающем блеске молний. Но, к счастью, шторм утих так же быстро, как и налетел.

А утром наступил полный штиль. Парус лениво обвис, лодка застыла среди зеркально-спокойного моря. Ожидание было томительным, и Бомбар почувствовал себя плохо. Им овладела апатия, на коже появились язвы, началась дизентерия.

«Я совершенно выдохся,— записывает он 5 декабря.— На горизонте идет дождь, а тут — ни капли... Но все-таки моя идея победила. Пятьдесят дней я уже нахожусь в море. Если даже я приплыву к берегу мертвым, из моих записок можно будет сделать много выводов для науки».

Через четыре дня начал дуть легкий ветерок. А на следующее утро Бомбар увидел вдалеке темную точку. Она все росла, приближалась и превратилась в пароход. Это была «Арарака».

ОПЫТ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Поднявшись на борт судна, Бомбар первым делом спросил:

— Скажите точно, где мы находимся.

— 49°50′ западной долготы...

Бомбар схватился за голову.

— Я просчитался на добрых 600 миль. По моим расчетам, я уже должен быть у берега.

Подумав, он решительно протянул капитану изъеденную морской солью руку:

— Спасибо. До свидания.

— Как до свидания? — опешил капитан.

— Мне надо плыть дальше,— ответил Бомбар так просто, словно речь шла о загородной прогулке.— Ведь опыт не закончен.

Его стали уговаривать:

— Вы выиграли, этого вполне достаточно. Коробка с аварийным запасом продуктов не тронута, вы живы...

Сок рыбы хорошо утоляет жажду...

Бомбар был непреклонен. Тогда ему предложили хоть как следует пообедать, но он отвернулся от богато сервированного стола, который так часто снился ему по ночам среди океана, и только выпил немного сладкой воды и поел горячей каши. Потом он горько пожалел об этом...

Лодку спустили на воду. Бомбар сел в нее и оттолкнулся от стального борта. И вскоре пароход растаял в голубой океанской дымке.

Эта встреча подняла дух молодого врача. Он повеселел, снова взялся за партитуры, с прежним азартом начал ловить рыбу и процеживать планктон на обед, хотя здоровье его стало хуже. Нарушив на корабле свою строгую диету, Бомбар поплатился за это жестокими болями в желудке. У него начали выпадать ногти на пальцах ног.

Но он упрямо плыл, подгоняемый ветром. И на шестьдесят пятый день пути его полуослепшие от солнечного блеска глаза вдруг увидели далеко впереди, на краю неба, кудрявые шапки пальм, словно растущих прямо из воды. Это был остров Барбадос.

И вскоре последняя волна мягко положила лодку на желтый песок и, шипя, убежала обратно, в океан...

Так закончилось это удивительное плавание. Шестьдесят пять дней доктор Бомбар провел один в океане, питаясь лишь сырой рыбой и планктоном, утоляя жажду дождевой и соленой морской водой. Доктор Бомбар ослабел, потерял 23 килограмма веса, но он был жив. Его смелый научный опыт удался.

Собака - бурлак

Недавно жители таежного поселка Вершина в Гаринском районе, Свердловской области, были свидетелями того, как по реке против течения без гребца двигалась лодка. Приглядевшись, они увидели, что лодку тащит на веревке бегущая по берегу лайка. Жители поселка помогли выгрузиться из лодки тяжело больному свердловскому охотоведу Б. Ф. Корякову.

Больше месяца провел он в тайге, исходив сотни километров с лайкой Пелымом. Коряков выяснял возможность заселения охотничьих угодий бобрами, искал следы их обитания. Возвращаясь, он тяжело заболел. Четыре дня охотовед плыл в лодке по течению, чтобы добраться до ближайшего поселка, Вершины. Вот и Атымья — приток реки Пелым. Отсюда оставалось всего четыре километра до селения. Но по притоку приходилось плыть против течения, а силы Корякова иссякли. Как быть? Коряков привязал лайку к лодке и отпустил:

— Тяни, Пелым, тяни!

Собака, поняв хозяина, потащила лодку, как бурлак. В трудных местах охотовед помогал собаке, отталкиваясь веслом. Так верный Пелым спас своего хозяина.

Н. РОЗИНА

Свердловск.

ШАШКИ

Решение концовки Л. Беленького (Москва), помещенной в № 23

1. g1—f2! g3—h2 2. f2—g3! h2 : f4 3. e3 : g5 h6 : f4 4. d2—e3! f4 : d2 5. c3—b4! d2 : d6 6. c3—b4 a5 : c3 7. b2 : a5 и выигрывают.

Из почты «Огонька»

Что это такое?

Не легко определить, что изображено на снимке, и мы не будем заставлять читателей ломать голову над этой загадочной картинкой, дадим сразу ответ.

В июне над городом Каменск-Уральский разразилась сильная гроза с обильным градом. На фотографии: на улицах города после грозы.

Ж. БЕРЛАНД

Каменск-Уральский.

РЕДКИЙ ГРИБ

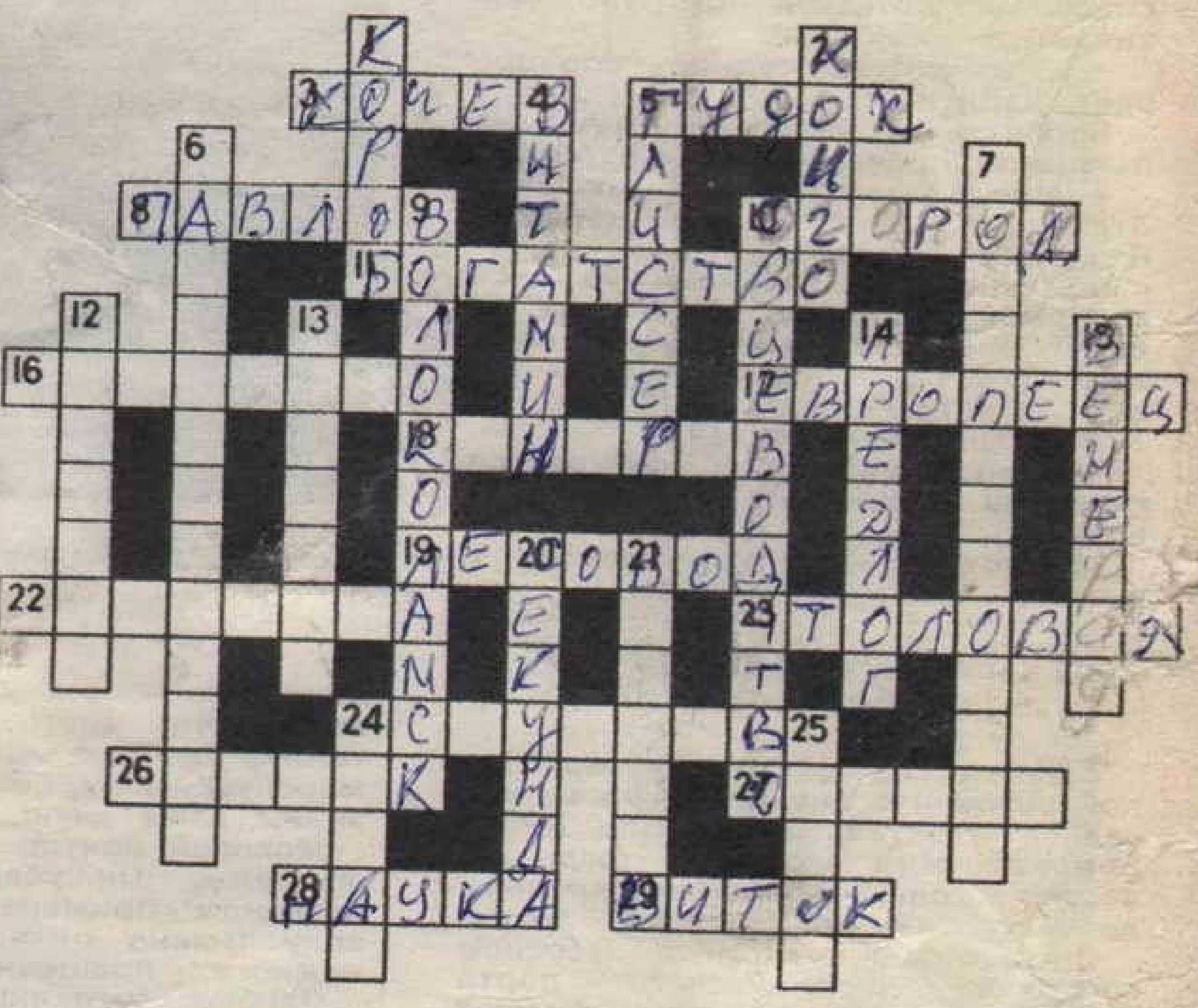

Недавно в подмосковном лесу найден белый гриб солидных размеров: высота — 24 сантиметра, диаметр шляпки — 22 сантиметра.

Редкий гриб весит 1 килограмм 400 граммов.

Фото Ф. Безрук.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Болгарский поэт и публицист. 5. Газета. 8. Русский ученый, физиолог. 10. Участок земли. 11. Обилие материальных ценностей. 16. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 17. Житель одной из частей света. 18. Рельефное изображение на переплете. 19. Специалист в одной из отраслей растениеводства. 22. Сосуд для масла. 23. Учреждение общественного питания. 24. Журнал. 26. Бланк для специальных записей. 27. Ответ на обращение. 28. Область деятельности. 29. Один оборот спирали.

По вертикали:

1. Лубяное или берестяное изделие. 2. Река в Африке. 4. Вещество, необходимое для организма. 5. Быстроходное судно. 6. Наука. 7. Рабочий одной из отраслей коммунального хозяйства. 9. Старинный русский город Московской области. 10. Отрасль животноводства. 12. Созвездие. 13. Денежная единица Австрии. 14. Повод. 15. Город в Европе. 20. Единица времени. 21. Русский дипломат конца XVI — начала XVII века. 24. Советский физик, академик. 25. Ответвление горной цепи.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

По горизонтали:

5. Сибирь. 6. Соболь. 9. Кузбасс. 11. Алтай. 12. Гнейс. 15. Типчак. 17. Целина. 19. Ондатра. 22. Бьеф. 23. Руда. 25. Олень. 26. Якутия. 28. Муксун. 30. Хакас. 32. Чита. 33. Кокс. 37. Караташ. 38. Холзун. 39. Грабен.

По вертикали:

1. Пихта. 2. Иркут. 3. Томск. 4. Алдан. 7. Золото. 8. Байкал. 10. Белуха. 13. Лазо. 14. Лена. 16. Перекат. 18. Иркутск. 20. Долина. 21. Тундра. 22. Белка. 24. Аргут. 27. Иртыш. 29. Уголь. 31. Курган. 32. Чириков. 34. Солонец. 35. Саяны. 36. Тайга.

НАХОДЧИВОСТЬ

Изошутка Л. Ходакова.

На вкладках этого номера четыре страницы репродукций картин А. А. Иванова и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 08435. Подписано к печати 18/VII 1956 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 643. Заказ № 1925

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.